5/1991

ЭКО

9000км АВТОПРОБЕГА
ЖИЛЬЕ УЖЕ НАШЕ
КОНВЕРТИРУЕМОСТЬ РУБЛЯ
ТАЙНЫ ВЛАСТИ

ОТ НАУКИ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ К ПРЕДНАЗНАЧЕНИЮ НАУКИ

Двадцать шесть попыток предшествовали Сотворению мира, и все они кончались неудачей. Мир человека возник из хаоса и обломков, оставшихся от прежних попыток. «Будем надеятся, что на этот раз получилось», — воскликнул Бог, и эта надежда сопутствовала всей истории мира и человечества, отмеченной с самого начала печатью неустранимой неопределенности.

НЕЕР. Видение времени и истории в еврейской культуре.

Памяти тех бесчисленных мужчин и женщин всех убеждений, национальностей и рас, кто пал жертвой фашистской и коммунистической веры в неумолимые законы исторического предназначения.

К.ПОППЕР. Нищета историцизма. Посвящение.

Люди почти столь же могущественны, как Боги. Они созидают и разрушают, заставляют плодоносить безжизненные пески, превращая пустыни в цветущие оазисы. Чаще, впрочем, наоборот. Другими словами, сами творят и мир, в котором живут, и идолов, которым поклоняются, и кумиров, которым подражают. И собственную историю. И почти свободны в своем выборе. По крайней мере, в выборе поступков, способных столь сильно изменить все вокруг, повлиять на жизнь многих и многих, а то и изменить — кто знает — ход самой истории. А поэтому будущее — не книга, прочесть которую под силу посвященным. И даже не тайна за семью печатями. Будущее нужно еще создать, и оно будет таким, каким мы его создадим. Экономическая наука постепенно оставила крайне амбициозные и тщеславные попытки предсказать течение исторического процесса, сосредоточившись на прогнозах последствий тех или иных решений, мероприятий экономической политики, изменений в хозяйственном устройстве. С целью дать им оценку. Не их реализуемости, что было бы непродуктивно (или малопродуктивно), поскольку эти поступки отнюдь не всегда определяются основаниями рациональными. А лишь последствий таких решений. Чтобы направить процесс изменений на улучшение условий человеческой жизни, сделать его более предсказуемым, не позволять ему, по мере возможности, преподносить нам неприятные сюрпризы.

Способна ли наука справиться с этими, пусть более скромными, но все еще грандиозными задачами? Есть много свидетельств, что, в основном, да. Например, сразу после октябрьского переворота (он тогда еще не назывался революцией) несколько ученых убедительно показали, что предпринимаемая попытка построить новое более совершенное и справедливое общество встретится с огромными и непреодолимыми трудностями (см. выдержки из работы Б. Бруцкуса в этом номере ЭКО). В любых своих реализациях такое общество обречено на неэффективность, неспособно ни выявлять потребности людей, ни удовлетворять их сколь бы то ни было сносно. И тем самым уступит в конкуренции другим формам хозяйственной организации. Либо обеспечит свое выживание методами, которые нам сегодня хорошо известны.

Или другой пример. Последствия хозяйственной свободы для государственных предприятий нетрудно было вычислить до того, как этот «эксперимент» начался. Думаю, что понятия мягкого бюджетного ограничения Я. Корнаи ввел, в частности, и для того, чтобы предупредить о таких последствиях.

Оценка потенциальных мероприятий экономической политики осуществляется в промышленно развитых странах регулярно и играет важную роль в выборе и обосновании таких мероприятий, в убеждении простых людей в их необходимости, «неизбежности». Правда, и тут наука имеет свои пределы. Но это уже тема другой истории.

Учредитель: ОРДЕНА ЛЕНИНА СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

5 (203) 1991

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА
ВЫХОДИТ 12 РАЗ В ГОД

0131-7652. Экономика и организация промышленного производства. 1991. № 5. 1–192.

Номер готовили:
Т. Р. Болдырева (ответственный секретарь), Т. М. Бойко, А. К. Ермолаев, Г. М. Жвакина, Т. С. Иванова, В. С. Лавров, М. Н. Левина, Н. Н. Орлова, В. Г. Рубенчик, Г. М. Чеверда, Д. С. Шпильфойгель, Л. А. Щербакова

Иллюстрации художников Д. Залетова, М. Лобырева, Н. Олешко, Л. Петруневой, А. Шемонаева

Зав. редакцией З. Г. БАГЛАЙ
Корректор Н. В. МОЛИНА

Адрес редакции:
630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17
телефон (8-383-2) 35-67-83
Тел. в Москве: (8-095) 125-72-51
Корпункт в Магадане (8-412-22) 2-69-38

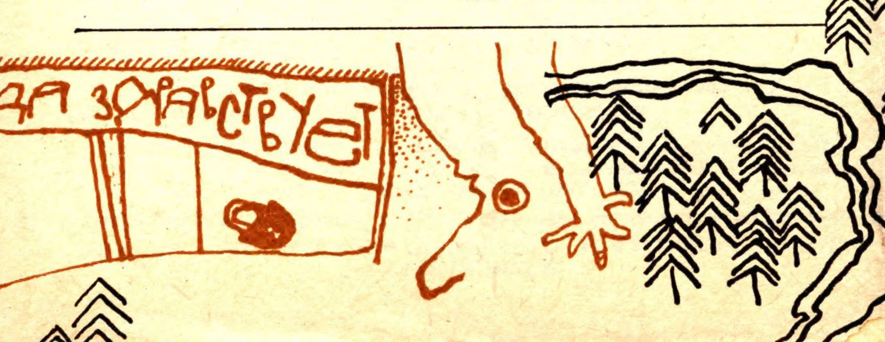
Ордена Трудового Красного Знамени
Издательство «Наука».
Сибирское отделение.
630099 Новосибирск, Советская, 18.

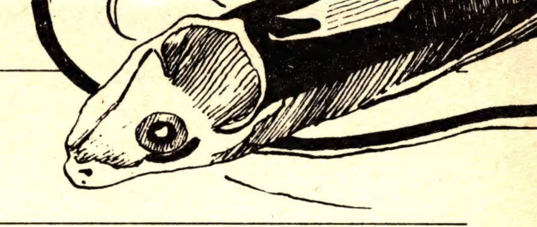
Подписано к печати 24.03.91. Формат 84 x 108/32. Бумага типографская № 2. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,1. Усл. кр-отт. 14,1. Уч-изд. л. 10,9. Тираж 95000. Заказ 719. Цена 1 руб.
я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, Станиславского, 25.

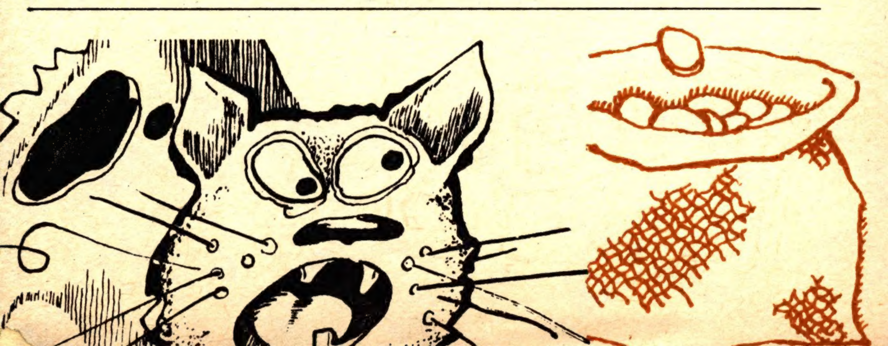
Издатель: СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»,
НОВОСИБИРСК

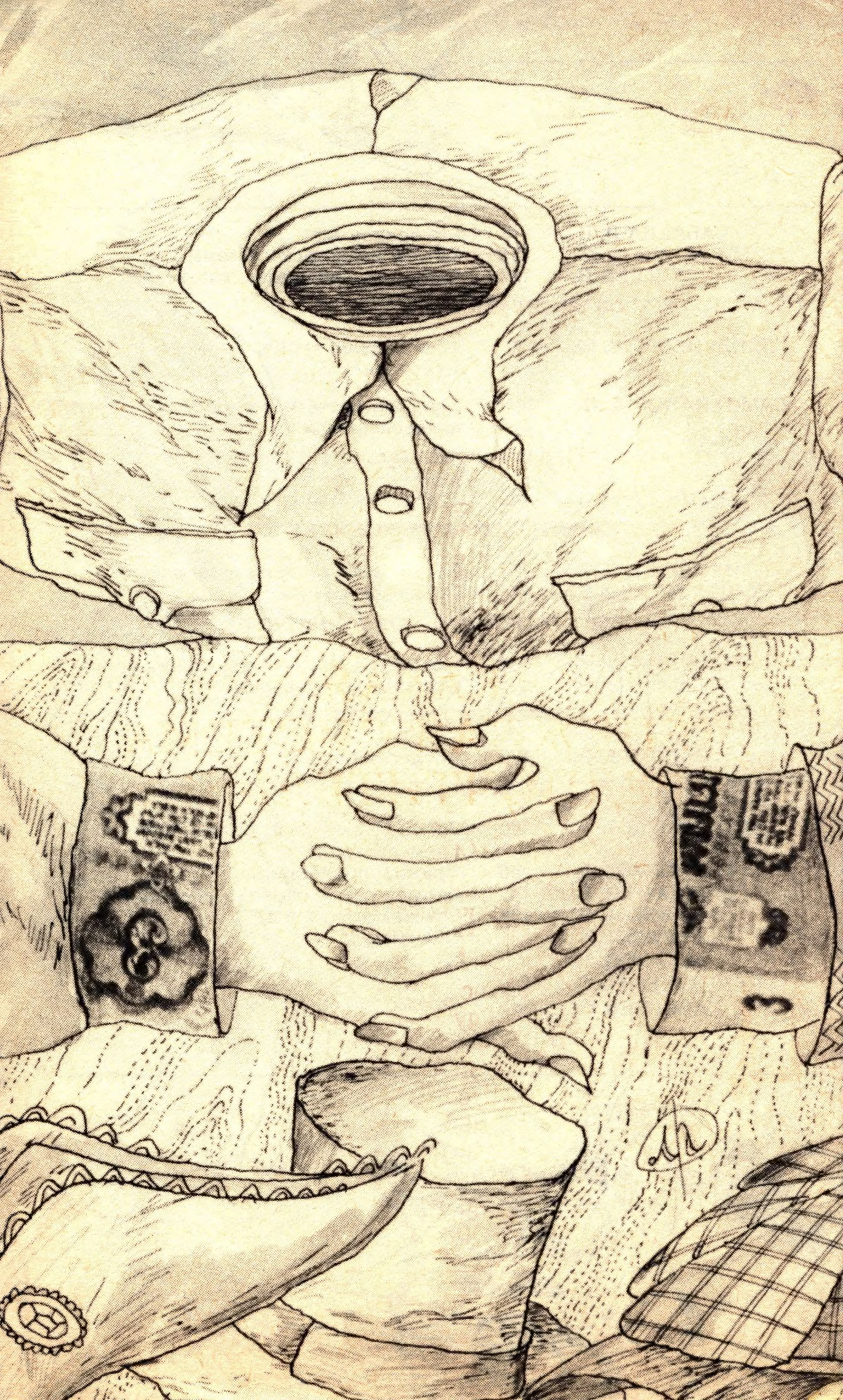

5/91

Известный публицист В. Селюнин увидел во введении республиканских денег необходимое условие выхода из экономического кризиса, преодоления денежных неурядиц. И тут же услышал, что в наших условиях это привело бы к полному хаосу, не только не вылечило, но и усугубило бы наши экономические болезни. Так что же, на этот раз интуиция, здравый смысл подвели публициста и наука однозначно решила этот вопрос в пользу единой денежной системы?

Проблема эта до сих пор в центре научных исследований, серьезных дискуссий, представление о которых могут дать публикуемые в подборке материалы. Мы надеемся, что обращаемся к ней не в последний раз.

Но с самого начала не должно быть заблуждений. То, что мы привыкли называть деньгами, таковыми являются не вполне. Тот, кто думает иначе, пусть попробует сходить с ними в магазин и купить хоть что-то даже в своей республике (городе), не говоря уже о чужом. «Не деньги» это и для предприятий, и не потому ли они не хотят менять свою продукцию на то, что «всеобщим эквивалентом» не является? И даже договоры не помогают.

Так что предстоящий выбор — не между разрушением и совершенствованием имеющейся денежной системы, обслуживающей рыночное хозяйство (ввиду отсутствия таковой). Реальный выбор — между способами создания денег и регулирующих денежное обращение институтов.

КАКАЯ ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ

УРОКИ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИИ

Эдвин Г. ДОЛАН,
Русско-американский университет, Москва
Геттисбургский колледж, Пенсильвания

Центральный вопрос дискуссий о политическом и экономическом будущем Советского Союза — следует ли сохранять единую валюту и денежную систему на всей территории, где сегодня в качестве валюты используется рубль.

Конечно, устройство денежного хозяйства зависит от будущих политических отношений между республиками и другими территориальными образованиями, составляющими современный Союз, но не однозначно. Защитники централизованного унитарного государства выступают за

сохранение единой валюты, контролируемой центром. Те, кто добивается полной независимости республик, предлагают ввести и независимые республиканские деньги. Но между этими крайними позициями — множество предложений о разнообразных федеративных и конфедеративных связях между политическими образованиями будущего Союза, которые, в свою очередь, дополняются соображениями о денежной централизации различной степени. Например, предлагается достаточно свободная конфедерация, в которой денежная система — одна из немногих функций, которые остаются централизованными. Или, наоборот, жесткая федерация, проводящая согласованную экономическую политику, но республики, тем не менее, имеют свою валюту.

Оптимум политической и экономической интеграции в СССР определяется множеством факторов, многие из них уникальны. В то же время игнорировать опыт других стран в этой области было бы опрометчиво, в частности, известные уроки можно извлечь из истории денежных реформ в Соединенных Штатах и Западной Европе. Хочу предложить четыре из них, показав, какое значение они имеют для Советского Союза.

УРОК ПЕРВЫЙ. Множественность валют не обязательно препятствует тесной экономической интеграции политически независимых республик.

В проходящих в СССР дискуссиях часто утверждается, что отказ от единой валюты приведет к полному разрыву хозяйственных связей между регионами. Ситуация, в которой одновременно существуют, скажем, русский рубль, украинский карбованец, эстонская крона и т. д., воспринимается как полнейший хаос. Но это никак не подтверждается зарубежным опытом.

Посмотрим на историю торговых отношений между ведущими индустриально развитыми странами с рыночной экономикой после второй мировой войны. Пятьдесят лет назад большинство экономистов сомневались, что международная торговля и экономическая кооперация смогут процветать в условиях, когда каждая страна сохраняет неограниченный контроль над своей денежной политикой и курсы национальных валют свободно колеблются, реагируя на рыночные силы. Тем не менее, они не предлагали совсем упразднить национальные валюты. Вместо этого в конце второй мировой войны ведущие индустриально раз-

витые страны с рыночной экономикой подписали Бреттон-Вудское соглашение, в соответствии с которым национальным валютам предписывалась «паритетная» стоимость по отношению к доллару США, а стоимость последнего привязывалась, в свою очередь, к золоту.

В условиях Бреттон-Вудского соглашения торговля между этими странами процветала, но нашлись критики, считавшие его слишком жестким. Они высказывались в пользу «плавающих» курсов, которые, вместо привязки к произвольным паритетным стоимостям, варьировались бы день за днем вслед за изменением рыночных условий. Время показало, что критики правы. Бреттон-Вудская система оказалась-таки слишком жесткой и в 1973 г. рухнула, уступив место системе плавающих курсов. В целом опыт с плавающими курсами был успешным. Развитие мировой торговли и международной кооперации после падения Бреттон-Вудской системы идет ускоренными темпами. Сегодня нет оснований утверждать, что торговля, кооперация и тесная международная интеграция невозможны в условиях плавающих курсов и независимой национальной денежной политики.

Это не означает, конечно, что у денежной системы с единой валютой в регионе с тесными экономическими и политическими связями нет своих достоинств. Валютные рынки функционируют хотя и успешно, но не без издержек: существование различных валют хотя и незначительно, но усиливает «трения» внутри международной денежной системы. С этой точки зрения показательно движение Европейского сообщества к единой валюте: не раздельные валюты оказались непреодолимым барьером на пути экономической интеграции; скорее наоборот, высокий уровень интеграции делает осмысленным устранение даже малейшего трения, проистекающего из существования раздельных валют.

Итак, тесная межрегиональная и международная интеграция возможны и при многообразии международных денежных систем — от раздельных валют с плавающими курсами до единых денежных систем. В идеальном мире единая денежная система, возможно, была бы и наилучшим вариантом. Но настаивать на ее сохранении в Союзе сегодня — все равно, что требовать некоторый идеальный тип бензина для автомобиля в то время, как нет даже соглашения о том, следует ли ехать по левой или по правой стороне дороги.

УРОК ВТОРОЙ. **Единая денежная система предпочтительнее национальных валют только в том случае, когда центральным властям можно доверить проведение денежной политики.**

Если самостоятельные образования будут иметь свои валюты, они станут проводить и независимую денежную политику. Такая политика может привести как к инфляции или депрессии, так и к устойчивому экономическому росту? При единой же валюте политика будет одна для всех. Если она будет умной, все воспользуются плодами устойчивого экономического роста; если безответственной — все вместе будут страдать от инфляции или депрессии.

Следовательно, политически самостоятельное образование добровольно откажется от права на самостоятельную денежную политику в пользу центральных властей, только имея основание твердо рассчитывать, что их политика будет стабильной, достойной доверия. В противном случае каждое такое образование лучше предпочтет рискнуть и ошибиться самостоятельно, чем стать жертвой ошибок какой-то далекой власти, над которой не имеет никакого прямого контроля.

Именно этим объясняется тот факт, что становление единой денежной системы в Соединенных Штатах заняло много времени. Там смогли создать ее на основе на эмиссии федеральным правительством долларов как законного платежного средства, но это стало возможным лишь с учреждением Федеральной резервной системы в 1913 г. Почти все XIX столетие попытки ее учреждения блокировались разногласиями между промышленным Востоком и сельскохозяйственным Западом. На Западе боялись, что восточные банкиры будут проводить жесткую ограничительную политику, обрекающую их на серьезные трудности с получением платежных средств. А индустриальный Восток видел в оппонентах адвокатов инфляционной политики доступных денег. Ни один из регионов не желал признавать денежную политику, одобряемую другим. Денежная система была раздробленной; конкурирующие бумажные деньги эмитировались различными правительственными органами и частными банками.

Показателен и опыт Европейского сообщества. После второй мировой войны многие страны совершили серьезные ошибки в денежной политике. Франция и Италия пе-

режили серьезную инфляцию. В Великобритании сменяющие друг друга консервативные и лейбористские правительства проводили политику типа «иди — стой», при которой периоды стагнации сменялись инфляцией. И лишь ФРГ смогла опеспечить устойчивый рост и экономическую стабильность. Сегодня германский подход общепризнан, и Европейское сообщество продвигается к денежному союзу главным образом благодаря уверенности в том, что его новые финансовые власти будут руководствоваться германской моделью. Преждевременное единство при лидерстве в денежной сфере Великобритании, Франции или Италии завело бы сообщество в тупик.

У правительства СССР нет опыта денежной политики в ситуации нарождающегося рынка. Финансовых институтов, необходимых для ее проведения (современная система налогообложения, зрелая сеть коммерческих банков и т.д.), не существует. В этих условиях возникают сомнения в том, что центральное правительство сможет поддерживать бюджетную дисциплину, контролировать денежную массу и сдерживать инфляцию, не прибегая к прямому контролю над ценами. Поэтому неудивительно, что правительства некоторых республик предпочли бы контролировать свою собственную денежную систему, даже рискуя совершить свои собственные ошибки.

В такой ситуации настаивать на единой денежной системе, невзирая на ее цену, — значит затруднить политическое соглашение между республиками и другими региональнами формированиями. Свободная федерация, в которой республики имеют собственную валюту и проводят самостоятельную денежную политику, вполне может оказаться более стабильной и цельной, «сцепленной» прочнее, чем более жесткая федерация с единой валютой.

УРОК ТРЕТИЙ. **Независимая региональная политика невозможна без региональных валют.**

Неудивительно, что многие участники дискуссий в СССР указывают на американскую Федеральную резервную систему как на модель компромисса конфликтующих интересов регионов и центра. Ведь ФРС с его двенадцатью региональными банками (почти по числу республик СССР) под председательством центрального совета — сама продукт такого компромисса. Однако последний, несмотря на свою внешнюю привлекательность, не привел к ситуации, в которой региональная независимость в де-

нежной сфере сочеталась бы с единой валютой.

Поясним прежде всего, что имеется в виду под региональной независимостью денежной политики. Ясно, что она предполагает контроль над темпом роста денежной массы в регионе или нормы процента на региональных рынках заемных средств или того и другого вместе. В современных денежных системах эти политические цели нельзя контролировать независимо; любые мероприятия денежной политики, воздействующие на норму процента, автоматически влияют на темп роста денежной массы, и наоборот.

В экономике с единой валютой, где нет межрегиональных препятствий для финансовых операций или торговых сделок, не существует и способа обеспечить свой региональный темп роста денежной массы и свою региональную норму процента. В ответ на эмиссию денег в регионе цены в нем скорее всего повысятся. Избыток денежных средств быстро хлынет в другие регионы — покупатели устремятся туда за более дешевыми товарами и услугами; это будет продолжаться до тех пор, пока деньги не распространятся равномерно по всем регионам и цены в них выравняются. А политика, ориентированная на уменьшение нормы процента лишь в одном регионе, быстро привлечет со стороны лиц, желающих взять взаймы под низкий процент. Изменение спроса на заемные средства и их предложения выравняет норму процента во всех регионах.

Эти факты помогают понять, что исторический компромисс между интересами регионов и центра, достигнутый федеральным резерным актом 1913 г., был лишь формальным. Он замалчивал ключевой вопрос, ответ на который должен бы дать: кто фактически будет проводить денежную политику Соединенных Штатов?

Поскольку законодательных установок не было, все решали случайные обстоятельства и личности. Ключевым моментом стала централизация финансовых рынков в Нью-Йорке, ключевой личностью — Бенждамин Стронг, президент Федерального резервного банка Нью-Йорка. Стронг определял банковскую политику вплоть до своей смерти в 1928 г., хотя формально был лишь одним из двенадцати «равных» президентов региональных Федеральных резервных банков, которые составляли ФРС. Все это время Федеральное резерное управление в Вашингтоне, номинально возглавлявшее систему, играло подчиненную роль.

После смерти Стронга началось соперничество региональных банков и Федерального резервного управления за контроль над денежной политикой. Не случайно за этот период, с 1929 по 1933 г., ФРС совершила страшнейшие, непростительные ошибки, в огромной степени усугубившие Великую депрессию. И только в 1935 г. вопрос о контроле наконец решается: учрежден Федеральный комитет по операциям на открытом рынке как основной орган, принимающий решения в области денежной политики. В этот комитет входят двенадцать членов, в том числе семь членов Совета управляющих («правопреемник» Федерального резервного управления) и пять — из двенадцати региональных Федеральных резервных банков в соответствии с принципом ротации. Далее Совет управляющих все больше контролировал назначение президентов региональных банков. В результате ФРС сегодня в такой же степени централизованный, единый орган власти в области денежной политики, как и центральные банки других индустриально развитых стран с рыночной экономикой. Все существенные черты самостоятельной региональной денежной политики исчезли.

УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ. Денежная интеграция — скорее результат политической унификации, чем средство ее достижения.

Мы видели, что Соединенные Штаты не достигли единой денежной системы за более чем столетие со своего основания. Период перед гражданской войной отмечен двумя безуспешными попытками сформировать центральный банк (Первый и Второй Банки Соединенных Штатов). Дополнительный элемент конфликта — региональные разногласия относительно того, должна ли национальная денежная система базироваться на золотых, серебряных монетах или бумажных деньгах. Пробовались различные комбинации; ни одна из них не была вполне успешной. В основе неудач в попытках достигнуть соглашения по этим денежным проблемам был глубокий политический конфликт между регионами: сначала между промышленными штатами Севера и плантаторами-рабовладельцами Юга, позднее — между промышленно-финансовыми интересами Востока и сельскохозяйственными — Запада.

Европейское сообщество также продвигалось к денежному союзу крайне медленно. Вплоть до самого последнего времени на сцене доминировали политические проблемы —

от системы представительства в Европарламенте до координации политики в области дипломатии и обороны. Денежный союз стал реальностью только на основе взаимного доверия, возникшего при разрешении этих проблем.

Думается, что такая последовательность событий как в Америке, так и Европе — сначала решение основных политических проблем и лишь затем денежный союз — не случайна. Что следует из того факта, что единая валюта представляет крайне высокую степень централизации денежной политики, фактически не оставляющей места региональной независимости? До тех пор пока каждый регион (страна, государство, республика и т. д.) сохраняет свою валюту, есть возможность компромисса и переговоров. Могут быть предложены различные варианты координации денежной политики, например, Бреттон-Вудское соглашение или механизм согласования валютных курсов, сформировавшийся в Европейском сообществе в течение 80-х годов. При таких механизмах каждый регион все еще имеет возможность всерьез угрожать отказом от союза, который в конце концов является добровольным соглашением между суверенными державами.

Но как только все регионы вступают в денежный союз, наступает конец компромиссам. Для союза может быть только одна денежная политика. Следовательно, добровольного вхождения в такой союз можно ожидать лишь в случае, когда достигнут высокий уровень политической кооперации и взаимного доверия.

Сегодня республики, входящие в Советский Союз, находятся на ранней стадии формирования новых политических связей. Злоупотребления центральных властей всерьез подорвали доверие между регионами; взрывы национальных страстей часто срывают попытки найти компромиссные решения политических проблем. Судя по опыту других стран, это означает, что еще не пришло время для денежного единства. И если настаивать на единой денежной системе, невзирая на ее цену, то это скорее затруднит, чем облегчит достижение политического соглашения. В ближайшем будущем свободная федерация, в которой республики имеют собственную валюту и проводят самостоятельную денежную политику, вполне может оказаться стабильнее и более процветающей, чем жесткая федерация с единой валютой.

Перевод В.П. ИНМАТОВА

... А ДЕНЕЖКИ ВРОЗЬ?

Л. И. ПОЛИЩУК,
кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

В развернувшейся вокруг функций государственной власти «борьбе за наследство» между центром и республиками большое значение придается праву контроля денежного обращения — вплоть до создания республиками отдельных валют. Введение республиканских купонов, повышенный интерес к собственным месторождениям драгоценных металлов, конкурсы на лучший внешний вид будущих денег — все это свидетельствует о том, что из сферы научных и политических дебатов вопрос, похоже, перемещается в практическую плоскость.

Острота полемики вполне объяснима: речь идет об одной из ключевых проблем будущего экономического устройства страны. Если не менее ожесточенные столкновения центра и республик вокруг подчиненности различных отраслей носят все же преходящий характер, и вопрос, надо надеяться, во многом разрешится сам собой по мере разгосударствления средств производства, то монетарная политика сохранится в числе основных экономических рычагов государства и в новой, посткомандной, экономике. Основных — и немногих, а потому особенно важных и высоко ценимых.

В ведущихся спорах и принимаемых решениях многое, увы, диктуется злобой дня, сиюминутными политическими соображениями, а выдвигаемые сторонами аргументы нередко взывают скорее к эмоциям, чем к логике и разуму («защита от диктата центра», «развал единого народнохозяйственного комплекса» и пр.).

Эмоции, впрочем, тоже немаловажны. Собственная валюта традиционно рассматривается в числе главных признаков государственного суверенитета — сродни флагу и гимну. Отказ от единой денежной единицы будет воспринят поэтому в стране и за рубежом как сокрушение одного из важнейших общегосударственных устоев. Это, безусловно, сильный аргумент тех, кто выступает против «федерализации» денежного обращения. Это же, парадоксальным образом, один из веских доводов «за»: провозглашенный республиками суверенитет требует подкрепления общепринятыми атрибутами.

Таким образом, судьба денежной системы в СССР, как и многое другое в советской экономике, находится в тесной зависимости от политического развития. Не пытаясь предвосхитить ход событий, имело бы все

же смысл, оставаясь преимущественно на экономической точке зрения, систематизировать возможные выгоды и потери при введении республиками собственных денег. Такой анализ, разумеется, сам по себе недостаточен для вынесения окончательных суждений, но во всяком случае должен способствовать лучшему пониманию проблемы.

ЗА И ПРОТИВ

Часто утверждается, что введение республиками собственных денег будет весьма дорогостоящим делом. Вероятно — если учесть, что одна только замена наиболее крупных пятидесяти- и сторублевых купюр, проведенная в январе 1991 г., обошлась, по сообщениям печати, в 70—80 млн руб. Следует, однако, иметь в виду, что деньги будут печататься в любом случае, причем их потребное количество должно определяться масштабами производства, скоростью обращения, уровнем цен и размерами безналичного оборота. Более того, если республикам удастся установить более строгий контроль над эмиссией как средством финансирования бюджетного дефицита, то объем работы печатного станка может и сократиться. Так что прямой рост нагрузки на эту подотрасль полиграфической промышленности может быть связан лишь с необходимостью одномоментной замены денег. Последняя же не исключается и при сохранении единой денежной единицы.

Другое дело, что при концентрации функций обслуживания и регулирования денежного обращения в едином центре удается заметно снизить необходимые для этого издержки. Экономия связана не только с хорошо известным полиграфистам уменьшением затрат на единицу печатной продукции при росте тиражей, но главным образом с тем, что отпадает необходимость дублирования элементов финансовой инфраструктуры (включая центральные банки с их эмиссионными функциями) в каждой из республик. Федеральные финансовые институты оказываются в этом случае сродни известным из экономической теории «общественным благам»: без заметного увеличения затрат они одновременно обслуживают потребности всех субъектов федерации.

Экономия эта, увы, не обходится даром. Поскольку единые деньги беспрепятственно циркулируют по всей территории страны, государственная кредитно-финансовая политика с необходимостью принимает «усредненный» характер и не может быть приспособлена к потребностям отдельных регионов. Более «дорогие» республиканские деньги открывают возможность избирательного воздействия на местную экономику, что, безусловно, повышает эффективность монетарных рычагов. Несколько примеров будет приведено позднее; пока же можно проиллюстрировать возникающую дилемму следующей аналогией. Представим себе многоквартирный дом, жители которого стоят перед выбором — приобрести в каждую семью по видеомагнитофону или же создать общими усилиями местную кабельную сеть с единственным ап-

паратом. Вторая возможность подкупает дешевизной, однако в этом случае все жители дома будут смотреть один и тот же фильм. Если вкусы жильцов не слишком отличаются друг от друга, а «видики» очень дороги, то такой вариант весьма привлекателен. Если же договориться трудно, то, возможно, жильцы не постоят за расходами и остановятся на первой возможности.

«Удорожанием» денежного обращения перечень издержек от введения республиканских валют не исчерпывается. Отказ от единой денежной системы наносит серьезный урон общесоюзному рынку, создает препятствия территориальному разделению труда. Необходимость перевода цен из одной валюты в другую с учетом обменных курсов, а также взаимного конвертирования валют требует дополнительных затрат времени и усилий и заметно удорожает совершение сделок. Трудности еще более возрастают в случае — весьма реальном — неполной конвертируемости региональных валют, когда участники сделок скорее всего будут обращаться к твердым «мировым» валютам в качестве удобного и надежного платежного средства. Такого рода препятствия будут подталкивать к поиску торговых партнеров внутри республик, даже если эффективность производства у соседей выше. Помимо прямых потерь, создаются дополнительные предпосылки для монополизации республиканских рынков, и без того непомерно высокой.

Наконец, собственные деньги могут стать мощным (и потенциально опасным) оружием в межрегиональных «торговых войнах». Так, в случае хронической безработицы регион может для стимулирования спроса на местную продукцию понизить обменный курс собственной валюты, дабы привлечь покупателей извне. Безработица при этом экспортируется за пределы региона, и соседи принимают аналогичные ответные меры. Нередко такая «конкурентная девальвация» заканчивается запретом или резким ограничением импорта, что приводит к общему падению производства и дальнейшему усугублению кризиса. Советская практика дает противоположный, хотя и близкий по результатам, пример такого рода политики (известной на Западе под названием «попрошайничать у соседа» — beggar thy neighbour), когда ограничивается доступ на региональные рынки покупателей извне. Защитники идеи республиканских денег не скрывают, что одна из главных целей заключается в защите местного рынка от «покупантов».

«ОПТИМАЛЬНЫЕ ВАЛЮТНЫЕ ЗОНЫ»

Итак, с точки зрения экономиста введение республиканских денег связано со значительными издержками и сулит при этом, по сути дела, единственное преимущество — возможность осуществления республикой собственной кредитно-финансовой политики, полностью ориентированной на решение локальных задач.

Речь идет не только о защите республиканской экономики в кризис-

ной ситуации, но и вообще о макроэкономическом регулировании, опирающемся в условиях рынка на фискальные и монетарные рычаги. Фискальное регулирование (т.е. воздействие на экономику посредством налогов и расходов из госбюджета) без контроля над денежным обращением затруднено, а монетарная политика, управляющая «предложением» денег, вообще невозможна.

В командной экономике, где государство распоряжается производством, назначает цены и устанавливает доходы населения, монетарная политика «по определению» играет ключевую роль в поддержании товарно-денежной сбалансированности. Что касается рыночной экономики, то здесь, согласно классическим воззрениям, деньги «нейтральны»: изменение их массы влечет за собой пропорциональное движение цен (включая заработную плату), так что «физические» пропорции и объемы остаются неизменными. Современная же экономическая теория исходит из наличия тесной взаимосвязи между монетарной и материальной сферами экономики. Адаптация цен, спроса и предложения к изменениям денежной массы может растянуться на длительное время — чем и пользуются, управляя рыночной экономикой монетарными рычагами.

Основные задачи монетарного регулирования — контроль инфляции и безработицы. В случае инфляционного «перегрева» экономики государство известными методами ограничивает предложение денег и тем самым останавливает рост цен. Наоборот, если экономика переживает спад и поражена безработицей, то удешевление кредита, денежная экспансия государства на открытом рынке и пр. могут активизировать производство.

Как, однако, следует поступать, когда одним районам угрожает безработица, а другие испытывают инфляционное давление? Такая ситуация вполне реальна, если, например, спрос перемещается из регионов с устаревшей и инертной производственной структурой в более динамично развивающиеся области. Попытки стимулировать кредитно-финансовыми рычагами экономическую активность в районах, переживающих застой, усугубят «перегрев» экономики в других частях страны, и наоборот. Монетарная государственная политика оказывается в этом случае парализованной и не способной решить свою главную задачу — балансирование между безработицей и инфляцией.

Выходом из положения может стать введение территориями собственных денег, циркулирующих в пределах «оптимальных валютных зон» (идея и терминология предложены в 1961 г. сотрудником Международного валютного фонда Р. Манделом). Границы зон должны определяться сопоставлением перечисленных выше издержек, связанных с дроблением единой денежной системы, с выгодами от независимого кредитно-финансового регулирования. Иначе говоря, чем обширнее зона, тем лучше, но при этом экономические условия в ее пределах должны быть более или менее одинаковыми.

«Оптимальные валютные зоны»

развязывают клубок региональных проблем, сплетенный единой валютой в экономически разъединенном государстве. Так, денежная экспансия в депрессивном регионе уже не переливается в виде инфляции за его пределы, а ведет к понижению обменного курса местной валюты, что возвращает в регион «убежавший» отсюда спрос. И наоборот, антиинфляционные меры, принятые там, где спрос непомерно велик, не откликнутся на сопредельных территориях экономическим спадом[1].

А вот еще один пример (указан в прошлом году М. Канцонери и К. Роджерс). Что может произойти при отказе от национальных валют — в пользу, скажем, ЭКЮ — таких европейских государств, входящих в Общий рынок, как Италия и Германия? В настоящее время темпы эмиссии в Италии значительно выше немецких; одна из причин, как это ни неожиданно, — различные масштабы теневой экономики (в Италии, по оценкам, до 20 % ВНП, в Германии — приблизительно в три раза меньше). Как известно, признаком теневого бизнеса на Западе является уклонение от уплаты налогов. Среди немногих возможностей все же обложить налогами теневые капиталы — их обесценивание при помощи искусственно повышенной инфляции. С принятием ЭКЮ в качестве единственной валюты этот способ утратит свою действенность: низкие темпы эмиссии будут содействовать преступному обогащению итальянских мафиози, высокие — обесценят честный заработок немецких бюргеров. (С чем-то подобным мы столкнулись нынешней зимой, когда замена купюр, нацеленная, по замыслу ее организаторов, против теневой экономики, легла одинаково тяжким грузом на жителей всех регионов СССР, хотя и здесь, безусловно, есть свои «Италии» и «Германии»).

Почему же, несмотря на все сказанное, «оптимальные валютные зоны», как правило, очерчиваются государственными границами или даже выходят за пределы этих границ? Дело в том, что единство денежной системы, помимо упоминавшихся выше политических соображений, опирается на прочную материальную основу в виде глубоко интегрированных национальных (или даже наднациональных) рынков со свободным движением факторов и результатов производства.

Чем выше пространственная мобильность товаров, услуг, капиталов и, наконец, населения, тем менее вероятно возникновение хронических региональных проблем. Труд и капитал, свободно мигрируя из одного региона в другой, способствуют «рассасыванию» локального неравновесия, распределяют его по всей территории страны, после чего, с утратой проблемой узкорегионального характера, вступает в действие общенациональная макрополи-

1 Для этого «зональные» валюты должны быть связаны «плавающими» обменными курсами; в противном случае монетарная политика оказывается стесненной обязательством поддержания фиксированных условий обмена одной валюты на другую.

тика. Так исчезают преимущества «местных» денег. Одновременно — с ростом масштабов межрегионального обмена — такие деньги обходятся все дороже и дороже, причем при глубокой специализации региональных экономик эти издержки неизбежны, ибо местное производство не может заменить ввоз. Коротко говоря, по-настоящему общий рынок требует общих денег.

ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Разумеется, только что нарисованная идиллическая картина общенационального рынка приукрашивает действительность. Современные государства, в том числе высокоразвитые, сталкиваются с проблемами хронически депрессивных регионов, а движение капитала и, в особенности, населения, ограничивается различными препятствиями — как естественного происхождения, так и создаваемыми искусственно. В этих условиях «оптимальные валютные зоны» могут оказаться меньшими чем государственная территория. Если тем не менее региональные валюты остаются редкими курьезами[2], то, вероятно, потому, что вопрос решается не только соображениями экономической целесообразности. Возможные материальные потери компенсируются внеэкономическими ценностями, такими, например, как национальное единство, укрепляемое общей валютой. К тому же внутренние рынки по-прежнему гораздо более открыты, нежели международные, и система национальных валют отражает и закрепляет такое положение вещей.

Безусловно, знамением времени становится стремление к международной экономической интеграции вообще и валютной — в частности. Не случайно идея «оптимальных валютных зон» обсуждается сейчас применительно не к отдельным частям той или иной страны, а к союзам государств, вводящим наднациональные валюты. Тем не менее тенденцию к валютной интеграции не следует преувеличивать. Впечатляющий пример Европейского экономического сообщества заслоняет, в частности, отказ в начале семидесятых годов от Бреттон-Вудской системы фиксированных валютных курсов, существенно ограничивающей монетарный суверенитет стран-участниц. С переходом к плавающим курсам этот суверенитет был восстановлен — к явной выгоде для государственной финансовой макрополитики и со значительным ущербом для валютных спекуляций. Очевидно, совокупность стран-участниц Бреттон-Вуда намного превышала пределы «оптимальной валютной зоны». Во всяком случае, весь мир таковой не является, как меланхо-

2 Любопытна, например, сохранившаяся в Великобритании традиция, предоставляющая право нескольким шотландским банкам выпускать собственные банкноты. Тем не менее основные эмиссионные полномочия вместе с исключительным правом осуществления монетарной политики закреплены за центральным Английским банком.

лически заметил Р. Мандел. И сегодня, увы, не утратили актуальности слова Дж.Милля о «варварстве, сохраняющемся в обменах между цивилизованными нациями, вследствие чего почти все независимые государства предпочитают иметь свои валюты — к неудобству как для самих себя, так и для своих соседей».

Если же государство, в особенности многонациональное, сталкивается с региональным сепаратизмом, то под угрозой демонтажа, наряду с прочими общегосударственными институтами, может оказаться и система денежного обращения. Когда общественное согласие и доверие в прежних границах утрачены и восстанавливаются в более узких территориальных рамках, стремление к обособлению и защите может перевесить резоны экономической выгоды.

Такая возможность кажется особенно реальной в неустойчивых многонациональных федерациях. Действительно, здесь, во-первых, сепаратизм может найти опору в виде элементов суверенитета, уже предоставленного регионам федеральной конституцией. Во-вторых, сам факт разделения экономических полномочий между центром и субъектами федерации «сегментирует» рынок, а это, как уже отмечалось, создает почву для введения региональных денег.

С этой точки зрения весьма любопытна ситуация в Канаде — федеральном государстве, во многих отношениях сходном с СССР, включая, увы, мощное сепаратистское движение на этнической основе. Судя по всему, отделение от Канады франкоязычной провинции Квебек может стать в ближайшие годы реальностью. Во всяком случае, решимость сторонников независимости Квебека, имеющих в провинции широкую поддержку, соседствует с глубоким разочарованием англоязычного населения неудачами настойчивых попыток достичь национального единства. Многие в Канаде смирились с возможным разделом государства, а отношение к перспективе отделения Квебека все чаще выражается словами «Пусть уходят!».

В основе квебекского сепаратизма (или, если угодно, движения за суверенитет) лежат культурно-лингвистические мотивы. Франкоязычное меньшинство озабочено перспективой «растворения» среди преимущественно англоязычного населения страны. По этой причине провинция уже сейчас стремится, насколько возможно, обособиться от англо-Канады. Характерно, однако, что далеко идущие во всех остальных отношениях программы строительства собственного государства не предполагают создания собственной валютной системы. Ожидается, что независимый Квебек сохранит канадский доллар в качестве национальной денежной единицы. Возможность активного участия в канадском экономическом союзе очевидным образом перевешивает ущемление столь желанного суверенитета.

Тем не менее в канадской экономической истории отмечена попытка введения одной из провинций суррогата собственной валюты. Речь

идет об Альберте — бастионе так называемого «западного» сепаратизма, питаемого удаленностью от центральных районов страны, а в последнее время — и внушительными доходами от эксплуатации нефтегазовых месторождений.

В тридцатые годы на фоне последствий Великой депрессии к власти в провинции Альберта пришло правительство с простой и привлекательной экономической программой. Суть программы: за кризис несет ответственность антиобщественная банковская система, изымающая деньги из оборота и подрывающая тем самым народное благосостояние и экономический рост. В качестве рецепта было решено выплачивать каждому совершеннолетнему жителю провинции по 25 долларов ежемесячно в виде так называемого «национального дивиденда». Длительное хранение «дивиденда» облагалось высоким налогом; деньги, таким образом, должны были находиться в постоянном обороте и использоваться в качестве средства платежа, но не накопления. «Дивиденды» выплачивались специальными купюрами, внешне напоминавшими обычные деньги, с правом обмена на последние при соблюдении определенных условий.

С определенными оговорками предпринятые шаги можно было рассматривать как денежную экспансию (пусть в нестандартной форме), вообще говоря, уместную при выводе экономики из застоя. Однако масштабы акции, принципы ее осуществления в совокупности с другими экономическими идеями общественного доверия (например, запрет повышения цен сверх «справедливого» уровня) привели всю политику к скорому и убедительному провалу. Главной проблемой оказалась нехватка обычных денег для обеспечения надежной конвертируемости новой квазивалюты. «Дивиденды» отказывались принимать в качестве платежного средства, причем в числе прочих — и само провинциальное правительство, не разрешавшее выплачивать новыми деньгами налоги. По прошествии нескольких месяцев «национальные дивиденды» оказались исключенными из обращения.

Итак, идея региональных денег не нашла в Канаде успеха — несмотря на, казалось бы, многие к тому предпосылки. Большой и динамичный рынок оказывается здесь сильнее неудержимого в других областях сепаратизма.

ВАЛЮТЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Как бы ни был поучителен для СССР зарубежный опыт, картина останется неполной, если не учитывать особенностей движения от командной экономики к рынку. Уже ясно, что различные республики выбирают при этом собственные пути, сообразуясь с историческими традициями, политической обстановкой и экономическими особенностями. Консервация элементов центрального планирования, доминирования госсобственности, административного ценообразования может соседствовать с радикальными реформами,

имеющими целью быстрый переход к свободному рынку. Подобная несогласованность несовместима с существованием свободного межрегионального рынка; трудно, например, представить себе использование одной и той же денежной единицы в двух регионах с существенно различной политикой ценообразования, заработной платы, социального обеспечения и т.п. В таких условиях определенная изоляция региональных экономик, вплоть до введения собственных денег, может оказаться неизбежной.

Надо также иметь в виду, что переход к рынку связан со значительными тяготами, и политическая стабильность на этот период может быть обеспечена либо авторитарным режимом, либо высокой степенью общественного согласия, доверия и поддержки органов власти со стороны населения. Требуемого согласия труднее достичь в общесоюзном масштабе, нежели в пределах отдельных республик, где население значительно однороднее с этнической и социальной точек зрения. На избранные в республиках органы власти и следует, вероятно, переложить бремя непопулярных решений, сохранив за центром функции координации в переходный период. Эта естественная и привлекательная идея была одной из основ общесоюзного плана «500 дней».

Неясно, однако, каким образом эта идея может быть осуществлена при сохранении единой системы денежного обращения, на чем также настаивал упомянутый план. Неизбежные на пути к рынку финансовая стабилизация, реформы ценообразования, заработной платы, социального обеспечения и пр. окажутся связанными общими деньгами и потребуют вследствие этого трудно достижимой согласованности республиканских планов. О том, сколь непросто достичь такого согласия, свидетельствует история реформы розничных цен — при том, что союзное правительство предпочло проводить эту реформу от своего имени, принимая на себя ответственность и добиваясь от республик лишь санкционирования своих действий.

Высказанные соображения заставляют по-новому взглянуть на идею «оптимальных валютных зон», которые могли бы обслуживать переходный период. Совершенно необязательно введение собственной валюты каждой республикой; зоны могут состоять из нескольких республик, сумевших добиться согласия относительно программ перехода к рынку и принципов будущего экономического устройства, а также уверенных в преимуществах тесного взаимодействия друг с другом. Было бы замечательно, если бы такая зона включила в себя все республики; свежо, однако же, предание...

Тем не менее можно ожидать, что «мавр» сделает свое дело (надо надеяться, не буквально) и уйдет, после чего по мере утверждения рыночных отношений естественные выгоды межреспубликанской кооперации будут способствовать восстановлению единых денег.

* *

МИРОВЫЕ ЦЕНЫ И ВАЛЮТУ ВСЕМ

Низкие цены на природные ископаемые и энергоресурсы не способствуют их экономии и препятствуют естественному развитию добывающих отраслей. Сложившееся соотношение цен на продукцию машиностроения и энергоносители делает неэффективным применение более капиталоемких энергосберегающих технологий.

Негативное воздействие деформированных цен особенно обострилось с 1 апреля 1989 г., когда предприятия получили право самостоятельной внешнеэкономической деятельности. Преимущества получили предприятия обрабатывающих отраслей, которые, используя дешевое сырье, экспортируют свою продукцию по низким ценам. Добывающие отрасли промышленности, где госзаказ равен 100%, во внешнеэкономической деятельности практически не участвуют. Не срабатывает и постановление об изъятии в бюджет прибыли, полученной сверх 30-процентного уровня рентабельности. Из экономического рычага это постановление превратилось в тормоз не только рынка, но и НТП. Предприятиям теперь невыгодно осваивать новую технологию, существенно снижающую себестоимость продукции, так как в результате снизится и объем прибыли.

Нереально создать в короткий срок на внутреннем рынке серьезную конкуренцию предприятиям-монополистам, да еще в условиях жесточайшего кризиса. Чтобы переход к открытой экономике был эффективным, необходимо, во-первых, по возможности привести внутренние цены к мировому уровню, во-вторых, предприятиям иметь конвертируемую валюту. Внутренние цены на все виды природных ископаемых (руды, энергоносители и др.), на первичные продукты сельского хозяйства (зерно, хлопок, корма, овощи, фрукты) должны быть максимально приближены к мировому уровню.

По официальным статистическим данным, производительность труда в СССР ниже, чем в США, в промышленности — в 2 раза, в сельском хозяйстве — в 4 раза. Если условно допустить, что в целом по народному хозяйству производительность ниже уровня США в 3 раза, то соотношение рубля и доллара должно быть соответственно 3 : 1. Это подтверждалось курсом рубля на черном рынке в относительно стабильный период нашей экономики — в начале 80-х годов. Так, если средняя цена на нефть на мировом рынке составляет 100 дол./т, следовательно, при курсе 3 руб. за дол. внутренняя цена на нефть составит 300 руб./т. При средней цене на пшеницу на мировом рынке 90 дол./ц внутренняя цена составит 270 руб./ц. Сверхприбыль, образующаяся в ряде добывающих отраслей из-за благоприятных условий добычи, может изыматься в бюджет путем рентных платежей.

Повышение цен на первичные ресурсы, возможно, потребует пересмотра розничных цен, при этом следует учитывать их многоступенча-

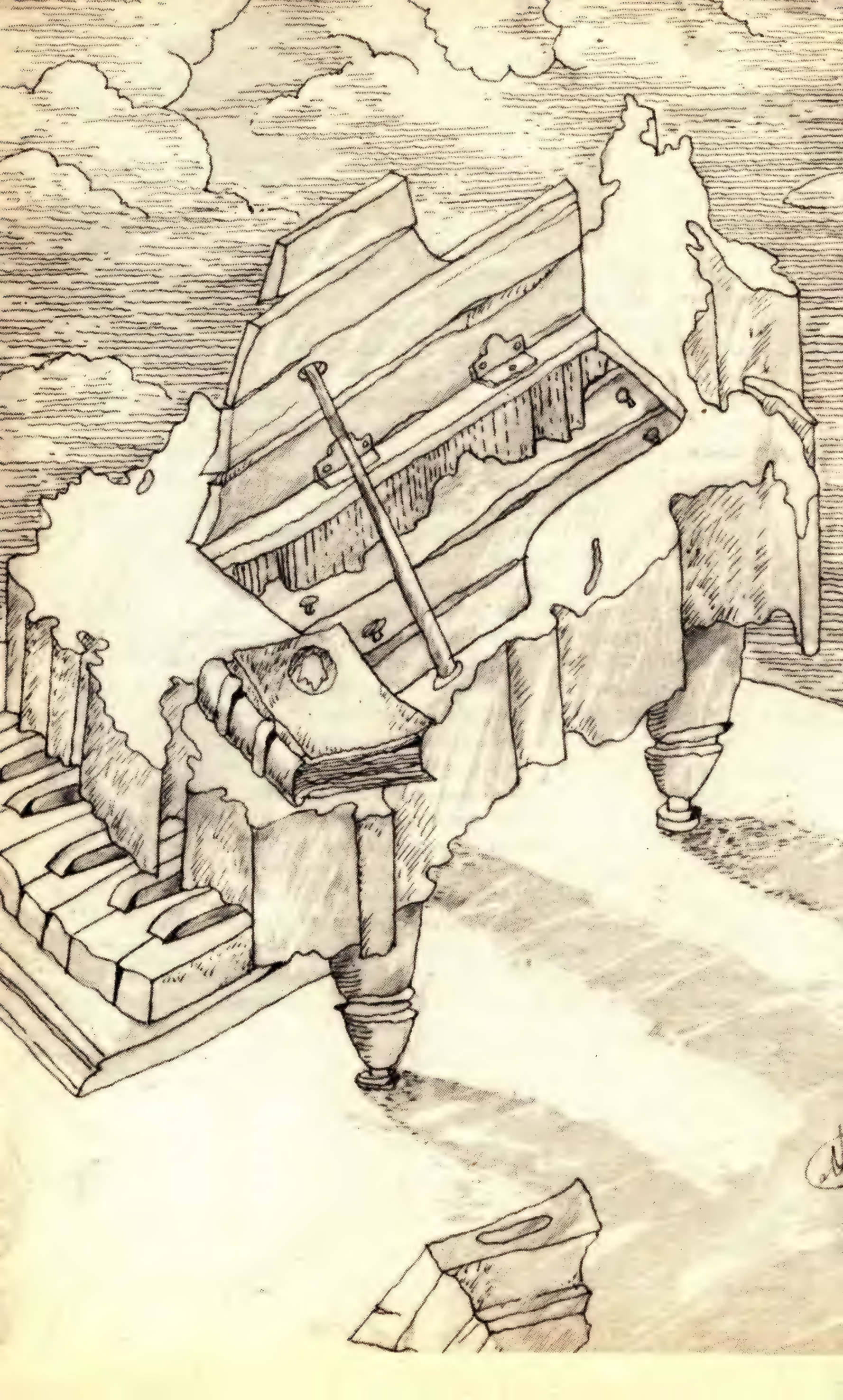
тость и высокую долю налога с оборота. Так, при цене на нефть 30 руб./т цена предприятия на бензин А-92 составляет 100 руб./т, а розничная цена — 500 руб./т.

Чтобы привести жизненный уровень населения в соответствие с индексом потребительских цен, следует увеличить заработную плату, пенсии, стипендии и другие выплаты, а также вклады населения в Сбербанках. В соответствии с повышением стоимости продукции машиностроения, строительства и транспортных расходов должна быть увеличена балансовая стоимость действующих предприятий, зданий и сооружений. Изменение масштаба внутренних цен позволит ослабить влияние на потребительский рынок тех «горячих рублей», которые, не доходя до Сбербанков, остаются на руках или уплывают за границу.

Для насыщения внутреннего рынка конвертируемой валютой следует оплачивать ею ту продукцию отечественных предприятий, которая соответствует мировому уровню и может быть предметом экспорта или импорта. Это облегчит предприятиям выход на внешний рынок и обеспечит дополнительные валютные поступления государству. Например, сейчас трудно представить, что отечественный нефтеперерабатывающий завод, простаивающий или работающий в неполную силу из-за недопоставок нефти, за конвертируемую валюту закупит нефть за рубежом, переработает ее и продаст нефтепродукты по более дорогой цене. Во-первых, для этих целей у предприятия нет достаточных валютных средств, а во-вторых, почти вся валютная выручка будет изъята в бюджет для централизованного распределения. Эффективность последнего ярко иллюстрируется количеством неустановленного импортного оборудования, стоимость которого около 5 млрд инвалютных рублей.

Замкнутая экономика не стимулирует предприятия к повышению качества продукции. Целесообразно оплачивать валютой всю высококачественную продукцию, а не только сверхплановую, как это практикуется в отношении зерна. Тогда предприятия будут заинтересованы в увеличении производства, не опасаясь планирования от достигнутого уровня. Перечень такой продукции можно установить исходя из валютных резервов страны. Распространение конвертируемой валюты на внутреннем рынке позволит преодолеть монополию отдельных производителей, так как верхний предел договорных цен будет сдерживать стремление потребителей закупать продукцию за рубежом. Создание полнокровного внутреннего валютного рынка несомненно отразится на курсе рубля. Нынешний его курс на валютных аукционах создан искусственно — в частности, за счет ограничений для участников аукционов и ограниченности валютных средств у предприятий.

А. А. ЯКОВЛЕВ,
НПО «Леннефтехим»,
Ленинград

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СССР В 80-е ГОДЫ

Г. И. ХАНИН,
кандидат экономических наук,
Новосибирск

Корни резкого ухудшения экономического положения СССР в 80-е годы надо искать во всем предшествующем периоде. Краткосрочные изменения в общей и экономической политике лишь модифицировали воздействие долгосрочных факторов. Наиболее важный из них — ухудшение нравственных, профессиональных и физических характеристик трудовых ресурсов. Уже в начале перестройки это нашло отражение в призывах к усилению роли «человеческого фактора».

Идею о долгосрочном негативном влиянии первой мировой и гражданской войн на развитие советского общества впервые высказал Питирим Сорокин в 1922 г. в журнале «Экономист», вскоре после этого закрытом, не в последнюю очередь из-за данной публикации. Активно отстаивал ее и выдающийся советский генетик Н. К. Кольцов в 20—30-е годы.

Сама по себе идея о связи упадка цивилизаций и государств с деградацией их народов не нова. Этим объясняли упадок Римской империи, а также мощи Англии и Франции в связи с тяжелыми потерями в первой мировой войне. Трудность в том, чтобы подтвердить ее статистическими данными, не всегда доступными исследователям.

ПОТЕРИ СРЕДИ ЛУЧШИХ[1]

Начиная с первой мировой войны наше население беспрерывно несет огромные, имеющие мало аналогов в мировой истории потери. Прямые исчисляются в 60—70 млн человек (свыше 40% жителей предреволюционной России). Наиболее поражены творческие, активные слои населения: кадровое офицерство, квалифицированные рабо-

1 Использованы результаты исследований Б. И. Искакова и его коллег.

чие, богатые крестьяне, помещики, предприниматели. Особенно болезненны потери интеллигенции, которая и так была малочисленна по сравнению с другими странами. Уничтожено до 80% талантливых ученых-экономистов. Даже репрессии 1937 г., направленные против мнимо-оппозиционной части партии, с особой силой обрушились на инженерно-техническую и творческую интеллигенцию.

Господство посредственностей (как результат отрицательного отбора) в руководстве обществом и наукой губительно сказывалось на воспитании молодого поколения. К примеру, из девяти советских ученых — нобелевских лауреатов — только двое (Басов и Прохоров) получили образование в 30—40-е годы, остальные — до середины 20-х; за 60—80-е годы советским ученым не присвоена ни одна Нобелевская премия.

Утрата идеалов, невозможность самореализации привели к резкому увеличению потребления спиртных напитков. Высокий уровень загрязнения окружающей среды, плохое питание, низкое качество медицинского обслуживания резко ухудшили здоровье населения. Доля ослабленных и предрасположенных к болезням в СССР составляет от 53 до 60% всего населения, среди детей и молодежи — от 53 до 70%, что указывает на ухудшение генофонда. На рубеже 70-х годов в Москве родилось около 55% ослабленных детей, а 80-х — 70—90% (из них 20—25% дебилов).

По моим расчетам, экономический рост в 1928—1985 гг. (за исключением 50-х годов) носил экстенсивный характер: рост основных фондов и использования сырья существенно превышал рост национального дохода, а численность занятых — рост производительности труда.

В рамках существовавшей экономической и политической системы только такой тип воспроизводства и был возможен. Между тем с середины 50-х годов трудности здесь нарастали. Падали темпы роста численности занятых. В приросте трудовых ресурсов резко возросла доля населения южных районов с более низкими, чем в среднем по стране, образованием и квалификацией и мобильностью. «Стройбаты» лишь частично могли компенсировать сокращение почти дармовой рабочей силы (в результате смягчения уголовных наказаний и освобождения основной массы политзаключенных).

Сокращение прироста трудовых ресурсов увеличивает разрыв между количеством рабочих мест и численностью

занятых. Как следствие, в инвестиционном комплексе замедлился рост численности занятых, неуклонно падала эффективность использования ресурсов, сократилась потребность в расширении основных производственных фондов. В том же направлении действовали привилегированное положение оборонного сектора (темпы роста которого были особенно велики в тот период), нехватка современных материалов. В строительстве в отдельные периоды абсолютно падала производительность труда и резко росла материалоемкость.

И УХУДШЕНИЕ УСЛОВИЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Замедленное развитие инвестиционного комплекса и ошибочное использование его ресурсов преимущественно для нужд нового строительства затрудняли обновление основных фондов. Физически устаревшие фонды не выбывали. Дело в том, что ввод новых оказался к концу 70-х годов равным, а порой даже меньшим необходимого их выбытия в электроэнегетике, черной и цветной металлургии, топливной, легкой и пищевой промышленности, промышленности строительных материалов, на железнодорожном транспорте. Из-за старения основных фондов ухудшалось качество продукции, росла аварийность, разбухал ремонтный комплекс.

Все это затрудняло развитие не только традиционных отраслей, но и новых, замедлились внедрение НТП и структурная перестройка экономики. Не последнюю роль сыграла неэффективность экономики: преодоление непомерной расточительности в использовании сырья, производственного аппарата, рабочей силы позволяло достигать тех же результатов, даже сокращая объем основных фондов. Однако из-за «самоедского» характера экономики росла потребность в новых основных фондах.

Нагромождались трудности в обеспечении народного хозяйства сырьем, обостряемые сырьевым характером экспорта. «Благоприятные» месторождения неравномерно быстро истощались. Прежде всего это коснулось сырьевой базы металлургии, химической и целлюлозно-бумажной отраслей. Стабильность в экономике поддерживалась в 70-е годы главным образом благодаря ускоренному наращиванию добычи нефти и газа на богатейших месторождениях Западной Сибири и гигантскому росту цен на

сырьевые продукты на мировом рынке. Это позволяло увеличивать импорт потребительских товаров, современного оборудования, рос уровень жизни населения. Исчерпание этих возможностей поставило экономику на грань краха.

Однако хищническая эксплуатация и там к началу 80-х годов породила большие трудности с расширением добычи сначала нефти, а затем и газа. Катастрофически ухудшалось качество почв, уменьшался гумус, сокращались площади, пригодные для посевов. Из-за усиленного наращивания производства продукции тяжелой промышленности, недооценки экологической опасности с 60—70-х годов неуклонно нарастало загрязнение окружающей среды. В условиях экологической безграмотности и экономической безответственности готовились проекты века типа переброски рек, мелиорации Средней Азии и Поволжья.

После смещения Хрущева сформировавшийся в годы сталинизма режим относительно высокой ответственности перед вышестоящими органами и производственной дисциплины год от года разрушался. Росла коррупция руководящих кадров, падала их квалификация. Прогулы и пьянство на рабочих местах становились нормой. Для затушевывания ухудшающегося положения дел все шире прибегали к припискам, скрытому росту оптовых цен.

В 1980 г. анализ долгосрочных экономических и социальных тенденций и ожидавших нас в 80-е годы осложнений (например, изменения мировых цен на сырье и прекращения роста добычи нефти) позволил мне спрогнозировать падение за истекшее десятилетие национального дохода на 20%, уровня жизни — на 30%. Конечно, грозящие нам опасности понимал не только я. Но во времена Брежнева о принятии каких-либо существенных мер по улучшению положения не могло быть и речи.

КАРТИНА В ДЕТАЛЯХ И РЕТРОСПЕКТИВЕ

Из таблицы видно, что в 80-е годы продолжалось начавшееся в конце 50-х годов падение темпов экономического роста. Качественное же отличие от предшествующего периода — в сокращении национального дохода. С учетом роста численности населения (примерно на 10%) это означало уменьшение душевого производства национального

Динамика основных экономических показателей за 1981—1990 гг.

	1981—1982	1983—1988	1989—1990*	1981—1990
Индекс национального дохода	0,96	1,11	0,91	0,98
Индекс основных производственных фондов (по остаточной стоимости)	1,03	1,12	0,99	1,14
Индекс фондоотдачи	0,93	0,99	0,92	0,85
Индекс численности занятых в материальном производстве	1,01	1,03	0,99	1,02
Индекс производительности общественного труда	0,95	1,09	0,92	0,96
Индекс материалоемкости	1,05	1,04	1,07	1,17
Индекс ввода основных фондов	0,96	1,01	0,79	0,76

* Расчеты за 1989—1990 гг. носят предварительный характер, оценки динамики основных производственных фондов уточнены по сравнению с ранее опубликованными данными.

дохода на 12%. Фондоотдача упала на 15%, производительность труда — на 4%, а материалоемкость выросла на 17%. Почти прекратился рост численности занятых в материальном производстве. В отдельные периоды она даже сокращалась. Сначала замедлился рост, а в конце периода началось абсолютное сокращение объема основных фондов. Хотя это и оказало значильно более слабое влияние.

В погоне за прежним уровнем жизни в условиях резкого сокращения душевого производства национального дохода (и еще большего сокращения использованного национального дохода) и сохранением социальной стабильности пришлось пожертвовать производственными капиталовложениями. За 1989—1990 гг. они сократились почти на четверть. Производство и использование материалов в этот период увеличивались медленнее, чем раньше. До 1989 г. их рост был весьма существенным, а затем и здесь наступил глубокий спад.

На мой взгляд, любопытно сравнить итоги экономического развития СССР в 80-е и 30-е годы[2]. Хотя ухудшение всех показателей эффективности в эти периоды и сравнимо, общий характер экономического развития отличается коренным образом. В 30-е годы вовлечение в производство огромных объемов новых ресурсов (труда, капитала, сырья) обеспечило экономический рост и глубокие структурные сдвиги в экономике, повышение производительности труда главным образом за счет разницы в новых и традиционных секторах экономики. В 80-е годы картина коренным образом изменилась: резервы вовлечения новых ресурсов были почти полностью исчерпаны.

Длящееся более 20 лет падение темпов экономического роста в 1981—1982 гг. переросло в абсолютное сокращение объема национального дохода. На его характере сказалось разложение брежневской административной системы. В деятельности партийных и государственных органов наступил почти полный паралич, который передался всему обществу. Верхи слишком часто занималась личным обогащением, низы — пьянствовали и воровали. В обществе воцарились безнадежность и апатия.

Падение национального дохода — следствие исключительно сильного снижения эффективности общественного производства. Всего за два года фондоотдача упала на 7%, производительность труда — на 5%, материалоемкость выросла на 5%. Аналогичные по размеру падение фондоотдачи и рост материалоемкости в послевоенный период происходили лишь за пятилетие; падения производительности труда после войны не наблюдалось. В советский период аналогом кризиса начала 80-х годов с точки зрения падения эффективности производства была лишь первая пятилетка, точнее, 1931—1932 гг., когда вследствие коллективизации сельского хозяйства и беспорядочной индустриализации падение эффективности производства было еще большим.

Объем использования ресурсов увеличивался в тот период значительно медленнее, чем в предыдущие. Замедление особенно сказалось в производстве материалов и динамике основных фондов в связи с падением эффективности производства в горнодобывающей промышленности и инвестиционном комплексе.

2 Результаты экономического развития СССР в 30-е годы опубликованы в статье «Экономический рост: альтернативная оценка» (Коммунист 17.88).

Несмотря на начавшийся экономический кризис реальные доходы населения заметно не уменьшились (хотя по некоторым предметам потребления отмечались трудности в снабжении); рост мировых цен на нефть позволил увеличить импорт потребительских товаров.

Приход Андропова к руководству страной приостановил начавшийся кризис. Было даже достигнуто заметное увеличение объема и эффективности производства. Взятую Андроповым линию на обновление командной экономики продолжил и Горбачев в первые годы перестройки.

Политические мероприятия в 1983—1988 гг. (особенно в 1983—1986 гг.) — укрепление трудовой дисциплины, требовательности к выполнению планов, борьба с коррупцией, замена руководящих кадров, антиалкогольная кампания — представляли попытку оздоровить административную систему. Заметно улучшилось положение на железнодорожном транспорте, в черной металлургии, нефтяной, угольной промышленности, которые в начале 80-х годов находились в тяжелом состоянии. К концу анализируемого периода влияние подобных мер стало затухать. Уже в 1987 г. экономический рост был весьма незначительным.

В итоге за 1983—1988 гг. благодаря улучшению использования ресурсов национальный доход вырос на 11%, производительность труда — на 9% (после падения в предшествующий период). Улучшились и другие показатели эффективности. Так, материалоемкость в 60—70-е годы росла на 1% в среднем в год, в начале 80-х годов — на 2,5, в 1983—1988 гг. — на 0,6—0,7%. Одновременно закладывались предпосылки для последующего резкого ухудшения. Руководство оказалось неспособным выработать долговременную стратегию экономического развития, реагируя привычными методами на «текущие» трудности.

ЦЕПЬ ОШИБОК ПОД НАЗВАНИЕМ ПЕРЕСТРОЙКА

Ошибочной была уже линия XXVII съезда КПСС и 12-го пятилетнего плана на сочетание ускорения и перестройки на базе технической модернизации производственного аппарата. Стремление к увеличению во что бы то ни стало количественных показателей противоречило задачам изменения хозмеханизма, структурной перестройки, повышения качества продукции, ориентации на социальные нужды. Ответственность за такую стратегию разделяет и

официальная экономическая наука, которая усиленно навязывала ее при подготовке этого плана. И государственная политика и официальная наука опирались на данные Госкомстата СССР, что не позволило определить характер и глубину экономических проблем.

Антиалкогольная кампания сопровождалась увеличением дефицита госбюджета (усугубленным проектируемым увеличением его расходных статей, трудностями во внешней торговле), ростом самогоноварения, что быстро свело на нет ее положительные на первых порах результаты и усилило несбалансированность экономики. Всплеск инфляции уничтожил последние стимулы к труду, усилил развал потребительского рынка. Долгое время сохранялись непосильные для страны военные расходы и помощь другим государствам. А усилия хозяйственных органов по-прежнему были направлены на мероприятия в духе командной экономики (госприемка, расширение двух-трехсменной работы, борьбу с нетрудовыми доходами)...

Провозглашенная в 1987 г. с большим опозданием в целом правильная экономическая реформа уже в концепции содержала половинчатые решения, не затрагивала многие области хозяйственной жизни. Тут «подоспел» и печально знаменитый пакет постановлений июня-июля 1987 г., каждое из которых содержало «мину», способную подорвать то положительное, что в них было.

Начавшаяся демократизация общественной жизни из-за отсутствия опыта дезорганизовала хозяйственные связи. Ошибочным оказалось принятое в 1987 г. решение о выборности хозяйственных руководителей, приведшее к падению их авторитета, устранению многих наиболее сильных и требовательных. Упала производственная дисциплина. Большой ущерб экономике нанесли межнациональные столкновения. Законное недовольство населения загрязнением окружающей среды привело к остановке многих промышленных предприятий, строительства атомных электростанций.

Всеобщая забастовка шахтеров летом 1989 г. стала поворотным моментом перестройки. Руководство начало осознавать кризис. Но его действия носили поспешный и непродуманный характер, не сопровождались радикальными изменениями системы, сокращением военного бюджета и помощи иностранным государствам. Ускорился рост денежных доходов населения и инфляции, не приведя к наращиванию выпуска потребительских товаров.

Выборы в центральные и местные органы власти, проекты упразднения министерств, уменьшение доли госзаказа, отказ партии от вмешательства в хозяйственную жизнь разрушили административную систему, не сформировав рыночные отношения. Результатом стали усиление хаоса в экономике, дезорганизация системы материально-технического снабжения, натурализация обмена. Под влиянием новых ориентиров деятельности предприятий и общих условий хозяйственной жизни вместо желаемого ускорения научно-технического прогресса произошло даже его замедление; прикладная наука в условиях хозрасчета занялась преимущественно мелкими разработками, дающими быстрый эффект; академическая стала ориентироваться на прикладные исследования; научные работники потянулись в кооперативы. Реальное сокращение производственных капиталовложений не позволяло реализовать многие уже созданные научные и технические разработки.

Отсутствие надежных статистических данных затрудняет оценку реальной эффективности новых форм хозяйствования — кооперации, индивидуальной трудовой деятельности, аренды, совместных предприятий. Но вовсе не исключено, что «общий баланс» их оказался минусовым: ведь это нередко был переход к менее механизированным производствам, худшим условиям снабжения, организации труда.

Серьезно осложнило экономическое положение СССР во второй половине 80-х годов значительное снижение мировых цен на топливо и сырье, что привело к сокращению поступлений конвертируемой валюты от экспорта; авария на Чернобыльской АЭС, землетрясение в Армении.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В результате действия долгосрочных экономических тенденций, ошибок в экономической политике, неизбежных трудностей переходного периода в политической и экономической жизни и возможного экономического саботажа в 1989—1990 гг. СССР вступил во второй за 80-е годы экономический кризис, значительно более глубокий, чем в начале текущего десятилетия. Падение национального дохода в 1990 по сравнению с 1989г. составило 9%, фондоотдачи — 8%, производительности труда — 8%, материалоемкость выросла на 7%. Исчерпание возможностей экстенсивных факторов играет более значительную

роль в его возникновении и развитии по сравнению с кризисом начала десятилетия: резко уменьшились численность занятых в материальном производстве и объем основных фондов, в больших масштабах сокращается выпуск в сырьевых отраслях экономики, значительно уменьшилось производство сырьевых отраслей. Так, в 1990 г. (по итогам первого полугодия) добыча угля упала на 6%, нефти — на 5, древесины — на 10%.

Падение производства черных и цветных металлов, химических, строительных материалов в сочетании с ростом материалоемкости и снижением импорта привело к уменьшению запасов на многих предприятиях ниже допустимого уровня. Останавливаются доменные и мартеновские печи, химические и машиностроительные предприятия.

В сельскохозяйственных районах (Нечерноземье, Поволжье, Сибирь, Урал) нет людей для проведения даже минимально необходимых сельскохозяйственных работ. А в условиях ослабления административной системы предприятия неохотно приходят на помощь селу...

Резкое ухудшение валютно-финансового положения страны, сокращение валютной выручки от экспорта потребовали увеличить внешнюю задолженность, чтобы совсем не отказываться от импорта. В начале 1990 г. появились крупные задержки с внешними платежами, означавшие банкротство по ним.

Рост внешней задолженности и золотовалютные резервы долгое время компенсировали сокращение экспортной выручки, но теперь этот источник иссяк и происходит сокращение импорта, что уже приводит к остановке производств.

Падение уровня жизни усиливает недовольство населения. Реформы, требующие от населения жертв, неизбежно вызовут взрыв этого недовольства вплоть до всеобщей забастовки, что еще больше осложнит экономическое положение.

Экономика вступила в 1991 г. в состоянии глубочайшего экономического кризиса, размер которого может превзойти Великую депрессию 1929—1932 гг. в капиталистическом мире, а сам он — стать перманентным. Глубокие болезни нашего общества, деградация населения уникальны, не имеют ничего общего с положением в капиталистическом мире. Только экстраординарные меры способны вывести СССР из экономического коллапса. До сих пор они не предложены. Это внушает глубокое сомнение в том, что катастрофу удастся преодолеть...

В СТОРОНЕ ОТ ПАРЛАМЕНТСКИХ ТРИБУН

В декабре прошлого года случилось событие, во многом остающееся загадочным. Подробного репортажа о нем не было ни в прессе, ни в эфире. Но среди наших читателей ходят магнитофонные записи и списки происходившего на Всесоюзном съезде промышленников. Ширится народный фольклор. Журнал не в состоянии дать полный отчет ни о замысле, ни о назначении этой встречи — она прошла вдалеке от уже привычной нам гласности.

Впрочем, в ЭКО 1.91 можно было прочитать отчет с заседания Всесоюзного клуба директоров, состоявшегося в Улан-Удэ за полтора месяца до встречи директоров с Президентом и правительством. И позиции на этом клубе были те же, да и люди тоже. Так что с исходной раскладкой можно познакомиться и по журналу. А окончательной, похоже, не было.

В докладе Л. И. Абалкина содержалась мысль о том, что общество в будущем должно разделиться на три социальных группы, представляющих соответственно правительство, профсоюзы и предпринимателей.

Интересно, что в самом начале перестройки эту идею выдвинул Г. Х. Попов, известный тогда лишь специалистам. Такое деление общества может служить основой для деловых игр, отправным моментом для теоретических построений. Но на практике зародыш правового государства каждый день угрожает стать выкидышем, а блат и бартер переплелись между собой. В таких условиях три группы неминуемо превратятся в сословия. Центральным моментом для практиков оказалось сообщение о возврате к товарной продукции как фондообразующему показателю. Так и хочется представить, как играют Карпов с Каспаровым и меняют правила игры каждый перед своим ходом.

Что же фактически случилось перед Новым годом? К декабрю, несмотря на очевидный провал договорной кампании, большинство предприятий сверстало для себя производственные планы на 1991 г. При составлении плана нужно было и обойти «абалкинский» налог, учесть другие так называемые временные меры, и не уменьшить ФОТ, а увеличить его с учетом индексации и т. д. Одно остава-

лось само собой разумеющимся: предприятия будут ориентироваться на максимум прибыли, и именно она будет фондообразующим показателем.

Пусть будут ограничения на цены, изъятие сверхприбыли. Но никто не думал, что на полном скаку сменят лошадь: от одного фондообразующего показателя перейдут к другому. То, что происходило в декабре-январе на предприятиях, потребует отдельного описания, а что в результате получится — особого прогноза.

Мы надеемся, что Леонид Иванович Абалкин, который долгое время был членом редколлегии ЭКО, выступит на страницах журнала с подробным разъяснением истоков этой меры. Мы также надеемся, что на наших страницах выступят участники совещания и дадут собственные оценки.

Ю. П. ВОРОНОВ,
зам. главного редактора ЭКО

* *

НЕЖЕЛАНИЕ

Серьезным препятствием на пути к рынку считают социальные последствия: рост безработицы, снижение реального жизненного уровня. При этом игнорируется тот факт, что государство может найти альтернативные рабочие места либо переквалифицировать рабочую силу. На деле трудовая инициатива воспринимается как что-то инородное, от чего необходимо избавляться. Так, в законе о подоходном налоге ставка с лиц, занимающихся индивидуально-трудовой деятельностью, предусматривается выше, чем с работников госучреждений и кооперативов, если их среднемесячный доход превышает 250 руб. Иначе как насильственным объявлением приоритета госсектора это не назовешь. Если мы декларируем равноправие всех укладов экономики, то должны отказаться от подобной практики. До сих пор не стала фактом назревшая индексация стоимости жизни, построенная на реальных ценах и подкрепленная мерами компенсации. В этом можно видеть явное нежелание государства обеспечивать социальную защиту населения при переходе к рынку.

Е. В. НИ,
Самарканд

БЕЗ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НЕТ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Думаю, что публикация книги Я. Корнаи «Дорога к свободной экономике» (ЭКО 9—12.90) — удача журнала. Из многих поднятых автором про-

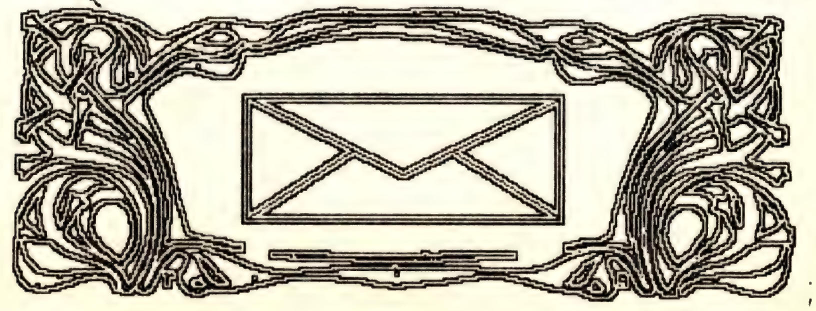
блем остановлюсь на той, которой занимаюсь более десяти лет, — проблеме приведения в действие внутренних резервов предприятий.

Постоянно убеждаюсь в том, что коллективы и их руководители мало обеспокоены этой задачей. Такое отношение — следствие государственного монополизма, искусственной поддержки нежизнеспособных предприятий. Неполноценна и зарождающаяся у нас частная собственность, и причина опять-таки в отсутствии конкуренции, недоступности материально-технических ресурсов и т.п. К тому же негарантированность права частной собственности способствует зарождению не предпринимателей-производителей, а авантюристов-рвачей, движимых сиюминутным интересом.

Мировая практика доказала, что госсобственность удовлетворительно функционирует лишь в экстенсивно развивающейся экономике. Только настоящая частная собственность может обеспечить стимулы эффективного использования ресурсов (см. ЭКО 10.90. С.21). Мы до сих пор пытаемся поддерживать военный паритет с США, да и в гражданской сфере ориентируемся скорее на западные стандарты потребления. В итоге, стремясь любой ценой обеспечить сиюминутный результат и имея возможность сделать это только за счет экстенсивных факторов, мы берем в долг у будущего. Экономя на экологии, фундаментальных исследованиях, образовании, здравоохранении, общество накапливает трудноразрешимые в будущем проблемы.

Не хотелось бы думать, что все потеряно и конец наш (по экологическим и прочим причинам) неизбежен и страшен (деградация и вырождение). Но опасность серьезная. И это должны понять все противники частной собственности в нашей стране. Наш шанс на выживание связан с быстрым развитием частной собственности и, соответственно, сокращением государственной до таких размеров, «чтобы вынудить госсектор вести себя сообразно поведению частного сектора, действительно ориентированного на рынок (а значит, на эффективность — Е.П.) и прочно придерживающегося деловой политики — а не наоборот» (см. ЭКО 12. 90. С. 13).

Е. Ф. ГАВРИЛЕНКО,
председатель научно-внедренческого
кооператива «Консультант»,
Томск

ПОСМОТРИМ В ЗУБЫ
«ДАРЕНОМУ» ЖИЛЬЮ
Татьяна БОЙКО
кор. ЭКО

Очередная суперпрограмма «Жилье-2000» наглядно продемонстрировала свою утопичность. Это побудило Президента СССР издать в мае 1990 г. Указ «О новых подходах к решению жилищной проблемы в стране и мерах по их практической реализации». Союзное и республиканские правительства сформировали скелет жилищной реформы, а Советы разных уровней на свой лад стали наполнять его местной спецификой. Общественное мнение готовится к тому, что давно пора советскому человеку дать возможность самому решать свои жилищные проблемы, а не держать его в унизительной роли просителя и иждивенца. Каким образом? Через приватизацию и рынок жилья.

Участники одной из таких всесоюзных конференций, которую проводила в Новосибирске в конце 1990 г. Ассоциация жилищного хозяйства СССР (бывший Минкомхоз), призывали задуматься, почему никто не выходит на улицы с транспарантами «Отдайте нам жилье, мы его сами будем содержать и ремонтировать!» Обращали внимание на то, что идея приватизации настойчиво насаждается сверху.

Во имя чего? Чтобы пополнить государственный и местные бюджеты, а в дальнейшем уменьшить на них нагрузку — говорили одни. Не только, но и для того чтобы содержать жилищный фонд в цивилизованном виде, — добавляли другие. Типичное мнение выразил главный специалист Департамента коммунального хозяйства Латвии А. Р. Янелситис: «Указ Президента и постановление Совета Министров СССР о продаже квартир исходят не из интересов жилищного хозяйства. Их готовили финансисты, которые стремились поубавить излишнюю денежную массу. Мы, работники жилищно-коммунальных служб, против такой приватизации. Средства от продажи жилья должны идти на нужды муниципального жилищного хозяйства, на долю которого на первых порах будет приходиться не менее 50%».

От продажи жилья союзное правительство рассчитывает получить в 1991 г. 5 млрд руб. **Получит ли?**

Если в «теремах» типа московских, о которых писали «Аргументы и факты», квартиросъемщики с удовольствием выкупят по госцене свои квартиры, то мало найдется охотников даже с приплатой взвалить на себя обузу по содержанию и ремонту развалюх в условиях дефицита стройматериалов. У участников конференции приватизация в том

виде, как она предлагается, ассоциировалась со сплошной насильственной коллективизацией. Несмотря на заверения о добровольности смены собственников квартир, которая особо подчеркивается во всех проектах жилищной реформы.

Конференция завершилась единодушным пониманием того, что приватизация так или иначе проводиться будет. Вот только спешка недопустима. Наряду с тщательной проработкой концепции жилищной реформы и пакета сопровождающих документов необходимо честно рассказать народу, во что обходится жилфонд государству, сколько средств он потребует от новых собственников, где можно будет взять недостающие деньги, на каких условиях. А потом провести референдум...

Пока такой разговор в обнародованных документах «не прослушивается». Зато в них в изобилии представлены печально знакомые бравые пассажи: «совершить крутой поворот в индивидуальном жилищном строительстве», «обеспечить дальнейшее перераспределение капиталовложений и мощностей... из производственной сферы в жилищную», «решительно повысить роль предприятий в удовлетворении жилищных потребностей населения».

Попытаюсь хотя бы частично восполнить этот пробел, сопоставив разрозненные данные и присмотревшись к крупицам первого опыта тех новых подходов, которые президентский Указ рекомендует для широкого внедрения.

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Каким жилищным фондом располагает страна? Он оценен в 4,5—4,6 млрд кв. м. Причем на долю государственного жилья приходится 55% (в том числе местных Советов — 23, ведомственного — 29, общественного — 3%), индивидуального — 39, жилищно-строительных кооперативов — 4%.

А сколько нам требуется жилья? В очереди на улучшение жилищных условий на начало 1990 г. стояли 14,3 млн семей и одиночек (или 23% всех городских семей, причем в Молдове — 33, Туркмении — 32, Белоруссии — 28, России — 25%). Из них 13% жили в коммунальных квартирах, 14 — в общежитиях, 4% — в ветхом и аварийном жилье. Более 10 лет ожидают квартиры 1,7 млн семей (12% всех очередников). По данным переписи

населения 1989 г., по 7—9 кв. м жилой площади на члена семьи имеют 17% городских семей и одиночек, проживающих в отдельных квартирах, и 16% — в коммунальных. За критическую черту, где на одного человека приходится менее 5 кв. м, никак не выберутся 4,5 млн семей.

В среднем на одного жителя страны приходится 10,6 кв. м жилой площади и 15,8 — общей. А необходимо, чтобы каждая семья могла жить в отдельной квартире, 11—12 и 21 кв. м соответственно. Для достижения этой цели, говорится в президентском Указе, предстоит построить минимум 2 млрд кв. м общей площади. Это же 44% от наличного жилищного фонда!

Спрос, как видим из статистики и знаем из собственного житейского опыта, огромен. **А предложение?**

Предыдущие три десятилетия на 1% прироста национального дохода приходилось лишь 0,05% прироста нового жилья. А на 13-ю пятилетку правительство, продемонстрировав свои благие намерения, заложило 2—2,5%. Но будет ли этот скачок в 40—50 раз обеспечен хотя бы финансами, не говоря уже о стройматериалах?

Заместитель председателя Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию И. Простяков утверждал осенью прошлого года, что вклад государства в жилищное строительство возрастет к 1995 г. по сравнению с 1990 г. аж на 25%. Профсоюзы не поверили в эти обещания и подняли тревогу... по поводу планируемого уменьшения в новой пятилетке доли государственных капиталовложений в эту сферу с 50,2 до 20,5%. Видимо, поэтому из последующих проектов правительственных документов упоминание о роли государства в финансировании жилищного строительства вообще исчезло... Доля средств колхозов, по оценке правительства, должна уменьшиться с 7,2 до 5,9%, а жилищной кооперации и индивидуальных застройщиков — возрасти с 18,3 до 40,3%, средств фондов социального развития предприятий — с 22,9 до 31,8, общественных организаций — с 1,4 до 1,5%.

Итак, центр тяжести переносится на средства населения. Насколько весом этот источник? По оценкам, лишь мизерная часть населения (3—5%) способна выкупить жилье сразу, остальные нуждаются в субсидиях и льготах. В Ленинграде результаты подсчетов оказались и того ниже — только 0,2—0,3% горожан даже при

большом желании осилили бы такую покупку на условиях, которые практиковались в 1990 г.

Сколько же было выкуплено квартир в домах государственного и общественного фонда после принятия 2 декабря 1988 г. союзным правительством соответствующего постановления и запуска его на территории России с апреля 1989 г.? За январь—сентябрь 1990 г. их было продано 19,3 тыс. (65% находилось в ведении местных Советов, 35% — ведомств) на 59 млн руб., что вчетверо больше, чем в 1989 г.

Продажа шла довольно вяло: единицы квартир сменили собственников в Камчатской и Вологодской областях, Хабаровском крае, несколько активнее двигалось дело в Ставропольском крае, Ростовской, Волгоградской и Московской областях. В Москве, по разным оценкам, продано от 700 до 1500 квартир. В Ленинграде реализовано лишь 0,01% всего жилфонда, хотя заявлений поступило в 12 раз больше. Люди отказывались от своего намерения, когда узнавали, во что обойдется содержание квартиры без дотаций жилищному хозяйству.

Исключением стал Краснодарский край, где ежемесячно продают 300—450 квартир, всего их реализовано около 3 тыс. на сумму свыше 10 млн руб. И тысячи заявлений временно «заморожены» на случай, если жилье будет раздаваться бесплатно. Чем объясняется такая активность краснодарцев?

В частности тем, что процедуру купли-продажи там постаралась максимально облегчить Ассоциация квартирно-правовых служб. Ее генеральный директор В. Ю. Гредасов рассказал:

«Зачем ЖЭКу эта дополнительная обуза, если и без нее проблем по горло? К тому же система оплаты руководителей завязана на размер обслуживаемого ЖЭКом жилфонда. Нет интереса у жилищников и потому, что деньги от продажи жилья прямиком идут в местный бюджет, а они по-прежнему выступают в роли назойливых просителей.

С другой стороны, люди прекрасно понимают, сколько придется потратить времени, чтобы собрать кипу справок, если они решатся на такой шаг. В нашей ассоциации этим занимаются юристы, и даже у них немало проблем. Так, специальным решением исполкома мы обязали бюро технической инвентаризации составлять опись только той квартиры, которая выкупается, а не всего дома, как оно пыта-

лось практиковать, взимая за это солидную сумму с будущего владельца. С бюрократической машиной боремся мы, а не покупатели, и одновременно отлаживаем механизм. У наших работников есть стимул: они получают 5% средств от проданного жилья. Содержание выкупленной квартиры обходится владельцу в 2—3 раза дороже квартплаты (по состоянию на 1990 г.). Но краснодарцы на это идут, стремясь выгодно вложить средства в недвижимость и по своему усмотрению распоряжаться ею».

Теперь сопоставим цены. По словам В. Ю. Гредасова, продаются квартиры по государственным расценкам, рассчитанным на основе коэффициентов, предложенных Госстроем СССР, с учетом комфортности, местоположения и экологического состояния: однокомнатная — от 2 до 5—8 тыс. руб., двухкомнатная — от 3—4 до 10 тыс., трехкомнатная — от 3—4 до 15 тыс. Согласитесь ли вы приобрести однокомнатную квартиру жилой площадью 24 кв. м в Сочи за 8 тыс. руб.? Гредасов утверждает, что это возможно, правда, только для того, кто в ней уже живет. Цены эти низкие по сравнению с черным рынком и с ценами на индивидуальные дома. Прекрасный дом с сауной, бассейном, гаражом и прочими благами оценивается в 200—240 тыс. руб., а «просто» участок земли с городскими коммуникациями — 10—20 тыс. Вот такие соотношения, желания и средства...

ПЛАТА ЗА КВАРТИРУ И КОММУНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ

Итак, жизнь показывает, что на пути приватизации стоят не только недостаток средств у большинства населения, но и **низкая квартплата**. Поэтому все директивные документы исходят из необходимости пересмотреть систему ее начисления, привести в соответствие с реальными затратами — «все должно стоить столько, сколько оно стоит». Против этого не возражают защитники интересов квартиросъемщиков при условии, что будет разрушен обезличенный «общий котел», формируемый за счет подоходного налога. Оставьте средства на оплату и содержание жилья в зарплате, и пусть они используются целевым назначением. Тогда можно требовать, чтобы человек сполна оплачивал свои жилищные потребности. Только после этого уместна приватизация.

Что на сей счет думают специалисты? На их взгляд, правильнее говорить не о механическом закреплении подоходного налога за государственным жилищным сектором, а о принципе построения этого налога как целевого жилищного сбора, и в этом качестве считать его источником финансирования жилищных отраслей (подробнее см.: Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1988. Вып. 3).

Так было не всегда. Три квартирных налога поочередно существовали и в открытую. Каждый последующий вводился сразу после поглощения предыдущего подоходным налогом. Ведь необходимость в источнике финансирования жилищного строительства не исчезла. Первый квартирный налог взимался с 1922 по 1923 г. пропорционально занимаемой площади без учета доходов квартиросъемщиков, второй — с 1924 по 1930 г. и строился уже с учетом и доходов, и жилплощади. Принципы исчисления третьего квартирного налога, просуществовавшего с 1931 по 1943 г., и подоходного налога полностью совпали (объектом обложения стала зарплата вне зависимости от жилплощади). Третий налог в отличие от своих предшественников перестал быть прерогативой местного бюджета, значительная его часть шла в госбюджет. Причем целевой сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства составлял около половины общей суммы платежей городского населения.

Суть целевого квартирного налога была постепенно выхолощена, он полностью оторвался от жилищных условий и принял форму подоходного. Связь между вкладами населения в госбюджет и построенным на эти средства жилфондом с годами все более вуалировалась. С 60-х годов подоходный налог превратился в прямой вычет из зарплаты для финансирования строительства и эксплуатации жилья. Этот вывод подтверждают совпадающие или близкие количественные значения подоходного налога и расходов из госбюджета на жилье. С тех пор упорно поддерживается миф, будто жители находятся на иждивении у государства. В действительности внешняя бесплатность жилья в нашей стране обеспечивается прямым налогообложением.

Повышение квартплаты предрешено. Нынешних 13—16 коп. за 1 кв. м жилой площади явно недостаточно для безубыточности данной сферы. Постоянно растущие

расходы на содержание государственного жилищного фонда в 1989 г. достигли в расчете на 1 кв. м жилой площади 6,93 руб., доходы — 3,12 руб., в том числе квартплата — 1,58 руб. Расходы государства на содержание этого фонда, не покрываемые квартплатой, составили 11,8 млрд руб., что равно 6,2% всех выплат и льгот, получаемых населением из общественных фондов потребления.

Повысится и пени за просрочку платежей. В 1989 г. задолженность квартиросъемщиков составляла 307,9 млн руб., или 13,7% от начисленной квартплаты за год (2,2 млрд руб.) без коммунальных услуг.

Для справедливого учета жилищных условий квартплату целесообразно определять в зависимости от общей (а не жилой) площади, приходящейся на одного члена семьи, категории жилья, планировки, коммунальных удобств, благоустройства, местоположения, транспортных коммуникаций, экологической обстановки. Во Львове, к примеру, рассчитали социально гарантированную норму общей площади на человека — 20 кв. м, каждый квадратный метр сверх того станет оплачиваться в 5-кратном размере (при особом тарифе для домов высокой комфортабельности). В Алма-Ате норма на человека — 18, да плюс еще половина от нее в целом на семью. Тариф — 10 коп. за 1кв. м. Первые десять «лишних» метров алмаатинцы будут оплачивать по 5-кратному тарифу, вторые десять —по10-кратному, сверх того — по 15-кратному. Все это должно побуждать семью отказываться от непосильной для нее площади. А процедуру обмена большей площади на меньшую местные власти обещают максимально облегчить.

В Латвии подсчитали, что если жилищно-коммунальное хозяйство в 1991 г. лишится 2/3 прежних дотаций, как грозился Минфин республики, то квартплата будет поднята до 48 коп. за 1 кв. м; если они будет сняты целиком, то до 66 коп. Кроме того, коммунальные услуги вздорожают в 5-6 раз. Двухкомнатная квартира средней комфортности двум проживающим в ней будет обходиться ежемесячно в 50-60 руб. А в Улан-Удэ квартплата и коммунальные услуги в бюджете семьи из четырех человек, живущих в трехкомнатной квартире, потянут на 100 руб.

Разработчики концепций жилищной реформы предлагают повысить плату за квартиру и коммунальные услуги для всех без исключения слоев населения, а малообеспеченным выдавать целевую компенсацию из местного бюд-

жета, соцстраха и других источников. Ох уж эти дискредитированные компенсации... Да и какие суммы стоят за этим предложением, они не называют.

А это сотни миллионов: все льготы по квартплате и коммунальным услугам и «либеральные» условия оплаты излишней площади при ценах и тарифах 1990 г. тянут более чем на 500 млн руб. в год, льготы персональным пенсионерам — на 75 млн.; свыше 30 млн руб. расходуется ежегодно на льготы по квартплате в расчете на 1 млн семей офицеров Советской Армии, МВД, КГБ (Правительственный вестник 23.90. С. 8).

РАСХОДЫ НА СОДЕРЖАНИЕ И РЕМОНТ КВАРТИР

По данным Госкомстата, в 1989 г. средняя стоимость капитального ремонта выросла по сравнению с 1980 г. по стране с 23 до 80 руб., в Прибалтике — до 120—145 руб. И это при том, что модернизировано лишь 7% всех отремонтированных жилых помещений. Потребность же в модернизации в последнее время значительно обострилась, так как увеличилась доля подлежащих ремонту «хрущевок».

На новосибирской конференции речь шла и о скудных средствах жилищно-коммунальных служб. Типичный пример привел М. Е. Митяев, начальник Производственного жилищно-ремонтного управления из Новосибирска (ныне оно реорганизовано). Управление ежегодно имело на содержание каждого квадратного метра жилой площади 7 руб.: 3 руб. — в виде дотации из бюджета, 2 руб. — от кварплаты, 2 руб. — от обслуживания внутридомовых сетей и сдачи в аренду нежилых помещений. А требовалось не менее 11 руб. В результате недостаток средств на ремонт жилых домов оценивался в 46 млн руб. — принимайте его, новосибирцы, на свои плечи!

Видимо, аналогичную «нагрузку» к квартирному «подарку» уготовило государство для жителей и других городов. В Ленинграде затраты на содержание и ремонт жилфонда взлетят для населения в 8,5—9 раз, где-то — в 3—4 раза...

И это при том, что в зарплате у нас отсутствует та ее часть, которая во многих странах предназначена на различные инвестиции, в том числе и на эксплуатацию собственного жилья. «Если такой подход не будет изменен, цены на жилищные услуги не должны быть договорными, —

считает заместитель председателя Госкомиссии по экономической реформе при союзном правительстве А. В. Орлов. — Они резко снизят уровень жизни 70% населения и непосильны для остальных 30%. Затраты на жилье в бюджете семьи должны постепенно увеличиваться, но не из-за роста цены жилища и коммунальных услуг, а в результате повышения его размеров и комфортности». Эти справедливые слова, похоже, не реализуемы на нашей отечественной почве.

Указ Президента нацеливает на постепенный перевод жилищно-коммунальных и ремонтных служб на коммерческие основы и договорную форму, которые позволят уйти от вынужденной их убыточности. Львовянам, к примеру, областной Совет уже предложил распроститься с ЖЭКами. Вместо них появятся соответствующего профиля фирмы и кооперативы, которые станут заключать договоры непосредственно с жильцами, домовыми комитетами или товариществами, за чей счет они станут обслуживать и ремонтировать жилфонд.

Ассоциация жилищного хозяйства СССР предлагает ввести единый подход к содержанию, обслуживанию и ремонту этого фонда, находящегося в разных формах собственности (коммунальной, коллективной и личной), и создать независимые государственные инспекции по контролю за его содержанием (типа ГАИ).

Итак, каждому из нас вскоре предстоит оценить, что выгоднее: вносить взлетевшую плату за государственную квартиру, оставаясь бесправным, или оформить ее в собственность и содержать целиком за свой счет.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРИВАТИЗАЦИИ

Концепций приватизации, пожалуй, столько, сколько находится желающих их разрабатывать. Чтобы не утомлять читателей разбором их нюансов, остановлюсь вкратце на основных подходах.

Безвозмездно будет передаваться жилье в пределах сложившейся средней обеспеченности общей площадью в расчете на одного жителя в данной местности и средней продажной цены 1 кв. м общей площади. За каждый метр сверх социально гарантированной нормы покупатели станут рассчитываться по прогрессивной шкале. За условия хуже нормативного уровня им будет зачислена на специ-

альный банковский счет компенсация строго целевого назначения, которую можно использовать только на рынке жилья. Подразумевается создание бирж жилья.

Будет ли при этом учитываться трудовой стаж (а значит, предыдущие взносы в общественные фонды потребления)? Специалисты из Академии жилищно-коммунального хозяйства СССР предлагают норму общей площади бесплатно передавать семье, совокупный трудовой стаж которой не менее 15 лет; если от 10 до 15 лет, норматив бесплатной передачи уменьшается на 20%, от 5 до 10 лет — на 30%, от 3 до 5 лет — на 50%, менее 3 лет — жилье оплачивается полностью или частично с использованием ссуд и кредитов.

Стоимость квартиры можно оплатить и в рассрочку, задолженность по платежам будет взыскиваться в бесспорном порядке, а сама просрочка обойдется из расчета 3% годовых. Сбербанк предложит населению кредит на приобретение квартир или на завершение начатого за свои деньги строительства индивидуальных домов в размере до 10 тыс. руб. на срок до 20 лет, а на реконструкцию и капремонт — до 2 тыс. руб. на срок до 3 лет; кредит молодым семьям, имеющим детей, в размере первого паевого взноса стоимости квартиры или полной стоимости строительства индивидуального дома с погашением в течение 25 лет; кредиты предприятиям на возведение многоквартирных и индивидуальных домов.

Ассоциация жилищного хозяйства выступает за то, чтобы с началом приватизации изменить порядок постановки на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий: учитывать не только обеспеченность общей площадью, но и доход на члена семьи. Если площадь мала, а доходы большие — идите на рынок и там удовлетворяйте свои жилищные потребности. Те, кто был поставлен на учет до начала приватизации, будут по-прежнему ждать квартиру, когда-то получат ее на прежних условиях, но с правом выкупа. Вообще-то речь ведется не только о выкупе, но и о долгосрочном найме и аренде в домах государственного и общественного фонда.

Как все-таки целесообразно проводить приватизацию: поквартирно или по принципу «один дом — один собственник»? В различных концепциях речь идет в основном о первом способе, а практики-экономисты из ЖЭУ предпочтение отдают второму. Их довод: собственник должен не-

сти ответственность за дом в целом, а не за отдельную «клетку» в нем. Такими собственниками могут быть местные Советы, предприятия, кооперативы, товарищества, частные лица. Последние выкупят коттеджи, одно- или двухэтажные дома (насколько хватит средств). В случае с товариществами, на их взгляд, уместна следующая последовательность действий: сначала будущие жильцы объединяются, приобретают статус юридического лица, собирают деньги, берут кредиты и только потом выкупают дом. А не наоборот, как сейчас зачастую предлагают. Собственник будет заботиться о содержании дома, сдавать внаем квартиры, в аренду — нежилые помещения, подвалы, открывать кооперативы.

РЫНОК ЖИЛЬЯ

Передача и продажа квартир тем, кто в них проживает, по замыслу, породят многочисленных собственников товара, без которых рынок немыслим. Критическая масса собственников возникнет, когда будет приватизировано как минимум 70% городского жилфонда, считает А. В. Орлов.

А если вы до этого захотели купить квартиру в новом доме, используя свои личные сбережения и компенсацию за ваше жилье, не дотянувшее до социально гарантированной нормы? Обещано, что дома будут строиться за государственный счет специально на продажу (с оплатой немедленно и в рассрочку). Правда, сначала их будет немного (5—10% от новостроек) и, судя по первому опыту, явно недостаточно для насыщения спроса.

Так, Киевский горисполком еще до массовой приватизации, в 1988 г., продал построенный на государственные средства дом жилищному кооперативу за полную сметную стоимость в 1,2 млн руб. плюс 15% надбавки за престижное место в центре города. На 88 квартир претендовали 1800 желающих! В 1990 г. продан второй дом сметной стоимостью 2,8 млн руб.

Новый 108-квартирный дом пошел с аукциона в Ново-Чебоксарске в 1990 г. Главчувашстрой создал акционерное общество, в которое вошли 11 строительных организаций. На аукцион были розданы десятирублевые пригласительные билеты очередникам из этих организаций и горсовета (претендовали далеко не первоочередники). Одно-

комнатные квартиры с начальной ценой в 7—8 тыс. были проданы за 16 тыс. руб., по двухкомнатным соотношение 12 и 23—29 тыс., по трехкомнатным 14—16 и 30—36 тыс. Конечно, цена варьировалась в зависимости от этажности.

На первом таллиннском квартирном аукционе в феврале 1991 г. трехкомнатные квартиры были проданы за 150 тыс. руб., двухкомнатные — за 82—110 тыс., однокомнатные— за 50 тыс.

Если бы эти средства расходовались на строительство новых домов на продажу, был бы создан своеобразный «конвейер». Но нет, их мгновенно поглотил «общегородской котел». К тому же в первых двух упомянутых городах существовали сомнения: как бы распространение этого опыта не вызвало общественное недовольство, дав преимущество «денежным» категориям населения. Ныне президентский Указ его благословил.

Мир не знает удачных примеров устранения хронического дефицита жилья без создания крепкого сектора негосударственных строительных предприятий. Причем жилье, ориентированное на массового потребителя, строят немногие крупные компании, а на высокодоходные слои — многочисленные малые фирмы (менее 20 работников). Государство их всячески поддерживает, на них работает развитая сеть финансовых агентств, позволяющих на возвратной основе привлекать финансовый капитал. Эта сеть, покрывающая жилищный рынок, делает его жизнеспособным.

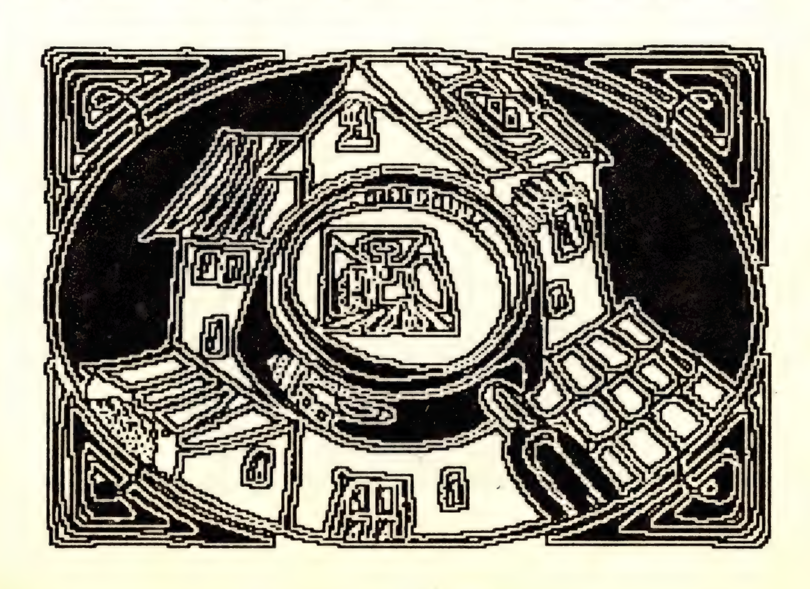
Указ предписывает и у нас всячески поощрять развитие строительных кооперативов и производство стройматериалов, правда, не заикается о такой инфраструктуре. Но прислушаемся к мнению старейшего нашего предпринимателя В.Туманова, высказанному им спустя несколько месяцев после того, как в соответствии с Указом пора было заработать «целостной системе мер решения жилищной проблемы»: «Наши дорожные строители получают в час в пересчете на твердую валюту 17 центов, а американские — 40 долларов; не припомню ни одного министра финансов, который так бы обирал народ, как нынешний (В. С. Павлов — Т. Б.). Очередное его «благодеяние» — с 1991 г. на все предприятия вводится повышенный страховой налог в 26% от дохода, который больнее бьет по кооперативам, чем по госпредприятиям».

Полноценный рынок жилья не появится и без изменения действующего законодательства, в частности без отмены прописки и снятия ограничений выдачи вида на жительство во многих городах, а теперь уже и республиках.

* * *

Наконец-то власти прислушались к мнению специалистов, утверждавших, что причина хронического дефицита жилья кроется не столько в низких темпах строительства, сколько в порочности самой системы преимущественно государственного обеспечения им, в «общем котле» средств на его создание и эксплуатацию. Вот только не напортачить бы с поспешной приватизацией и одновременно не упустить возможность создать жилищную систему, в которой перестал бы доминировать государственный сектор, но сохранилось «социальное жилье» для малоимущих.

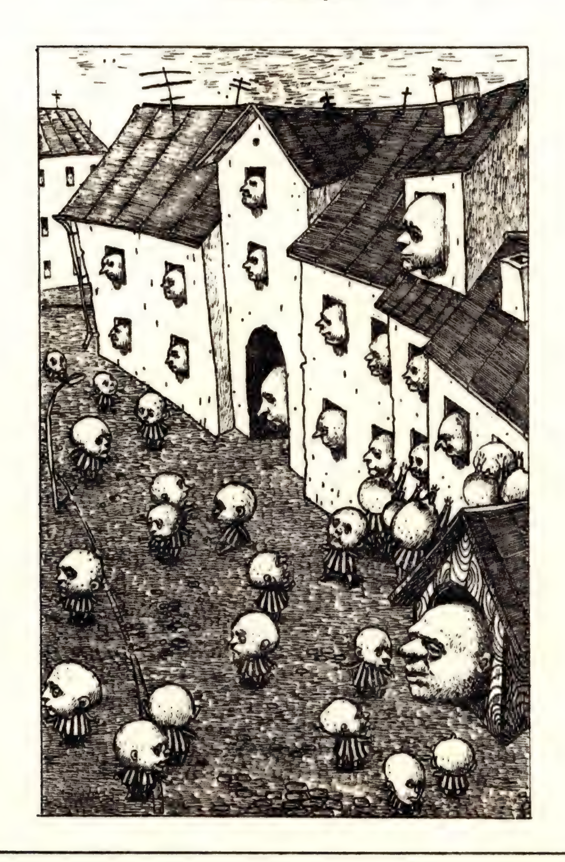
Немаловажно и то, что населению все труднее поверить правительству и финансовым органам. Войдя в фискальный раж (мягкая денежная реформа, новые безумные налоги и поборы в фонд стабилизации, валютные тромбы и т.п.), способны ли они «честно» провести приватизацию, обеспечить неприкосновенность негосударственной собственности, выполнить обещания относительно обеспечения кредитами, стройматериалами и многим другим?..

ЖИЛИЩНАЯ СТРАТЕГИЯ:

КАК УЙТИ ОТ ГОРОДОВ-«ХРУЩОБ»

О. Э. БЕССОНОВА,
Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, Новосибирск

Идея приватизации жилья, впервые прозвучавшая с трибуны I Съезда народных депутатов, к сожалению, была воспринята не как стратегия новой жилищной политики, а скорее как мероприятие по раздаче квартир жильцам. Перейти от тотально государственного жилья к повсеместно частному владению мы вознамерились с помощью хорошо освоенной нормированной административной раздачи. Поскольку приватизация крепко спаяна с уменьшением дефицита госбюджета, то скорее всего возобладают фискальные, административные мероприятия, а не последовательное, рассчитанное на перспективу преобразование нашей распределительной жилищной системы в рыночную.

ЛОГИЧЕСКИЕ ТУПИКИ

У официальной стратегии приватизации их немало. Начну с идеи бесплатной раздачи жилья по норме, выкупа сверхнормативной площади и компенсации для тех, кто имеет меньше нормы.

Итак, БЕСПЛАТНАЯ РАЗДАЧА. На первый взгляд, она разумна с политической точки зрения. Аргументы ее сторонников: государственное жилье уже оплачено населением через налоговую систему, и надо восстановить справедливость, передав его подлинным хозяевам. Однако зависимость между подоходным налогом и расходами на строительство и эксплуатацию жилищного фонда справедлива только в масштабе государства, но не отдельных семей.

Давайте смотреть правде в глаза: государственное обеспечение, доминирующее в нашей стране, дифференцирует население не по платежеспособности семьи, ее трудовому вкладу и потребностям в жилье, а по позиции человека в государственной и партийной структурах. Поощряют тех, кто верно и преданно им служит, и именно эти люди выиграют от бесплатной раздачи. Поэтому внешне справедливая идея закладывает мину под стабильность общества. Неудивительно, если через некоторое время вновь зазвучит требование экспроприации экспроприаторов.

Накал страстей предполагается снимать компенсациями за недостающие метры, открывая именные счета и рассматривая эти средства как строительные боны. Но будет ли действовать такой механизм, если в очередях много пенсионеров, инвалидов труда и войны, многодетных семей, т. е. тех, кто претендует не на индивидуальное строительство, а на готовую квартиру в государственном фонде? Эти люди не могут строить сами даже при наличии у них достаточных средств (что сомнительно). Значит, местные власти вынуждены будут аккумулировать их счета у себя, по-прежнему выступая заказчиком у государственных строительных организаций.

Допустим, что семьи, получившие компенсации, все же смогут стать самостоятельными застойщиками и покупателями. Тогда сразу возникнет новая очередь при местных Со-

ветах — уже за строительными ресурсами и мощностями...

В итоге мы никуда не уйдем все от того же распределения, далекого от реальной купли и продажи жилья. Хотя по замыслу распределять квартиры будут в личную собственность. А саморегулирующийся рынок, обеспечивающий жильем потребителей с учетом их финансовых возможностей и с социальными гарантиями малообеспеченным группам, так и не возникнет.

Теперь о ВЫКУПЕ КВАРТИР. Даже по государственным расценкам образца 1990 г. эта акция может растянуться на долгие годы, поскольку платежеспособность большей части населения низка. По моим оценкам, всех квартиросъемщиков можно разделить на три группы: те, кто может и хочет выкупить квартиру (их 5—10%); хочет, но сразу не может и согласен на рассрочку до 5 лет (15—20%); может, но не хочет из-за больших жилищных притязаний (10—15%); вообще не может (55—70%). Следовательно, фискальная сторона такой приватизации потерпит крах, а все остальное будет, как в предыдущем варианте.

Поскольку цена на выкупаемое жилье будет утверждать «класс жилищных собственников», стоящий у власти, на мой взгляд, неизбежно их занижение. Об этом красноречиво свидетельствует первый опыт: по совершенным 50 тыс. продаж средняя стоимость квартиры составляла 4 тыс. руб. И это при том, что аренда квартир даже в провинции обходится 70—150 руб. в месяц, а то и выше. Значит, реальная цена по крайней мере не менее 15 тыс., что подтверждают аукционы, где типовые одно-двухкомнатные квартиры продаются за 30—50 тыс. руб. Не менее существенно будут отличаться от реальных и цены на выкуп сверхнормативной площади.

К ЧЕМУ ПРИВЕДЕТ ТАКАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ? Она законсервирует жилищное неравенство, сложившееся на момент реформы, а в дальнейшем усилит поляризацию населения в этой сфере. В условиях дефицита возможны взлет рыночных цен на старое жилье и возникновение смешанных, социально конфликтных форм собственности в многоквартирных домах. Но главное — система государственного обеспечения (распределение нового жилья по очереди) будет воспроизводиться в первозданном виде.

Бесспорный плюс приватизации ее сторонники видят в том, что расходы на содержание жилищного фонда будут нести владельцы квартир, а не государство, в результате 7—11 млрд руб. высвободится в госбюджете на иные нужды. При этом упускаются из виду неизбежные будущие затраты (не исключено, что даже более крупные) на дотирование малообеспеченных групп: нужно будет оплачивать их жилищные счета. Если, конечно, государство полностью не освободит себя от обязательств по социальным программам для малообеспеченных.

Еще один якобы плюс — перераспределение жилья, когда семьи, имеющие излишки и неспособные их оплачивать, станут обменивать свои квартиры на меньшие. Однако, как

показывают исследования, процент таких семей незначителен. Выгоднее изыскать сравнительно небольшие средства для оплаты излишков сейчас и выиграть в будущем, когда цены на недвижимость поднимутся во много раз. Стремиться с помощью жилищной реформы изъять незначительное число квадратных метров у малодоходных групп — все равно что палить из пушки по воробьям.

Кроме того, эффект скорее всего будет обратным: те группы населения, которые не сумеют содержать жилье в пределах социально гарантированной нормы или будут вынуждены использовать его в качестве источника средств к существованию, станут продавать свои квартиры, обходя расставленные государством препоны. В конечном счете они вернутся все в ту же очередь... И система начнет воспроизводиться по прежним законам — через раздачу. Воистину замкнутый круг. Как его разорвать?

ОБРАТИМСЯ К ПЕРВОПРИЧИНЕ

Что породило эту систему и увязывает ее компоненты (строительство, эксплуатацию, обмен) в единое целое? На мой взгляд, это раздача бесплатного жилья по очереди в соответствии с потребностью в нем, но независимо от дохода. Мировой опыт показывает, что перемены нужны именно здесь.

Жилищная система, в которой доминирует государственное обеспечение, имеет врожденный порок: в ней идет спиралеобразный рост неудовлетворенного спроса, который не ограничен доходом семьи и лишает жилищное строительство стимулов к развитию.

Практика раздачи квартир по низким ценам рождалась в экстремальных условиях войны (как в Великобритании), кризиса (в Америке), ускоренной индустриализации (в СССР). При этом естественные механизмы не работают, рыночные регуляторы разбалансированы, растут цены, стагнирует строительство, а государственная политика направлена на поддержание определенных слоев — инвалидов и ветеранов (после войны), рабочих на новых заводах (при индустриализации), многодетных и малоимущих.

Муниципальный сектор в том или ином обьеме существует во всех странах с рыночной экономикой для обеспечения нижнего уровня жилищной потребности. И функционирует он по тем же законам, что и наш государственный сектор: из центрального бюджета в местный выделяются субсидии, построенные муниципалитетом квартиры распределяются по очереди, вот только формируется она с учетом как размера семей, так и их доходов.

И последствия схожи с нашими: дефицитность бесплатно распределяемого жилья, хотя при этом есть свободные квартиры в частном секторе; бюрократизация и рост числа распределяющих, нарушения и злоупотребления с их стороны; унифицированное крупноблочное домостроение; халатное отношение к муниципальному жилищному фонду. Кроме того, бесплатная раздача порождает психологию иждивенчест-

ва, а концентрация в муниципальных жилых массивах малоимущих неудачников приводит к всплеску преступности.

Рыночная жилищная система дает возможность приобрести жилье, по площади и качеству соответствующее доходу семьи, а муниципальный сектор помогает социальным группам, которые вынужденно отрезаны от жилищного рынка.

Классическая рыночная система включает три сектора, относящиеся к частному владению (частно-арендный, личной собственности, кооперативный), и один (муниципальный) — к общественному. Арендное жилье подходит для мобильного населения, несемейной молодежи, семей с разными доходами. Личный сектор в основном ориентирован на оседлый образ жизни, семейный уклад, высокий или близкий к нему стабильный доход; муниципальный — на относительно бедные слои населения, кооперативный реализует коллективистские ценности.

Именно частно-арендный и сектор личной собственности в основном формируют рынок жилья и обеспечивают прибыльность жилищного строительства. Причем для рыночных систем характерно преобладание мелких фирм, занятых строительством высококачественного и, соответственно, высокоприбыльного жилья.

НАИБОЛЕЕ РЕАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

На мой взгляд, сейчас должна проводиться стратегия естественных преобразований. Ее задача — создать секторы жилищного рынка, ориентированные на платежеспособные высоко- и среднедоходные группы населения. Прибыльность такого жилищного строительства обеспечит его конкурентоспособность на рынках инвестиций, стройматериалов и труда. Сознаю, что этот вывод звучит крамольно, так как 73 года наша жилищная система ориентировалась на людей, не имеющих жилья, на ограничение потребностей, нормирование и рационирование. В итоге сформировались не просто трущобные кварталы, как на Западе, а города-трущобы.

Но эта «пародоксальная» стратегия наиболее реальна в сложившейся ситуации. Наше государство неплатежеспособно, но щедро раздает обещания под социальные программы, лишь немногие из которых будут реализованы...

Смею утверждать, что и НЕ НАДО строить больше государственного бесплатного жилья, ибо 80% имеющегося — это (по проектам и качеству) типичный фонд для малоимущих слоев. Его следует не раздавать (приватизировать), а СОХРАНИТЬ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. Для этого необходимо всячески стимулировать «выход» высокодоходных групп из этого фонда на свободный жилищный рынок, создавать им условия для покупки жилья.

С чего начать? Прежде чем ответить на этот вопрос, зададимся другим: кому принадлежит государственный сектор жилья? Всем и никому, персонифицированного собственника нет. Мы имеем нечто вроде

ассоциативно-кооперативной собственности в масштабах государства, когда каждый вносил свою лепту, как мог и сколько мог. Значит, мы вправе претендовать не на конкретную квартиру, а на свой пай, внесенный в общий жилищный фонд. Мы равны только по денежным эквивалентам выплаченных ранее средств, а не по полученным квартирам.

На первом этапе жилищной реформы уместно выдать компенсации в любой форме (строительные боны, зачет при продаже нового жилья, гарантии обеспечения индивидуального строительства всем необходимым) тем людям, которые пожелают освободить свои квартиры. На это пойдут только платежеспособные группы, не удовлетворенные жилищными условиями и не имеющие возможности в обозримом будущем изменить их иным способом. Сначала их будет немного. К примеру, в полуторамиллионном Новосибирске, по моим оценкам, наберется примерно 200 — 300 таких семей.

Но на первых порах больше и не надо, ибо строительная индустрия не готова пока к массовому строительству высококачественных индивидуальных домов и коттеджей. Подстегнут «выход» из государственного жилищного фонда повышение платы за жилье, а также обязательные декларации о доходах для тех, кто пожелает остаться в муниципальном фонде.

Остановлюсь подробнее на ФОРМИРОВАНИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО СЕКТОРА. Недопустимо объявить таковым фонд местных Советов (хотя не исключено, что на практике именно так и произойдет). Он должен формироваться по договорам между муниципалитетом и квартиросъемщиками на добровольной основе. В договоре фиксируются условия найма, плата за квартиру и коммунальные услуги, обязательства сторон.

Существующая очередь «консервируется» на момент объявления реформы. В дальнейшем при постановке на учет будет приниматься во внимание не только обеспеченность квадратными метрами, но и доход семьи. Теперь при получении квартиры заключается договор, свидетельствующий о муниципальном характере жилья, в соответствии с которым сохраняется нормирование жилищных потребностей, возможны расторжение контракта или повышение квартплаты, если доход квартиросъемщика увеличился. Допуск в муниципальный сектор, где жилье предоставляется практически бесплатно, будет регулировать муниципалитет, следовательно, прописка в нем должна сохранить разрешительный характер.

Этот сектор, в котором свобода квартиросъемщиков существенно ограничена, потеряет свою привлекательность для населения не раньше, чем уравнительным ценностям общество предпочтет свободу, равенство шансов (а не условий жизни), личную ответственность за свою судьбу. В будущих секторах частного владения жилищные потребности не должны нормироваться: сколько квадратных метров можешь оплатить, столькими и владей. А пропи-

ска станет чисто регистрационной, без каких-либо ограничений (ведь здесь жилье — товар, регулятором и «разрешителем» выступает цена).

ОТКУДА ЖЕ ОЧЕРЕДНИКИ БУДУТ ПОЛУЧАТЬ КВАРТИРЫ?

Во-первых, за счет нового государственного строительства, во-вторых, за счет того жилья, владельцы которого построят себе индивидуальные дома. Первоначально (2-3 года) второй поток будет незначительным. Но прибыльность строительства индивидуальных домов и коттеджей перераспределит строительные мощности в этот сектор. Цены на них стабилизируются и за счет кредитов станут доступными для людей со стабильным и приличным доходом. Повышение квартплаты подстегнет освобождение квартир государственного жилфонда.

По моим прикидкам, первое время очередники будут получать жилье в основном за счет имеющегося жилфонда с заключением договоров о муниципализации бывшего государственного сектора. Лет через 20, когда государство экономически окрепнет и сможет выделять субсидии на муниципальное строительство, вставшие в очередь (с учетом доходов семей), причем единственную на весь город, будут получать жилье за счет нового строительства.

Теперь О КВАРТПЛАТЕ при переводе государственного сектора в муниципальный и при становлении последнего.

Хочу подчеркнуть, что проблема квартплаты — экономическая только в случае знака равенства между ней и расходами на эксплуатацию, во всех остальных случаях это вопрос политический. Так, на величину тарифной ставки влияет стремление снять нагрузку с госбюджета с помощью введения эксплуатационной самоокупаемости, дифференцировать ставки со сверхнормативной площади, чтобы уменьшить очереди либо увеличить поступление средств для эксплуатации варьировать тарифные ставки по доходу. Возможно, покажется странной дифференциация квартплаты по доходу. Между тем она практикуется на Западе, действовала и в нашей стране в 1921—1928 гг.

На муниципальное жилье претендуют две группы: очередь, сформировавшаяся до начала жилищной реформы, и малообеспеченные семьи. Новая квартплата должна включать, кроме затрат на эксплуатацию, «ренту» по качеству. Дело в том, что дольше всех в государственном секторе останутся высококачественные жилые дома. Квартиры в них вполне устраивают владельцев, поэтому они вряд ли будут склонны к перемене жилья. Повышенная квартплата в таких домах может стать одним из главных финансовых источников поддержания муниципального фонда. Это еще один аргумент против раздачи или продажи государственного фонда: иначе на первом же этапе приватизации будут выкуплены за бесценок именно квартиры в высококачественных домах.

Какой должна быть политика по отношению К ВЕДОМСТВЕННОМУ

ЖИЛИЩНОМУ ФОНДУ?

На мой взгляд, на его базе целесообразно формировать арендный сектор. Этот фонд всегда предназначался для привлечения нужных работников. Ведомства до сих пор сохраняют свою мощь в жилищном строительстве. Они заинтересованы в арендном жилье, предоставляемом по контракту на ограниченный срок по реальным ставкам квартплаты. Если прописка в данном секторе будет носить лишь регистрационный характер, такой фонд обеспечит территориальную мобильность рабочей силы и, видимо, незначительно уменьшится по сравнению с нынешним ведомственным, а лет через 20, по моим оценкам, составит треть общего жилищного фонда страны.

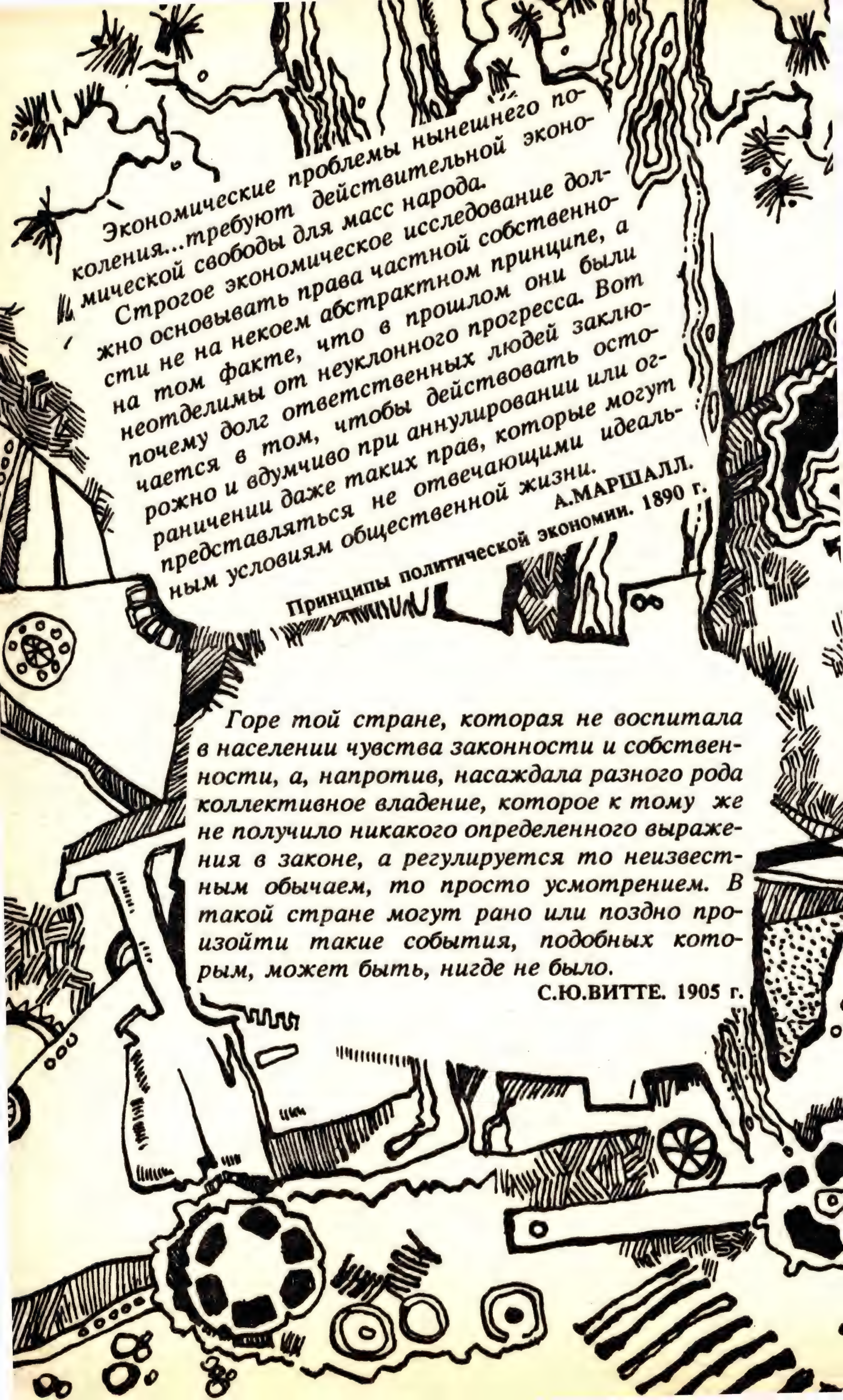
Что касается уже заселенных ведомственных квартир, то ведомство может выкупить их (через те же боны) у жильцов, которые пожелают строить индивидуальные дома, а затем сдавать в аренду своим работникам. А где-то более предпочтительным окажется иной путь: ведомственный фонд будет просто передан местным властям для последующей муниципализации.

При реализации предлагаемой стратегии разрастание ныне государственного, а в будущем муниципального сектора прекратится, он постепенно начнет сокращаться и лет через 20 стабилизируется на уровне 25—30% всего жилищного фонда. Абсолютное его сокращение пойдет лишь за счет естественного выбытия обветшавшего жилья. Экономически более привлекательным станет строительство арендного и личного жилья. Отсутствие административных ограничений на передвижение, норму занимаемой площади, прав наследования и т. п. повысит привлекательность этих секторов, в то время как интерес мало-мальски платежеспособных групп к муниципальному жилью будет падать.

Ориентация на строительство индивидуального жилья вызовет к жизни множество малых фирм, специализирующихся на строительстве высококачественных одно-двухсемейных коттеджей. В итоге сформируется наша отечественная, а не искусственно привнесенная рыночная жилищная система.

***

Все предложенное следует воспринимать как концепцию возможной жилищной стратегии, а не конкретную жилищную программу. На мой взгляд, на республиканском уровне необходима именно стратегия. Центр тяжести жилищной политики должен переместиться на места. Там разработку региональных жилищных программ и механизмов их реализации целесообразно основывать на конкретных социологических и экономических исследованиях.

Экономические проблемы нынешнего поколения...требуют действительной экономической свободы для масс народа.

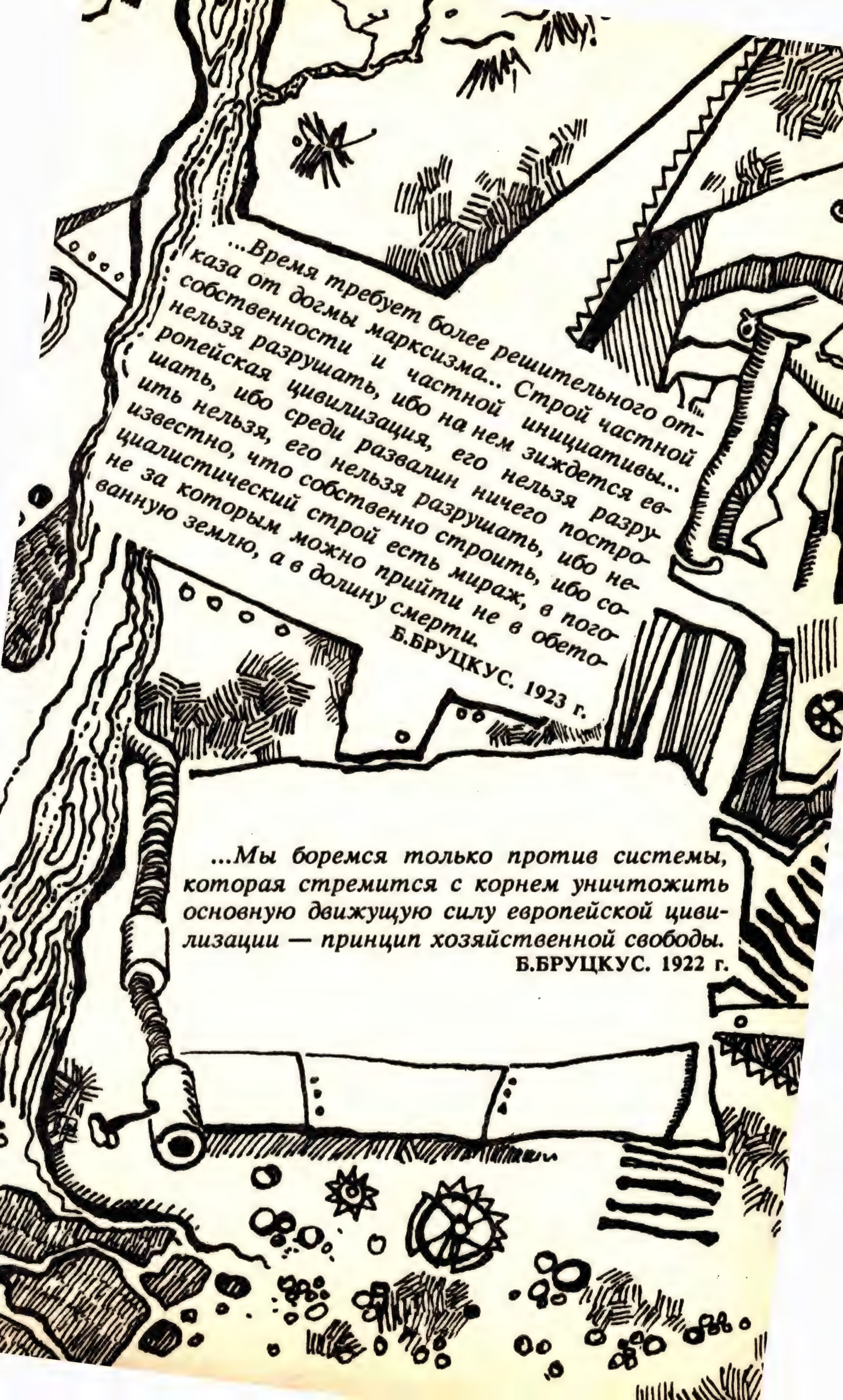
Строгое экономическое исследование должно основывать права частной собственности не на некоем абстрактном принципе, а на том факте, что в прошлом они были неотделимы от неуклонного прогресса. Вот почему долг ответственных людей заключается в том, чтобы действовать осторожно и вдумчиво при аннулировании или ограничении даже таких прав, которые могут представляться не отвечающими идеальным условиям общественной жизни.

А.МАРШАЛЛ.

Принципы политической экономии. 1890 г.

Горе той стране, которая не воспитала в населении чувства законности и собственности, а, напротив, насаждала разного рода коллективное владение, которое к тому же не получило никакого определенного выражения в законе, а регулируется то неизвестным обычаем, то просто усмотрением. В такой стране могут рано или поздно произойти такие события, подобных которым, может быть, нигде не было.

С.Ю.ВИТТЕ. 1905 г.

...Время требует более решительного отказа от догмы марксизма... Строй частной собственности и частной инициативы... нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация, его нельзя разрушать, ибо среди развалин ничего построить нельзя, его нельзя разрушать, ибо неизвестно, что собственно строить, ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти.
Б.БРУЦКУС. 1923 г.
...Мы боремся только против системы, которая стремится с корнем уничтожить основную движущую силу европейской цивилизации — принцип хозяйственной свободы.
Б.БРУЦКУС. 1922 г.

Почему наши трактора такие, какие они есть (не «тянут»), а не такие, какие мы хотим иметь, а другие имеют? Почему чуть ли не главное их назначение — обеспечивать нас основанием для законной гордости нашими успехами в деле индустриализации? И почему другого трудно ожидать?

Мы все еще (не по привычке ли?) ищем причины наших недостатков в искажениях «правильной линии», робком внедрении НТП, ошибках в инвестиционной сфере, «неправильной» норме накопления. Эта позиция представлена, в частности, в статье К. К. Вальтуха. Но такое объяснение объясняет далеко не все. И не отвечает на поставленные вопросы. И многие им подобные. А также старательно обходит обсуждение того, как, например, поднять ту же норму накопления. И возможно ли это в принципе.

А не заблудились ли мы, лишив себя всяких ориентиров в хозяйственной деятельности? И не могли не заблудиться, о чем предупреждали на заре нашей истории многие квалифицированные экономисты, в том числе и Б. Бруцкус (как и многие другие много раньше их). К похожим выводам приходит и А. Д. Чигрин, на себе, как и все мы, испытавший результаты великих экспериментов.

Для характеристики не оправдавшего себя технического решения, недостатки которого в сравнении с альтернативным обнаружились слишком поздно, используется понятие технологической ловушки. Потеряны время и средства, конкуренты завоевывают рынок, усугубляя ваши и без того громадные трудности. Или, как это выразительно представлено у В. Высоцкого:

«Теперь из колеи не выбраться.
Крутые скользкие края имеет эта колея».

Естественные в таких случаях эмоции («Я кляну проложивших ее...скоро лопнет терпенье мое») чаще усугубляют ситуацию, чем подсказывают правильный из нее выход. Да и не всегда он имеется.

По аналогии можно определить понятие институциональной ловушки — экономической системы, не выдержавшей конкуренции с альтернативными формами хозяйства. Существует ли вообще выход из того институционального тупика, в котором мы глубоко завязли, и какой он, этот выход?

Последние годы борьба ведется скорее за то, кто нас будет вести. Но разве не важнее — куда?

Мы старательно избегали разговоров на эту тему, полагая, что предмета для разговора уже вроде и нет. Многое говорит за то, что мы ошиблись. И время начать эту ошибку исправлять.

Символом американского благосостояния долго был автомобиль. Но обеспечил это благополучие не в последнюю очередь «народный трактор» Форда, чудо сельскохозяйственной техники, оптимально сочетавший вес и силу всего за пятьсот долларов. Ведь трактор должен тянуть. Для этого он должен быть тяжелым. Наши первые отечественные агрегаты воспроизводили зарубежные образцы. Потом... «И было это долгое потом», о котором наша история.

О ТРАКТОРАХ, И НЕ ТОЛЬКО:

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

А. Н. ЯСНЕЦКИЙ,
Бердск

Спрос удовлетворяет предложение, когда есть из чего выбирать.

Наши дефициты никак не удается удовлетворить нашим предложением: мы предлагаем самим себе совсем не то, что нам требуется. Вместо того чтобы создавать экономичные машины, мы неуклонно наращиваем добычу нефти. Упорно игнорируя выдержавшее проверку жизнью

убеждение о предпочтительности малых хозяйств, мы создаем для наших колхозов и совхозов все более мощные тракторы. Вместо того чтобы решить проблему механизации вспомогательных работ, что давно уже сделано во всем мире, мы пытаемся изобрести некую «экономическую систему», которая превратила бы крестьянина в добровольного раба.

СНОБИЗМ НЕВЕЖЕСТВА

Заграничные фермеры по-прежнему пашут землю, как наши далекие дореволюционные предки — одно- и двухкорпусными плугами, используя для этого фермерский трактор мощностью всего 8—15 л.с. Наши же крестьяне плугами пользоваться перестали. Сегодня в ходу так называемые пятикорпусные пахотные агрегаты. Для такого технического «усовершенствования» потребовался трактор в 3 т тяги, мощностью 150—190 л.с.

Выходит, хотя бы здесь мы ушли далеко вперед по дороге прогресса? Похоже, что многие наши сограждане именно так и думают, «по праву» гордясь отечественными достижениями в области индустриализации сельского хозяйства. Поначалу так думал и я, считая, что всем другим еще предстоит пройти наш путь. Пока не столкнулся с фактом крайне удивительным. Только на обработку земли для получения тонны зерна у нас уходит тонна нефтепродуктов. «У них» эта цифра гораздо меньше. Более того, за тонну нефтепродуктов за границей можно купить зерна гораздо больше, чем получить дома, — и это учитывая лишь прямые затраты. Я понимал, что столь высокие расходы связаны с мощностью тракторов. Попытка же найти рациональное объяснение этому феномену не увенчалась успехом. Скорее, здесь работали факторы, иррациональные с точки зрения экономики, а именно политические. Ведь достижения на этом пути странным образом совпадали с победами в политической борьбе с «трудовиками», «рабочей оппозицией», сторонниками Чаянова... А роковой поворот в сторону сверхиндустриализации всего и всея был совершен в годы первых пятилеток, полагаю, не без участия Великого Кормчего и его последователей.

Попытаюсь показать, приведя минимум необходимых расчетов, цену такой «победы».

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАКТОРА

Среднегодовое использование гусеничных тракторов в СССР составляет 1400—2000 часов и колесных — 1150—1200 часов. Тракторы США работают в среднем 592 часа в году.

Хорошо это или плохо?

В США на 1000 га пашни приходится 34 трактора (БСЭ. Земледелие). На один трактор, следовательно, 29 га. При норме 0,3 га/час эта площадь будет вспахана за 97 часов.

В СССР (в 1975 г.) в среднем колхозе имелось 3400 га посевных площадей и 37 тракторов. Следовательно, на один трактор приходилось 92 га. При норме 0,9 га/час наш трактор затратит на вспашку 102 час, то есть почти как американский. Следовательно, и все остальные работы по непосредственной обработке земли займут у наших тракторов то же количество времени. Лишнее время набегает у них на вспомогательных работах, то есть на перевозке сельскохозяйственных грузов.

При урожае зерновых около 20 ц/га один гектар даст биомассы g = 50 т. Следовательно, на один американский трактор приходится груз 1450 т.

При нашей урожайности 10 ц/га на один наш трактор приходится 2300 т.

Сельскохозяйственный груз легок. Больше одного стога не нагрузишь. Эти 3 т еще по силам американскому трактору. Следовательно, он должен сделать на перевозке 483 рейса, наш — 767.

Площадь средней американской фермы составляла в 1970 г. 180 га (БСЭ. Фермерское хозяйство). Площадь среднего колхоза в это же время составляла 6100 га; среднее плечо осуществляемых трактором перевозок составит:

— для американского — 500 м,

— для нашего — 3000 м.

Полагая скорость перевозок равной 3 м/сек, получим соответственно продолжительности рейсов: 170 и 1000 сек и общее время в пути: 23 и 213 час., то есть у нашего трактора почти в 10 раз больше — далеко возить.

Если учесть, что наш трактор при этом в 10 раз больше тратит нефтепродуктов, то получится перерасход в 10 х 10 — 100 раз!

Однако это еще не самое страшное.

ПОРАБОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Если основное время американский трактор занят на обработке земли и оно не превышает 592 часа, а наш трактор занят на основных работах столько же, то, прибавляя к этим 592 часам время, в течение которого наш трактор занят на перевозке, получим: 592 + 213 = 805 часов.

Спрашивается, чем же еще заняты наши трактора?

Увы — стоят под погрузкой.

Гусеничные — от 1400 до 2000 часов. Отнимем 805 часов перевозок и получим от 595 до 1195 часов.

Колесные — от 1150 до 1200 часов, минус 805 часов получим от 345 до 395 часов.

И пока трактора стоят, некоторое количество абсолютно неквалифицированного крестьянского люда должно грузить, разгружать и подтаскивать к трактору охапками и мешками все, что нельзя оставить там, где оно выросло. Да и таскать-то в шесть (!) раз дальше, чем на компактной американской ферме.

В сталинское время эта проблема решалась порабощением крестьян. Или таскай — или помирай с голоду, что поначалу и происходило. В наше — рецидив рабства наблюдается в виде «ряда мест» чрезвычайного положения.

Увы, эта мера не спасла значительную часть Урожая-90 от гибели. Как бы ни изощрялась наша административная система, она уже не в силах поработить то огромное количество людей, которое требуется для обслуживания наших безнадежно не соответствующих задачам сельского производства тракторов. Навесить же на них вспомогательные орудия тоже уже не удастся — не хватит нефтепродуктов гонять за каждой охапкой сена по полям.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

* Простое кооперирование усилий в сельском хозяйстве не привело к ожидаемому росту производительности труда. Наоборот, наши колхозы и совхозы 10- и 100-кратным перерасходом важнейших ресурсов на производство единицы сельхозпродукции разорили страну.

* Главная причина несостоятельности нашего сельского хозяйства — большие земельные наделы колхозов и совхозов.

* Внедрение в него энергонасыщенных тракторов было

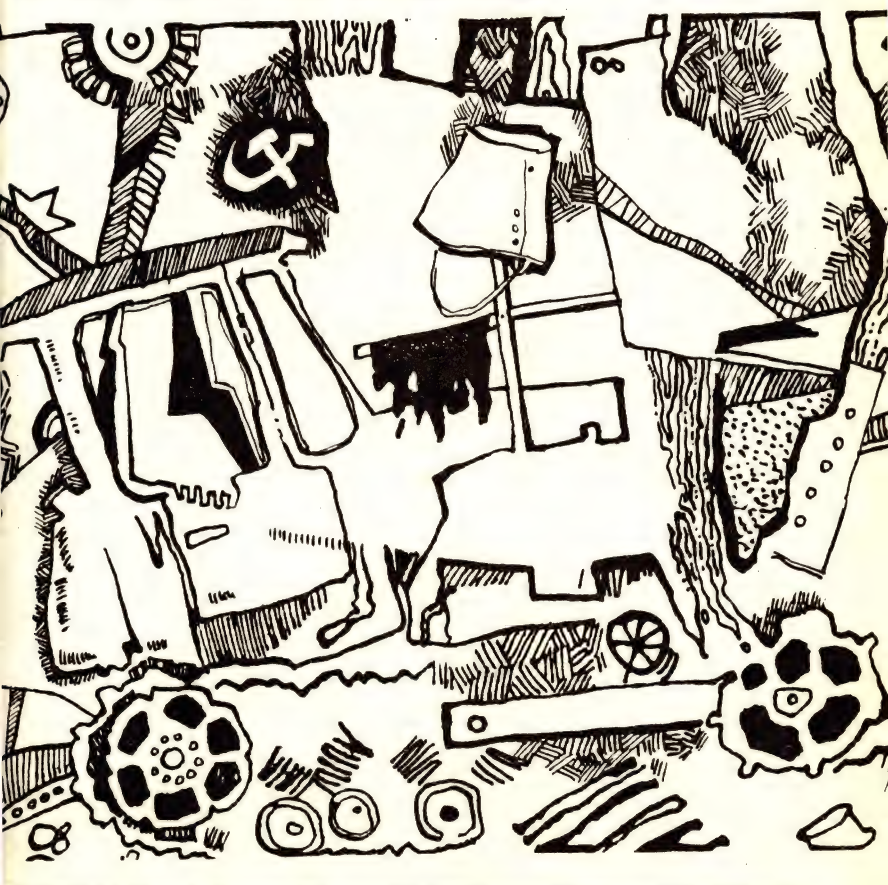
скорее всего политическим мероприятием.

* Крупный трактор превращает крестьянина в раба.

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

Надо свернуть тракторную промышленность и фактически на пустом месте построить современную. Надо, наконец, перестать верить в сталинский миф, будто такая промышленность у нас уже существует.

Это повлечет грандиозную техническую реконструкцию промышленности. Но! Или мы избавимся от прожорливых тракторов и тех, кто их нам навязывает, или трактора съедят нашу нефть, и тогда наступит голод.

Б. Д. БРУЦКУС
Из работы «Социалистическое хозяйство». 1922 г.

Марксистский социализм отрицает рынок и рыночные цены как регуляторы производства, как регуляторы распределения производительных сил. Этот способ регулирования капиталистического хозяйства с точки зрения марксизма является несостоятельным; марксизм постоянно подчеркивает «анархию капиталистического производства», неизбежно приводящую к периодическим кризисам. С точки зрения марксизма, эта анархия и есть одна из важнейших отрицательных сторон капитализма, которую социализм призван преодолеть. В сравнении с капитализмом, социализм является высшей формой хозяйственной организованности. Социализм ведет хозяйство по единому государственному плану, построенному на основах статистики. Подобно рыночным ценам, и другие категории капиталистического хозяйства теряют при социализме свое значение; в социалистическом обществе нет ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, ибо в нем все работают и получают полный продукт своего труда без вычета нетрудовых элементов дохода.

Распределение хозяйственных благ должно быть согласовано в социалистическом обществе с эгалитарным принципом, ибо если свобода есть руководящий лозунг буржуазии, то равенство есть руководящий лозунг промышленного пролетариата. Во имя этого лозунга им совершается великий переворот.

Остановимся лишь на обсуждении Б. Бруцкусом проблем организации производства, которые возникают при попытке претворить в жизнь эти руководящие принципы.

Едва ли какой-либо экономист решится оспорить то положение, что всякая хозяйственная деятельность, протекает ли она в рамках натурального капиталистического или же социалистического хозяйства, должна быть подчинена принципу о соответствии между затратами и результатами.

В капиталистическом хозяйстве элементы производства: труд, материалы, машины, процент на капитал, рента — оценены обществом на рынке, равно как на рынке оцениваются и все продукты производства. Эти оценки происходят в стихийном процессе, результаты коего для

отдельного предпринимателя являются данными. Если цены произведенных продуктов производства не покрывают затрат, то предприниматель лишается возможности распоряжаться орудиями производства; он получает свою отставку безжалостно и безоговорочно, ибо и она дается в стихийном процессе. Он не исполнил тех заданий, которые ему, как предпринимателю, предъявляет общество, он не сумел так скомбинировать элементы производства, чтобы они оплатились в рыночной цене произведенного с их помощью продукта. Зато никого капиталистическое общество не осыпает своими щедротами так обильно, как умелого и искусного предпринимателя, который, удачно комбинируя элементы производства продукта, удовлетворяет хотя бы самым обыденным потребностям общества. Благодаря этому предприниматель капиталистического общества находится постоянно в напряженном состоянии, и это напряжение он стремится передать всем участникам производства. Одних он заинтересовывает непосредственно в результатах производства, других он поощряет повышенным вознаграждением, третьих он дисциплинирует страхом увольнения. Так осуществляется хозяйственный принцип в расчлененном на классы и имущественные группы капиталистическом обществе.

Какими же путями хозяйственный принцип может быть осуществлен в социалистическом обществе? Социалистическое общество, в отличие от капиталистического, не обладает армией предпринимателей, которые всем своим имущественным положением заинтересованы в успехе производства. Риск каждого данного производства всеми участниками его перекладывается на все общество в целом.

Из сказанного становится очевидным: хозяйственный учет имеет в социалистическом обществе гораздо большее значение, чем в капиталистическом. Капиталистический предприниматель, если ему угодно, может совсем не вести никакого счетоводства. Тем хуже для него — он будет работать вслепую. Но перед народным хозяйством его ответственность этим нисколько не ослабляется, ибо все ему дается обществом по оценке, и все у него принимается обществом по оценке. За растрату производительных сил он ответит своим достоянием и своим собственным положением. Иначе обстоит дело в социалистическом хозяйстве. Если глава крупнейшего предприятия в социалистическом хозяйстве ведет его без надлежащего учета и

расчета, то он может лично жить совершенно спокойно, как бы руководимое им предприятие вследствие нерациональной организации производства ни расточало производительных сил общества. Всякое такое предприятие является своего рода больным членом хозяйственного организма, его истощающим, и из того, что болезнь не обнаружена, от этого она не становится менее опасной. Итак, ничто не может быть для социалистического общества опаснее, как атрофия хозяйственного учета, ибо в этих условиях конечная дезорганизация его хозяйства неизбежна.

Государство, лишенное прежнего ценностного учета, не могло, конечно, отказаться от контроля за своими предприятиями. Но ему представлялась возможность контролировать лишь отдельные элементы производства. И в этом отношении оно вынуждено было пойти очень далеко, гораздо дальше, чем это делали капиталисты. Организовался мелочный контроль за формальной аккуратностью служащих, за использованием материала, машин, инвентаря. Нагромождались ревизии на ревизии, и устанавливалось уродливое несоответствие между рабочим и контролирующим аппаратом. А между тем этот контроль за элементами производства нисколько не гарантирует хозяйственной рациональности предприятия и совершенно не имеет того решающего значения, которое имел ценностный учет. Честность руководителей предприятия, которую такой учет в лучшем случае может обеспечить, еще не гарантирует народное хозяйство от убытков, а бесчестность их может сочетаться с народнохозяйственной пользой. Все зависит от удачной или неудачной организации производства, о чем указанный контроль ничего не может сказать.

Н. Бухарин, констатировав атрофию старых форм учета, полагает, что они должны быть заменены натуральным учетом. Эту мысль подробнее разработал А. В. Чаянов. Он полагает, что таким путем получится возможность сравнивать степень рациональности постановки отдельных предприятий социалистического хозяйства.

Далее Б.Бруцкус показывает, что попытка А. В. Чаянова окончилась неудачей, с чем согласны Струмилин и Е. Варга, которые «отвергли метод Чаянова», а также что ни «трудовой учет», ни какой другой из предложенных методов «не мог нам дать даже сколько-нибудь ценных указаний о сравнительной выгодности наших предприятий» .

Если социалистическое хозяйство не удается наладить снизу путем рациональной организации его учета, то его налаживают сверху созданием статистически обоснованного единого хозяйственного плана. Помимо руководящих центров, в возможность решения этой задачи верит значительная часть нашей интеллигенции, и в связи с этим она жестоко нападает на власть, которая этой задачи до сих пор решить не сумела. Вот и А. В. Чаянов уверен, что придет время, и Главки вычислят, сколько социалистическому государству нужно и пшеницы, и молока, и свинины, и сколько можно сделать затрат на производство каждого из этих продуктов, и тогда он, базируясь на этих данных, будет иметь прочную почву для организации совхозов.

Нам необходимо, таким образом, рассмотреть возможность создания единого государственного плана хозяйства и его значение для регулирования социалистического хозяйства.

Устанавливается известное подвижное равновесие между потребительными запросами и производственной организацией общества. Оно устанавливается то на тех, то на других ценах, то на тех, то на других размерах производства. Точка равновесия постоянно передвигается в зависимости от толчков, получаемых то из сферы спроса, то из сферы предложения-производства. Процесс образования цен протекает стихийно, люди, участвующие в их образовании, не исходят ни из какой теории и редко пользуются какой-либо статистикой. Ни в том, ни в другом предприниматели не чувствуют особой нужды для решения своих текущих практических задач.

И в общем этот механизм действует весьма совершенно. Несмотря на отсутствие субъекта народного хозяйства и плана его, потребности капиталистического общества удовлетворяются с величайшей регулярностью; мало того, рынок спешит удовлетворить даже самым изысканным потребностям, самым капризным пожеланиям потребителей.

Тем не менее стихийный процесс приспособления производства к потреблению в капиталистическом обществе имеет свои дефекты, выражающиеся в возникновении время от времени перепроизводства товаров, — в невозможности реализовать на рынке товары по цене, покрывающей расходы производства. При общей тесной взаимной зависимости всех элементов народного хозяйства в странах развитого промышленного капитализма через кредит-

ную организацию кризисы, возникающие в какой-либо важной отрасли, чаще всего в производствах так называемой «тяжелой индустрии», имеют тенденцию превращаться в общие промышленные кризисы; эти кризисы переносятся из страны в страну и получают мировой характер. Они разоряют капиталистов и вызывают среди рабочего класса бедствия массовой безработицы.

Явление промышленных кризисов, видимо, и привело Карла Маркса к решительному отрицанию рынка как регулятора производства.

В условиях свободного менового хозяйства каждое предприятие непрерывно отстаивает себя в борьбе за существование. Ему постоянно нужны новые материалы, ему надо обновлять свой основной капитал, его рабочие должны есть каждый день, и используемый в нем капитал должен приносить прибыль. Средства для этого оно добывает себе само от народного хозяйства, вынося свои продукты на рынок. Если эти продукты имеют ценность в народном хозяйстве, если производительность предприятия высока, то рынок даст предпринимателю достаточно средств в форме общего эквивалента. На вырученные деньги он сам приобретет материалы, обновит машины, оплатит труд рабочих и служащих; а их остаток составит его прибыль, и при достаточных размерах он часть ее может употребить на расширение производства. Если его предприятие доказало свою жизнеспособность, народное хозяйство открывает предпринимателю кредит, позволяющий ему расширить производство за пределы того, что ему позволил бы его собственный капитал. Наоборот, если производительность предприятия низка, средств, вырученных на рынке от реализации продуктов его, будет недостаточно для продолжения производства; это для него memento mori — народное хозяйство не позволяет растрачивать несовершенной производственной организацией своих средств. Словом, развитие каждого капиталистического предприятия состоит в точном соответствии с его производительностью.

В социалистическом хозяйстве мы имеем принципиально отличное положение: между производительностью предприятия и его питанием прямой связи здесь нет. Мы имеем здесь два акта: первый — продукт предприятия поступает в «общий котел», а второй — из «общего котла» предприятие получает необходимые ему средства для

дальнейшего производства. Круговорот хозяйственных благ не совершается в социалистическом обществе на основании совершенно регулярных, закономерных актов купли-продажи, не зависимых от взглядов отдельных участвующих в них лиц, а определяемых рыночными конъюнктурами. В головах некоторых служащих ВСНХ акт поступления продуктов в «общий котел» и акт поступления оттуда средств производства для продолжения предприятия могут быть приведены в связь. Но связь эта весьма неопределенная.

Если бы даже социалистическое государство и предложило служащим ВСНХ руководствоваться соответствием этих двух актов, то они не в состоянии ее констатировать за отсутствием в социалистическом хозяйстве ценностного учета. Данный совхоз предоставил в общий котел столько-то ведер молока, столько-то пудов мяса, столько-то пудов зерна. Сколько же он за это вправе получить пудов улучшенных семян, минеральных удобрений, концентрированных кормов, голов улучшенного скота, прозодежды, топлива и т. п.? Попытка решить эту задачу несостоятельна — таково мнение не только наше, но и марксистов. Ибо в пределах безрыночного хозяйства эта задача неразрешима.

Итак, если бы даже служащие ВСНХ стояли твердо на принципе, что питание предприятия должно соответствовать его производительности, то, в конце концов, мы не могли бы им дать объективного критерия для оценки этих предприятий. Все будет зависеть, и не может не зависеть, от их усмотрения. Большой простор открывается для различных политических влияний на экономическую жизнь, которые в социалистическом государстве, где политическая власть окончательно слита с экономической, должны и без того проявляться сильнее, чем в каком бы то ни было другом обществе. Поэтому даже в социалистическом государстве, находящемся в очень трудном экономическом положении, остатки средств могут растрачиваться на такие предприятия, которые совсем не являются целесообразными, а вызываются иными соображениями власти.

А между тем и положительная оценка ВСНХ того или другого экономически здорового предприятия далеко не обеспечивает его нормального развития. Заведывание распределением отдельных продуктов и средств производства в порядке разделения труда необходимо поручить отдельным учреждениям — Главкам. Перед каждым из

них конкурирует целый ряд предприятий, и все они конкурируют бумагами и словами, которые ведь дешево стоят в противоположность тому, что происходит в капиталистическом хозяйстве, где конкурируют деньгами. Все требуемые средства производства только вкупе делают предложение производства возможным, и надо, чтобы во всех Главках по данному предприятию состоялись одинаковые заключения с соответственным численным их выражением. Задача эта бесконечно более сложна, чем в капиталистическом хозяйстве, где в худшем случае приходилось делать ту или другую надбавку при приобретении того или другого средства производства. Не удивительно поэтому, что стройное функционирование предприятия в социалистическом государстве есть не правило, а исключение. У семи нянек дитя без глазу...

У социалистического хозяйства, в действительности, нет никакого механизма для координирования каждого отдельного производства с народным хозяйством.

Отсюда и получилось то обстоятельство, что только те предприятия сохранили в РСФСР свою жизнеспособность, которые несмотря на громы и молнии Главков и Центров, а они были далеко не картонные, не утрачивали своих связей с вольным рынком и заботились о самоснабжении, не полагаясь на милость Главков и Центров. Мало того, в конце концов эти предприятия, не питавшиеся государством из «общего котла», давали и государству больше, чем состоящие у него на полном содержании.

Нам могут сказать: а разве в самом капитализме не замечаются тенденции к централизации? Ведь социализм в сущности делает дальнейшие шаги в том же направлении, в каком развивался и капитализм. Действительно, Standard Oil Company распоряжается всей североамериканской нефтяной промышленностью, а стальной трест — всей металлургией. Недаром, в подражание американцам, слово «трест» стало теперь излюбленным в нашей социалистической практике. Однако между капиталистическим трестом и социалистическим остается принципиальное различие в организации. Капиталистический трест все-таки ориентируется на рынок, социалистический же его отрицает. Капиталистический трест реализует свой товар на рынке и в порядке свободной конкуренции с другими предприятиями привлекает рабочих, закупает двигатели, орудия, металлы и т. п. Он отличается от других капитали-

стических предприятий лишь иным способом формирования цен на свои продукты. Но и эти цены не определяются односторонне, по произволению треста. За всяким повышением цены продукта следует сокращение спроса и, следовательно, повышение расходов, падающих на единицу продукта. Поэтому образование треста не предрешает еще фиксации цен на высоком уровне. При более дальновидной политике тресты часто понижают цены ниже нормы, наиболее выгодной для них в данный момент, чтобы приучить более широкие слои населения к пользованию данным продуктом, чтобы предупредить распространение конкурирующего продукта.

Совершенно очевидно, что экономическая система, которая не располагает механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями, несостоятельна. Стремясь преодолеть «анархию капиталистического производства», социализм может повергнуть народное хозяйство в «суперанархию», по сравнению с которой капиталистическое государство являет собой картину величайшей гармонии.

Примечание редактора

Следующие слова из предисловия к статье Б. Бруцкуса представляются мне своего рода политическим завещанием российским интеллигентам:

«Те роковые затруднения, которые погубили русский коммунизм (Бруцкус считал, что свидетельства неэффективности такого типа экономики столь выразительны, что эксперимент можно считать неудавшимся; ему и в голову не приходили, вероятно, средства, используемые в последующем для обеспечения выживаемости системы)...встанут перед всеми, кто пожелает не говорить о социализме, а его строить... Интеллигенция должна в корне пересмотреть свою идеологию. Она должна, наконец, научиться смотреть открытыми глазами на действительность и выбирать те экономические мероприятия, которые отвечают конкретным нуждам народа в данный исторический момент, а не те, которые, по мнению интеллигенции, приближают его к блаженному царству социализма. Те умеренные социалисты, которые думают, что они будут продолжать строительство социализма по-хорошему, в котором им будто бы помешали большевики, для страны не только бесполезны, они для нее опасны».

Был ли это глас вопиющего в пустыне? В то время, конечно, нет. В первую советскую «оттепель» появляются сотни публикаций, критически анализирующих доминировавшие в дореволюционном общественном сознании представления, за которые тогдашнее обществоведение ответст-

венно не в последнюю очередь:

«Сплошь и рядом наши профессора общественных наук являлись лишь скромными учениками Чернышевского, Михайловского, Плеханова... Популярные профессора занимались жалкими перепевами заграничных марксистских или отечественных народнических учений. Только начиная с XX века наша академическая политическая экономия обратила внимание на огромную теоретическую работу западноевропейской и американской политико-экономической мысли...Долгие годы, когда экономическая теория Карла Маркса давно уже была разрушена европейскими теоретиками, она наивно считалась у нас последним словом экономической науки. Немало усилий тратилось нашими учеными на штопание разлезавшегося по всем швам марксистского кафтана, на прилаживание его к упрямой действительности»(А. С. Изгоев. 1918 г.) .

Не правда ли, очень похоже на то, что мы совсем недавно имели, но уже в причудливо-карикатурном виде.

И далее:

«Опытом, чрезвычайно для страны тяжким, было доказано, что «трудовая ценность» Маркса есть только фикция... В единственной области, где социализм претендовал на научность, была беспощадно, опытным путем обнаружена ненаучность социализма... Гг. большевики, когда им в голову пришла мысль поправить свои финансы, должны были для постановки своих промышленных предприятий обратиться к тем самым буржуазным ученым, которых они так презрительно третировали».

Ценность исследования Бруцкуса поэтому не в констатации очевидных (тогда) для всех фактов провала известного эксперимента, а в основанной на современной ему экономической теории попытке доказать неизбежность такого провала.

И, наконец, для оценки тогдашних нравов небезынтересна и история этой статьи, в которой, по словам автора «с громадными усилиями закован в научные формулы жгучий протест против эксперимента, проведенного над живым телом многомиллионного народа». Она была опубликована в трех номерах журнала «Экономист». Первый номер его был направлен В. И. Ленину редактором журнала. Видимо, с целью познакомить его с представлениями авторов о волнующих их проблемах России. Реакцией было известное сегодня, а тогда секретное письмо В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинскому, где журнал назван явным центром белогвардейцев, а его сотрудники — почти все — законнейшими кандидатами на высылку, которая вскоре и состоялась. В нем содержалось также требование собирать «систематически сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей».

УРОКИ НОВЕЙШЕЙ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ

К. К. ВАЛЬТУХ,
доктор экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

Внимание всего мира привлечено к преобразованиям в странах Восточной Европы. Быть может, с особой силой они волнуют общественность нашей страны: очевидно, что распадается социалистическое содружество; объединение двух германских государств произошло под эгидой ФРГ; меняется соотношение сил в Европе и во всем мире не в пользу Советского Союза. Что заставило народы сделать такой выбор?

Процессы, происходившие совсем недавно в ГДР, дают, по-видимому, наибольшую информацию для ответа на этот вопрос. На протяжении всей истории своего существования страна находилась в особом положении среди стран социалистического содружества: шло постоянное сопоставление достижений и трудностей, порождаемых принципиальными различиями общественного строя в двух частях Германии. В ближайшие годы социально-экономические преобразования на территории бывшей ГДР будут, как признают многие серьезные аналитики, идти существенно быстрее, чем в других странах Восточной Европы: в единой стране может существовать лишь единая социально-экономическая система, и ее основу будет составлять крупный капитал, который в значительной мере будет вложен промышленными и банковскими компаниями ФРГ; конкуренция приведет к выравниванию технологического уровня производства на всей территории страны, к подтягиванию технологической системы в восточной части до уровня, отвечающего требованиям конкуренции на рынке единой Германии и — более широко — на интегрированном рынке Западной Европы. Наблюдение за тем, что именно происходит в ГДР, отвечает на вопрос, почему это происходит.

Коренной причиной развертывающихся на протяжении уже нескольких пятилетий явлений деградации и распада в странах, провозгласивших себя социалистическими, был отказ общества на деле осуществлять необходимые технологические преобразования. Однако ГДР никогда не допу-

скала такой технологической деградации, как наша страна. Соответственно, ряд социальных проблем, в частности, продовольственная и жилищная, а также обеспечения населения одеждой, обувью, бытовыми услугами, были решены в ГДР на значительно более высоком уровне, чем в СССР. И, идя на смену общественного строя, население бывшей ГДР непосредственно руководствовалось именно сопоставлением уровней благосостояния в двух частях страны.

Заведующий сектором Института экономики мировой социалистической системы АН СССР Л. И. Цедилин (Правда 26. 03. 90) в интервью под заголовком «Сколько стоит объединение» сообщает, что объем долгосрочных капитальных вложений, которые придется сделать на территории бывшей ГДР, составят от 500 млрд до триллиона марок (в валюте ФРГ).

Сейчас трудно сказать, на какой срок растянется осуществление этих капитальных вложений на территории бывшей ГДР. Это будет зависеть от множества конкретных обстоятельств, в том числе от социально-политической обстановки: инвесторы должны быть уверены в политической стабильности. Но если говорить только о возможности найти ресурсы, то, по-видимому, оправдан прогноз, что коренное технологическое преобразование экономики будет осуществлено за 5—7 лет.

В 1988 г. объем капитальных вложений в народное хозяйство ФРГ составил 419 млрд немецких марок. При валютном курсе 1988 г. (1,75 марки за доллар) это было равно 240 млрд дол. По-видимому, промышленные и банковские компании ФРГ будут в состоянии ежегодно вкладывать в экономику восточной части Германии (без большого ущерба для экономики ФРГ) около 100 млрд немецких марок. Вместе с тем будут мобилизовываться ресурсы самой восточной части страны, для чего потребуются большие усилия ее собственного населения. Если среднегодовые капитальные вложения составят 140—150 млрд немецких марок 1988 г., то на технологическое преобразование экономики ГДР уйдет 7 лет.

По-видимому, находясь под влиянием публицистики последних лет, Л. Цедилин не удержался от замечания о «гипертрофированном развитии» промышленности группы А в ГДР. Такая постановка вопроса плохо увязывается с многочисленными указаниями на технологическое отставание экономики страны. Вместо рассуждений о гипер-

трофированном развитии производства средств производства было бы, на мой взгляд, правильно разобраться в реальном составе, техническом уровне этих средств производства и тогда сказать о гипертрофированном производстве неэффективной техники и крайне недостаточном — техники, отвечающей требованиям современных высокоэффективных технологий.

Источником вложений в народное хозяйство восточной части Германии будет, прежде всего, капитал ФРГ, а отчасти, по-видимому, других развитых капиталистических стран.

До некоторой степени (хотя, насколько можно судить, существенно меньше) то же возможно и в других странах Восточной Европы. Но относительно СССР можно утверждать твердо: при любой мыслимой помощи и инвестициях со стороны развитых капиталистических стран (а их нужно постараться привлечь) подавляющую часть вложений нам придется осуществлять за счет внутренних источников. Это относится не только к самой сумме затрат (в денежном или трудовом выражении), но и к материальному содержанию вложений, их техническому воплощению.

Иллюзии на эту тему сейчас распространяют некоторые публицисты и, к сожалению, экономисты. И делается это без попытки провести хотя бы самые простые расчеты. Пусть для начала принято, что необходимо осуществить вложения в сумме, эквивалентной только 5 трлн дол. Любая самая завышенная оценка ежегодных вложений иностранного капитала в нашу страну составит не более 10 млрд дол. Не будем говорить о том, что если в течение 10 лет брать в долг по 10 млрд дол., то долг в 100 млрд дол. вместе с процентами ляжет в тяжелым грузом на население, будет источником множества социальных и политических проблем. Это хорошо известно из опыта многих стран. Дело, однако, в другом: 100 млрд дол. — это менее седьмой части того, что ежегодно вкладывается в экономику США, и существенной роли в технологическом преобразовании нашей экономики эти вложения не сыграют.

Не предаваться иллюзиям в этом отношении настоятельно советует нам весь мир. Об этом говорили Дж. Буш, М. Тэтчер, Ф. Миттеран, Э. Кеннеди, Дж. Гэлбрейт, об этом постоянно пишут западные экономисты и социологи. Процитируем только выступление Государственного секретаря США Дж.Бейкера (Известия 25.04.90): «...При оценке нашего реального влияния на перестройку необходим

реализм. Мы должны избегать призывов к оказанию прямой помощи Москве. Как неоднократно заявлял Президент Горбачев, успех советских реформ зависит от самого Советского Союза. Генеральный секретарь Брежнев ошибочно считал, что западная технология и кредиты могут произвести переворот в советской экономике».

В нашем обществе активно обсуждается дилемма: то ли пытаться продолжать дальнейшее развитие, сохраняя, стабилизируя еще имеющиеся в нашей жизни элементы социализма с тем, чтобы в конечном счете не на словах, а на деле комплексно реализовать его принципы; то ли свернуть с социалистического пути и попытаться создать общество по образцу развитых капиталистических стран. Невозможность опереться в технологической реконструкции на иностранный капитал является одним из важнейших факторов, которые должны быть приняты во внимание при решении этой дилеммы. Современный капитал, сложившийся в условиях государственно-монополистического регулирования экономики в странах с многовековой общей культурой, — это капитал относительно цивилизованный, в существенной мере допускающий общественный контроль и научившийся функционировать при таком контроле. А главное — капитал, за много десятилетий создавший формальные и неформальные весьма сложные организационные и технологические структуры, обеспечивающие довольно эффективное функционирование и прогресс экономики. Хорошо известно, что капитал как таковой в СССР существует (отчасти скрытый, потенциальный, отчасти легализовавшийся в виде, например, многих кооперативов). Но это капитал примитивный, весьма далекий от достижений капитала развитых стран. Рассчитывать, что с его помощью можно будет в обозримом будущем сколь-нибудь существенно поднять технологический уровень экономики и решить острые социальные проблемы, — значит опять-таки предаваться иллюзиям.

Надо признать, что сложившаяся в нашей стране технологическая система не может служить базой ни для капитализма в его современных формах, ни для социализма. Ее нужно преобразовать. Реальное положение дел таково, что взять на себя основную роль в этом деле не может никакая социальная сила, кроме государства. Будем надеяться, что этот факт будет осознан без дальнейших промедлений, чреватых социальной катастрофой.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

А. Д. ЧИГРИН,
Мурманск

Государственная собственность давно стала у нас синонимом бюрократизма, ведомственности, неэффективности — всех тех качеств, которые объединены недавно термином «административная система».

Эта система целью деятельности государственного предприятия ставит выполнение плана — производство заданного количества определенных изделий. При централизованном ценообразовании, неизбежно сопутствующем натуральному планированию, выявить настоящую потребительную ценность произведенного продукта невозможно. Соответственно невозможно определить, сколько предприятие производит реального продукта. Никто не знает, больше тратит предприятие на производство, чем производит реальных ценностей, или меньше, умножает оно общественное богатство или разбазаривает его.

За 70 лет планового хозяйства была развита мощнейшая отрасль бухгалтерии — политэкономия социализма и подчиненные науки о плановом хозяйстве. В планировании используются десятки производственных показателей, тысячи методик их расчета, десятки тысяч всяческих нормативов. Все они характеризуют или регламентируют те или иные стороны производственного процесса, хозяйственные пропорции. Но нет среди них такого, который объединял бы все остальные, служил бы единым критерием оценки работы, измерял бы пользу, приносимую народу предприятием, ведомством, отраслью. В директивной экономике нельзя определить самое главное — эффективность производства.

Наша административная пирамида надежно фиксирует процент выполнения планов, энергоемкость продукции и фондовооруженность производства. Но реальную ценность производимой продукции количественно строго определить она не может. Не имея надежных измерителей произведенного продукта, невозможно оценить эффективность производства. Нет объективных критериев. А без этого процент плана, показатели энергоемкости и фондовооруженности становятся информацией пустой, бесполезной как для производственника, так и для собственника.

Основной принцип планового хозяйства: плановики планируют, производственники — выполняют план. Сказать, кто виноват, если план провален, при таком распределении обязанностей опять-таки невозможно. Может, плановики не то плани-

ровали, а может, производственники недостаточно самоотверженно боролись за его выполнение.

Поэтому в нашем плановом хозяйстве невозможна объективная оценка работы руководителей, предприятий, ведомств, плановых органов. Невозможна реальная ответственность за экономические провалы, да и сами провалы иной раз обнаруживаются спустя много лет. Невозможна, как правило, объективная оценка квалификации руководящих, инженерно-технических, научных кадров, а положение и должности их, показатели руководимых ими предприятий зависят все больше от того, как они умеют подать себя начальству, как умеют обосновывать и выбивать фонды, как умеют проталкивать нужные решения и влиять на спускаемые планы. А отсутствие реальной ответственности — это та почва, на которой с неизбежностью закона природы вырастают бюрократизм, некомпетентность, самодурство и естественное завершение этого ряда — экономические преступления. В этом, кстати, одна из главных причин моральной деградации общества. Поэтому, наконец, многочисленные ведомства блюдут какие-то свои таинственные интересы, не имеющие ничего общего с интересами народа, служить которому они приставлены.

Система планового хозяйства обьявляет целью производства «удовлетворение потребностей граждан» — растущих, разумных или каких-либо иных, в зависимости от политической конъюнктуры — по возможно более низким ценам. Это само по себе ставит производство на основания скорей благотворительные, чем экономические. Степень удовлетворения потребностей при административном ценообразовании количественной оценке не поддается. Стало быть, невозможно измерить пользу, приносимую государственной промышленностью народу как собственнику. Невозможно, следовательно, объективно оценить эффективность производства и компетентность решений на всех уровнях управленческой иерархии. А что невозможно оценить, за то не может быть реальной ответственности. И от глубокой органической связи целей, прав и обязанностей собственника не осталось ничего, кроме голого права командовать.

КОЛЕЯ

За общественную собственность сейчас вроде бы никто и не держится, и даже приняты законы, признающие у нас многообразие форм собственности, включая частную, и никто (за редким исключением) не пытается совместить общественную собственность — социализм — с рынком. Все, включая наших экономистов, которые совсем недавно клялись в верности марксистской методологии, хотят строить капитализм и уже не скрывают этого. Я тоже не против, но в отличие от них считаю, что нам его не построить — это во-первых, а во-вторых, я не думаю, что мы при нем будем жить так же, как

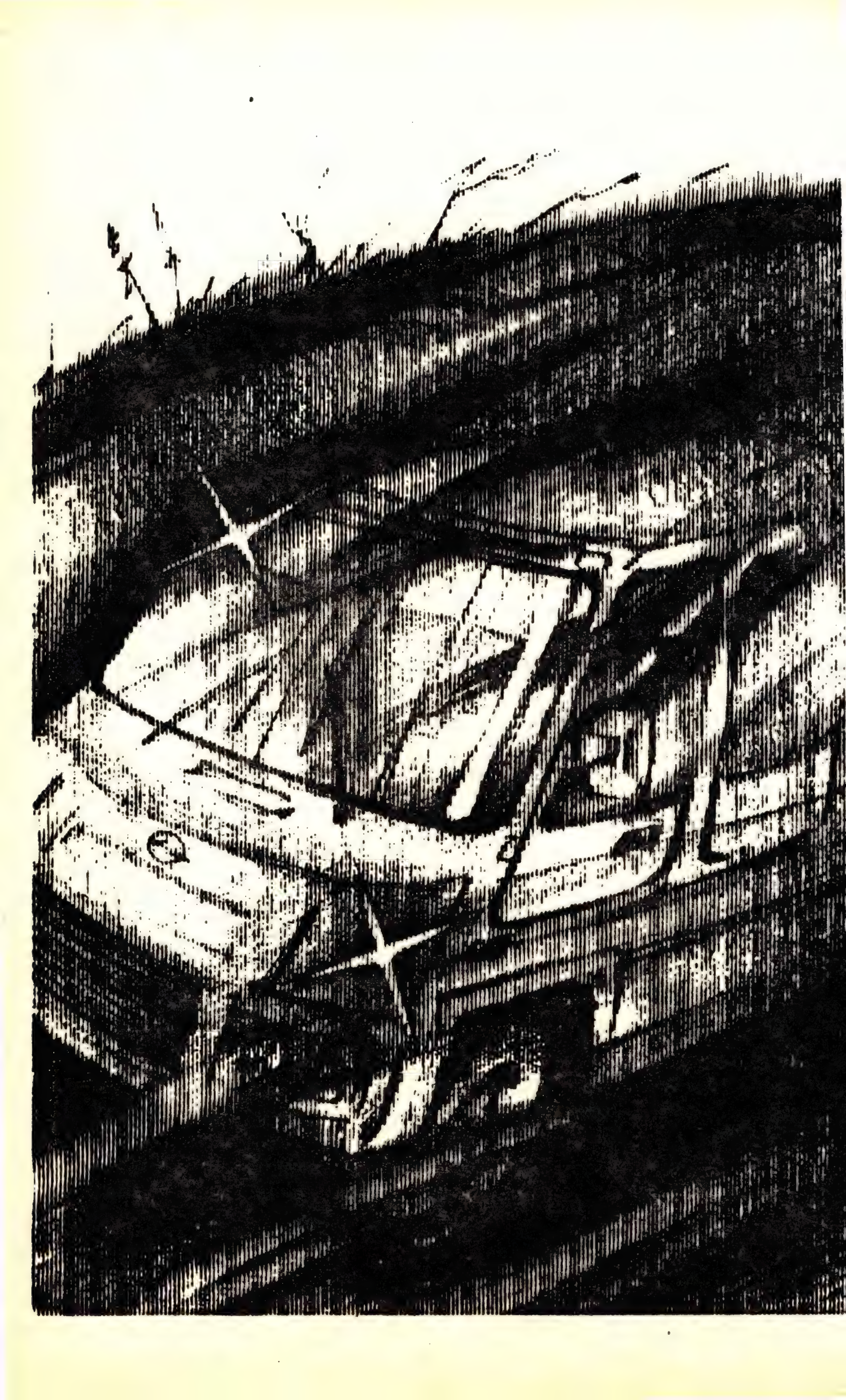
живут граждане передовых капиталистических стран. Иметь уровень жизни трудящихся Индии, Пакистана, стран Латинской Америки мы вряд ли согласимся.

История рыночных отношений в западных странах насчитывает семь тысячелетий, и то, что мы сейчас наблюдаем в США, Англии, ФРГ, Швеции — результат эволюционного развития экономических отношений, сложившейся культуры, вошедшей в плоть и кровь граждан этих стран. Психологи утверждают, что ребенок, проживший до четырех лет вне человеческого общества, не может стать его полноправным членом. У нас за годы советской власти вне рыночной культуры выросло три поколения людей, начисто лишенных необходимых навыков жизни при рынке. Поэтому одного желания и юридических законов, расчищающих путь к рынку, недостаточно. Экономисты ФРГ говорят, что для того чтобы приобщить немцев бывшей ГДР к рыночной экономике, понадобится жизнь целого поколения. А сколько же поколений потребуется нам — два, три... (30-60 лет)?! Ведь создание новой экономической системы мы должны начать с «нуля», предварительно разрушив все структуры, которые у нас сложились, — пусть малоэффективные, но все-таки работающие. Значит впереди (а наверное уже сейчас, в этом году) полная хозяйственная разруха! И все это на фоне политического, межнационального и социального кризисов! Надо быть слепым или авантюристом, чтобы не понимать, к каким катаклизмам все это может привести. Или опять надежда на русское «авось»? Нельзя выдавать желаемое за действительное и без конца пичкать народ несусветными обещаниями: раньше призывали народ страдать и переживать трудности ради светлого будущего — коммунизма, а теперь — капиталистического рынка.

Я считаю, что мы оказались заложниками социалистической идеи, а раз так — надо искать пути выхода из экономического кризиса на ее основе.

Корни наших бед не в поголовном огосударствлении собственности, как полагают ваши многочисленные авторы, а в нарушении общественного закона пропорционального развития, который действует во всех без исключения обществах, с любыми «измами». Вопрос состоит в том, действительно ли в обществах с общественной собственностью он неизбежно и объективно должен нарушаться? Я верю в возможность демократического управления хозяйством при социализме.

С. ФЕЙГИН,
Ленинград

ПЕГАС, РАЛЛИ И ПОЛЕТ

9000 километров по дорогам Южного Урала, Западной Сибири и Казахстана прошли в конце 1990—начале 1991 г. новые автобусы, сконструированные и изготовленные в Кургане

Валерий ЛАВРОВ,
спецкор ЭКО

«Не верю, что эти автобусы сделаны в нашей стране! Это — импортные! Так чисто наши люди не работают...», — сказал житель Магнитогорска, разглядывая золотистого цвета машины. Они стояли в автотабуне у местного Дома Советов, но не заметить их было трудно. И подходили люди: непрофессионалов интересовал уютный салон, профессионалы наклонялись и что-то высматривали внизу в районе колес. И даже женщины замедляли свой бег, примериваясь к этим автобусам... А после Магнитогорска были Актюбинск, Оренбург, Уфа, Челябинск, Тюмень, Тобольск, Нефтеюганск...

Здесь проложены «дороги смерти», как назвал их внештатный корреспондент ЭКО в Нижневартовске Михаил Речкин.

Эх, дороги, пыль да туман

Во время автопробега Речкин прислал в редакцию копию своего письма М. С. Горбачёву, где, описывая варварские методы добычи нефти («нефтяники целиком победили природу, и после них даже трава не будет расти»), не мог обойти и дороги:

«За три года только в районе Самотлора погибло 186, а искалечено 1556 человек. Разбито техники на сотни тысяч рублей. Ведомственные технологические дороги передаются дорожным организациям, которые организационно и технически настолько беспомощны, что следов их деятельности не видно.

Вот как выглядит одна из «дорог смерти», похожая на все остальные: ширина — 6 метров, обочин почти нет, четвертая часть ее — в откровенно аварийном состоянии, хотя нефтяники клятвенно обещали, передавая дорогу, привести разрушенный участок в условно рабочее состояние. Проектная пропускная способность превышается фактически в 10 раз.

Из 12 пескоразбрасывателей (по норме обслуживания) имеется всего 2, нет ни одного тяжелого скрепера. Более того, при передаче дороги с баланса Нижневартовскнефтегаза на баланс Тюменьавтотранса был «забыт» пункт о передаче техники для зимнего ее содержания. Всякие понятия о технике безопасности на этой дороге отсутствуют.

Нынешние хозяева дороги — работники Нижневартовского дорожно-строительного управления — словно нищие, идут с протянутой рукой к нефтяникам за асфальтом и за своим собственным щебнем — тоже. Им спихнули сотни километров, причем заочно: передача происходит где-то в кабинетах, без участия тех, кто работает на этих дорогах.

Нижневартовские водители говорят: нужно бастовать до тех пор, пока дороги не приведут в нормальное состояние. Возможно, виновные найдутся. Но кто ответит за постоянную гибель людей на этих дорогах, кто будет кормить искалеченных?..»

Самотлор остался позади, наш «караван» на хорошей скорости шел по довольно широкой дороге. Встречные «Татры» и «КРАЗы» не теснили к снежным валам по обочинам. Неужели, подумалось, такая прекрасная дорога соединяет Тюменскую и Томскую области? Вот молодцы! Но вскоре мы встали. Впереди самосвалы, сбросив землю, разворачивались и шли навстречу.

— Был же указатель, что это — «главная дорога», — сказал руководитель пробега Г. Г. Марасов, перевидевший на своем веку многие дороги страны и ни разу не заблудившийся на них.

Он вылез и пошёл выяснять у водителей, куда мы заехали.

— Здесь тупик. Отсыпают площадку для буровой...

Мы нашли стрелку, указывающую более узкую дорогу. И на Урале, и в Казахстане, и здесь, в Западной Сибири, километровые и прочие дорожные знаки удивляют ограниченным набором, убогим видом и каким-то тайным смыслом. Его не понять трезвым людям: километраж то уменьшается, то увеличивается на дорогах, которые неизвестно куда ведут. Ширина же их определяется, как кажется, по очень простому принципу: две машины разъедутся — и слава Богу. Более сложные расчеты, похоже, недоступны строителям. Многие их творения водители называют «пьяными»: повороты такие, что впереди видно не

более десяти метров, и этих поворотов — обычно непонятно зачем сделанных — бесчисленное множество.

С изумлением взираешь на огромную «пьяную» петлю вокруг Юрги, когда огибаешь весь город и попадаешь туда же, откуда приехал. Спрямить эту петлю в линию, наверное, не позволяют стратегические соображения. Впрочем, враги наши никогда не смогут доехать по этим дорогам туда, куда им надо. Непременно заблудятся. Еще более таинственны въезд и выезд из Тобольска, где лучшие дороги ведут не на юг, в Тюмень, или на север, в Нефтеюганск, а к местному нефтехимическому комбинату.

Половину вполне проезжих зимой дорог в Тюменской и Томской областях не найдешь ни на одной карте. Нужно брать проводников. Наше отношение к дорогам идёт из глубины веков: проехала телега — и дорога есть. И вот она идет навстречу, «телега» и 300 лошадей — трактор «Кировец» с волокушей. Где-то на известной только местным водителям границе между двумя областями махина встала, водители ее с высоты своей указывали, чтоб мы объехали по снежной целине. Хозяева?!

Я был в трех автопробегах: по европейской части страны, Уралу и Сибири. Любому водителю, который без аварии, ущерба для своего здоровья, явного для всех или только для врачей, сумеет удержаться на этих дорогах всего год, можно давать звание Героя. Это же условия, максимально приближенные к боевым! Почти 60 тыс. погибших в 1990 г. и 300 тыс. раненых на этих дорогах.

Москва подождёт

Шоферы, встречавшиеся нам во время автопробега, окружали курганские автобусы плотной толпой и не верили, как и непрофессионалы, что машины отечественные. Но узнавая, что курганцы поставили на них японские дизельные двигатели, поднимали этот конкретный пример до политических высот: ясно, без японцев с нашим хозяйством не справиться. И без итальянцев тоже — нет в стране способных поставить для новых автобусов ветровые стекла.

А в актюбинской степи дул сильный ветер, была такая метель, что приходилось ехать с пешеходной скоростью. Впереди — ни зги не видно. Ветер выдавил самодельное курганское ветровое окно, изготовленное из двух листов

оргстекла. Члены экипажа изнутри и снаружи наваливались и вставляли его обратно. И раз, и два, и три.

Двадцать лет без японцев и итальянцев, не оглядываясь на мировое автомобилестроение, клепали в Кургане автобусы под народным названием «носатые». Их покупали, покупают и, наверное, покупали бы до конца века. Потому что только венгры мешали беспробудной «спячке» на внутреннем автобусном рынке.

Разговоры о перспективах Курганского автобусного завода в Москве крутились по известному нашему принципу — «кажинный раз на энтом самом месте». Уйти от «носатых» машин и не остаться с носом — так решили на предприятии. И создали инициативную группу конструкторов, технологов, организаторов производства.

И — чудо — без всяких головных организаций, без жесткого графика, переданного из Москвы, впервые за 20 лет самостоятельно курганцы «нарисовали» новые машины. Точнее, провели конкурс среди дизайнеров Кургана, Минска и других городов. Победили минчане. А в Кургане рисунки и макеты довели до металла. В необычном блочном исполнении, что позволяет собирать до 50 модификаций (марок) машин на одном конвейере и обновлять основную модель со скоростью, доступной передовым зарубежным фирмам.

А родное министерство помогло ли купить за рубежом материалы, комплектующие, узлы, которых не найти в стране? Помогло ли уйти от старой традиции — самая блестящая конструкторская задумка проходит неоднократную ротацию с ориентиром на нищую нашу реальность? Помогло ли найти валюту? Уменьшить план по выпуску старых машин?

Минавтосельхозмаш СССР возник в полный свой рост лишь тогда, когда были готовы опытные образцы. Их потребовали, как и прежде, погрузить на железнодорожные платформы. Надо сказать, многие машины, выпускаемые заводами министерства, если заезжают сами на платформу, то потом не могут съехать. Значит, погрузить, привезти в Москву, сгрузить на досмотр, одобрение, разрешение...

Контролеров в любом деле у нас не меньше, чем исполнителей. И руководители завода вполне резонно решили: а почему Москва должна первой увидеть эти автобусы? Почему не ближайшие соседи, которые, кстати, и помочь смогут?

И опытные образцы (в пассажирском и грузопассажирском вариантах) свои первые километры одолели на Южном Урале, столь богатом металлом и металлообработкой, в Тюмени, где «нефтемагнаты», бывает, имеют лишние нефтедоллары, и в Казахстане, ближайшей житнице. Металл, валюта и хлеб — владеет ли сейчас Москва этим богатством?

Зачем и кому был нужен пробег?

Такой вопрос возникал даже в редакции ЭКО, участвовавшей в автопробеге. Демонстрация в поддержку Ельцина, митинг в поддержку Горбачёва — это понятно, зачем и кому нужно. А вот авто-мото-велопробеги, перелёты через полюс в Америку, кругосветные морские путешествия и все такое прочее сегодня не в моде.

Между тем эти старомодные «мероприятия» сохраняют смысл. И наш автобусный пробег тоже имел свои задачи. Самая насущная из них — испытывать автобусы не только на полигоне, но и на обычных наших дорогах, каждая из которых сама по себе полигон.

А вторую идею можно назвать агитационной — «Не опускать руки!». Если в Кургане на скромном заводе, изготавливающем скромные машины, замахнулись на продукцию мирового уровня и на интеграцию с мировым рынком, на котором пока нет места для советских машин... То почему уральские промышленные гиганты и сибирские нефтяные промыслы продолжают коптить небо, не штурмуя его?

Третья идея — рекламно-информационная. Вот они, машины, с полным комфортом, привлекательные внешне и внутри, годные для любых наших дорог и нужд (от доставки вахтовых бригад на нефтепромыслы и в лесосеки до обслуживания туристов), способные заправиться на любом складе ГСМ... Пощупайте их, они наши собственные, и вы можете их купить... Очень скоро. Конвейер для них уже смонтирован в одном из корпусов завода, хотя ещё не запущен.

У организаторов пробега была и более жесткая, в духе времени, задача. Казавшаяся железной, хотя и работавшая с судорожным скрипом, система обязательных, указанных свыше поставщиков и потребителей рухнула. Другой пока нет. Наступил хозяйственный хаос. Декабрь был

уж на дворе пустом — хоть увольняй рабочих: портфель заказов и поставок у многих оказался полупустым.

А курганцы ищут свободные мощности, прежде всего для механообработки, ищут свободные капиталы. Предлагают создать консорциум, локальный рынок. Для новой, конкурентоспособной не только в странах Африки продукции. Очень нужной прежде всего для будущих участников совместного предприятия.

И последняя «эгоцентрическая» задача автопробега заключалась в желании лицом к лицу встретиться с читателями журнала.

Все эти задачи-цели были решены с той или иной степенью успеха. Меня лично поразили не эти золотистые машины, преодолевшие степную пургу, зимние дороги, перевалы предгорий Урала, мороз (с летней соляркой, поступавшей в двигатели), тюменские «дороги смерти» (без жертв), томские зимники. Поразила не вездеходность грузопассажирского автобуса, одолевающего «на брюхе» снежную целину.

Не удивили магнитогорские трамваи в пять утра, набитые до отказа людьми, не опускающими руки и не покладающими их. Не удивили наэлектризованные актюбинские очереди за рублевыми баночками «иваси в томате». Как-то не впечатляли оренбургские старинные облупленные, но прекрасные исторически дома. И ехал наш экипаж терпеливо вдоль челябинских пельменных, закрытых, видимо, из-за нехватки мяса.

На наших ямах сломались бы все

Поразительны и удивительны были речи людей, желающих получить такие автобусы. Они готовы перечислить доллары, инвалютные и обычные рубли. Могут обменять автобусы на металл, древесину, бумагу и на машины других марок. Они способны подождать год-другой, пока новые машины пойдут промышленной серией.

Но эти люди, руководители разных рангов, увы, в большинстве (может быть, это субъективное впечатление) не готовы с кем-то объединиться, поделиться производственными площадями, трудовыми, материальными и прочими ресурсами. В этих речах по-прежнему звучит: «Дайте мне... обменяйте... У нас свои проблемы, у вас — свои».

Новые производственные союзы, без которых можно прожить, но трудно выжить, если мы идем в мировую экономическую систему, воспринимаются нередко как чуждые и неприемлемые. Один из директоров сказал: «Если мы, представители государственной собственности, не пожелаем, любые частные и прочие предприятия не возникнут».

Но с помощью главного партнера в лице могучего ГАЗа, с помощью министерства, с помощью Кабинета министров союзного и республиканского вряд ли появятся в серии новые автобусы, как они не могли появиться много лет. И консорциум по их выпуску, с участием и зарубежных фирм — здравая идея, без реализации которой курганцы проживут, но не выживут в новой обстановке.

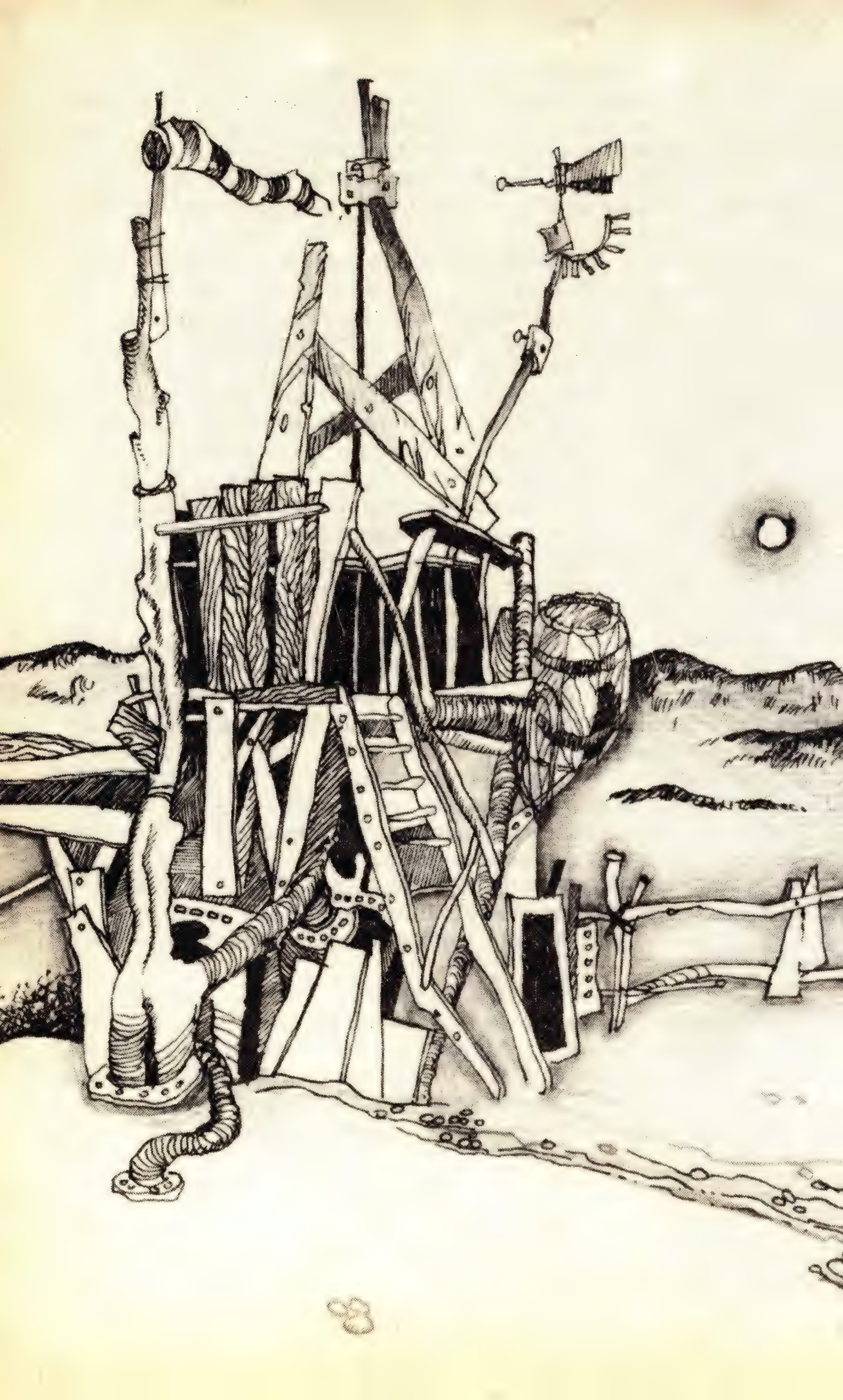
Неприглядны наши дороги, ждущие своего союза предприятий. Трудны для водителей. Лишь осилив две тысячи километров, наш экипаж нашёл первую придорожную общепитовскую точку — корчму в Юрюзани. Даже на перегруженных автомашинами тюменских дорогах увидеть знак «ложка и вилка» труднее, чем инопланетную тарелочку.

Красивый зимник пересекает Томскую область. Летом из-за болот тут нет дороги, и машины пылят вдоль Оби. По зимнику идут машины с номерами всех ближайших и более отдаленных территорий. Встают на ночёвку на окраинах таежных поселков. В Парбиге (где-то посередке Томской области) мы были в воскресенье. Столовая не работает, почта тоже, крохотная гостиница — «мест нет». Полтора-два десятка транзитных машин. Их водители ужинают и ложатся спать в кабинах.

— А чем ты заправился с утра, Сергей? — спросил я водителя, когда спозаранку он привел наш «караван» к бензозаправочной станции, работавшей, невзирая на воскресенье.

— «Пегасом», «Ралли» и «Полетом».

Очень хорошие сигареты, отбивающие всякий аппетит. И легче проехать ещё столько же, чем на вопрос: «Десять машин можете продать?» — ответить, как отвечают во всём мире: «Когда и где изволите их получить?» А на вопрос, где поесть и переночевать, получить членораздельный ответ.

ТЮМЕНЬ МОЖЕТ ДОГНАТЬ КУВЕЙТ

ВСЕГО ЗА ПЯТЬ ШАГОВ

В. А. КРЮКОВ,
кандидат экономических наук,
В. В. ШМАТ,
Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

Хозяйство Тюменской области, конечно, специфично, но одновременно во многом и типично для Сибири своей несбалансированностью. 16 млрд руб. (80% промышленной продукции) за год дает добыча нефти и газа. Это считается «профильным» производством, а «непрофильные» отрасли значительно отстают. Впрочем, и о процветании нефтяников говорить можно условно. Свыше 200 тыс. человек в Тюменской области, большинство из которых — нефтегазодобытчики, живут в балках. Это — фактически сараи, приспособленные для временного проживания. Все они могли бы иметь личные и комфортабельные коттеджи, если бы здесь не сжигалось более 12 млрд куб. м попутного газа, для переработки которого нет заводов.

Право государства — бесправие территории

Даже сжигая этот газ, в тюменском «государстве» могли бы жить намного лучше. Ведь в Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс вложены огромные средства — 160 млрд руб. Куда же они ушли? 98 млрд руб. (или 61,2 %) истрачено на геологоразведочные работы, добычу нефти и газа. Около 68 млрд руб. (или 37,5%) — на сооружение магистральных нефте- и газопроводов. И всего лишь 2,3 млрд руб. (1,4%) вложено в строительство нефтехимических предприятий — Тобольского и Томского НХК.

Сегодняшние затраты на завоз сюда нефтепродуктов, полученных из тюменской нефти за тысячи километров (из Омска, Башкирии, Ачинска и даже Ангарска), ложатся тяжелым бременем на бюджет области.

К середине 80-х годов всякие «нехозяйские» затраты и потери резко увеличились. Начались работы на месторождениях с большим содержанием попутных компонентов (этана, пропана, бутана, пентана, газового конденсата). Любой нефтехимик скажет, что все это — «чистое золото». Но для тюменских руководителей обременительно такое богатство. По «временной схеме» строятся продуктопроводы в Поволжье, где есть перерабатывающие заводы. Тюмень опять отдает по дешевке ценное сырье, не пытаясь самостоятельно жить, стать освоенной, цивилизованной территорией.

Для этого нужно противостоять централизованному планированию и управлению. Оно целесообразно лишь для создания новых крупных производств в неосвоенных районах. А сейчас государство способно финансировать строительство только одного такого объекта для Тюмени и не гарантирует устойчивого экономического развития и решения проблем региона.

Вызывает сомнения исключительное право государства на реализацию нефти, газа и продуктов их переработки. Это право означало и означает полную зависимость территории от централизованных «милостей».

Исключительное право центра, исключившее почти все права тюменского «государства», вызвало неясность и в долгосрочной экономической перспективе прежде всего северных районов. Как дальше развивать хозяйство этих районов и стоит ли вообще его развивать? Что делать с построенными на севере городами, которые выросли во многом стихийно, ориентированные только на добычу нефти и газа? Как решать социальные и экологические проблемы? Как из уродливого, однобокого хозяйства развить что-то цельное, стройное?

Фактически Тюменская область — громадный насос, с помощью которого качается чистый доход в союзный бюджет. И качает этот насос только в одном направлении. На перспективные и текущие нужды тюменского хозяйства падают крошки от союзного пирога. По самым скромным оценкам, внутренние цены на тюменскую нефть в 4—6 раз ниже мировых. То есть сама оценка «достижений» главной отрасли региона носит неэкономический характер, а цена — серьезный экономический рычаг — тоже проявляется под влиянием внеэкономического расчета.

Отобрать кое-какие права от государства для пользы земли тюменской пока не удалось, несмотря на множество речей, произнесенных по этому поводу.

Тюменская бочка в союзной цистерне

Принципиальная схема тюменского «насоса» основана на заниженных ценах на нефть и газ, которые никак не учитывают рентную составляющую; искаженной себестоимости добычи; завышенных ценах на товары, подлежащие реализации в розничной торговле, благодаря повышенным ставкам налога с оборота на нефтепродукты.

Изъятие последнего осуществляется через систему торговли и подлежит перечислению в государственный бюджет по месту реализации. Для Тюменской области это особенно несправедливо: ведь переработка нефти и реализация подавляющего объема нефтепродуктов происходят за ее пределами. В результате дополнительный доход от добычи лучших по качеству нефти и газа окончательно «теряет свое лицо» и поступает в общую копилку.

Отсюда очевидный интерес государства — низкая себестоимость добычи. Ее проще всего добиться за счет так называемого «человеческого фактора», занижая капиталовложения в соцкультбыт, экологию, в средства автоматизации управления технологическими процессами. Государству очень выгоден «человек с кувалдой», механизация его труда слишком «дорога». Низкая себестоимость тонны

«Экономическая рента есть разница между стоимостью товара, такого, как нефть, и издержками производства этого товара. Издержки производства включают издержки труда, основных фондов и материалов, также как и процент на инвестиции — процент прибыли, при котором инвесторы будут вкладывать деньги в проект. Издержки производства также включают налоги, которые платят все отрасли промышленности: налоги на собственность, общие налоги на продажи, а также налоги с оборота. Однако налоги, специфические для нефтяной промышленности, не включаются в издержки производства, а составляют часть экономической ренты» (Distribution of Alaska Petroleum Wealth // Institute of Social and Economic Research (ISER), University of Alaska, ISER Research Summary, December 1984, R.S. No 25).

нефти или газа — низкая её цена. В Тюмени себестоимость добычи нефти и газа не отражает картину, близкую к истинной.

Так, затраты на геологоразведочные работы начисляются в виде потонных ставок. До 1991 г. она составляла 3,3 руб/т, а в настоящее время предлагается увеличить ее до 8,3 руб/т. Это означает, что независимо от того, ведутся или нет на территории добывающего предприятия такие работы, затраты на них тем не менее начисляются. Это позволяет изъять часть чистого дохода (ренты), уже начиная со стадии добычи. Такой порядок целиком согласуется с бесплатными природными ресурсами и централизованным финансированием всех сфер производственной деятельности.

По нашим оценкам, в настоящее время только в ценах конечного потребления (по состоянию на 1988 г.) на нефтепродукты доля косвенных налогов составляет в среднем 42%, в том числе в ценах на автобензин — 80%, а абсолютная величина этих налогов — 17—20 млрд руб.

Заниженные цены на нефть приводят, например, к следующему. Объединение Нижневартовскнефтегаз (разрабатывающее все еще эффективное Самотлорское месторождение) от реализации госзаказа заработало в 1989 г. 1,85 млрд руб. Из этой суммы почти миллиард был изъят в госбюджет; оставшейся суммы не хватило на производственные и социальные программы. Поэтому объединение вынуждено было «просить» у государства недостающие 303 млн руб.

Настоящую роль хозяйства Тюменской области в союзной экономике можно понять лишь после повышения цен на добываемое сырье и ресурсы и после изменения принципов ценообразования. Цены на нефть и газ должны строиться с учетом приносимой ими дифференциальной ренты. Последняя непременно включена в мировые цены на топливо, сырье и энергию. Кроме того, сохранение цен прежнего типа, пусть даже и повышенных в 2—2,3 раза, стимулирует расточительное природопользование (отсутствуют стимулы ресурсосбережения, которое требует не просто бережного отношения, а более дорогих и сложных технологий).

Кошелек с двойным дном

Еще со времен индустриализации повелось, что все финансовые ресурсы аккумулировались в центре, чтобы ре-

шать весьма узкий круг крупных общегосударственных проблем. Чистый доход, созданный на той или иной территории, изымался Москвой, обезличивался и поступал в общий котел нищей страны.

Такая обезличенность доходов ведет к их расточительному, нерациональному использованию. Так, есть все основания полагать, что чистый доход, полученный от тюменской нефти, во многом послужил и экономической основой оказания «братской помощи» скомпрометировавшим себя режимам и долгостроям периода развитого социализма. А сегодня используется для латания текущих экономических прорех, сдерживает экономическое развитие. И не только в нашей стране. Так, для норвежских предприятий характерны чрезмерно высокие издержки, а их жизнеспособность обеспечивается значительными субсидиями государства за счет нефтяных доходов.

Уже и мы осознали, что традиционные решения собственных проблем воспроизводят старые структуры управления, продлевают жизнь существующей системе и мешают рождению новой. Так, ведомства и организации, которые в течение длительного времени не хотели создавать никаких перерабатывающих производств в Западной Сибири, вдруг «прозрели», увидев шанс на выживание и возможность укрепления своего статуса. Появилось на свет постановление Совмина СССР № 1399 от 02.12.89 г. «О мерах по созданию нефтегазохимических комплексов в Тюменской области на базе углеводородного сырья месторождений Западной Сибири с использованием передовых технологических процессов», подготовленное с «опорой на собственные силы».

Нет нужды повторять аргументы и доводы против данного документа, которыми изобиловала пресса в 1989 — 1990 г. В стране к тому времени уже просто не было возможности выделить требуемые средства и ресурсы и дать гарантии для привлечения иностранных партнеров к осуществлению проекта не то что в полном, но даже и в сокращенном обьеме (принятое в ноябре 1989 г. постановление Совмина СССР №1012 о первоочередных мерах по сооружению нефтехимических комплексов также осталось без средств и ресурсов).

Но главное, что при реализации проекта в первоначальном виде нефтедобывающие предприятия лишались возможности диверсифицировать свою деятельность, созда-

вать собственные перерабатывающие производства. Все специализированные строительные организации были бы привлечены к развитию «большой» нефтехимии.

Сегодня эти проблемы Тюмени могут быть решены только на основе доходов, получаемых от нефти и газа, при непосредственном участии территориальных органов власти. Есть опыт нефтедобывающих стран, добившихся крупных успехов в решении аналогичных проблем. И мы предлагаем перейти в Тюмени, и не только здесь, к формированию двух видов бюджетов, различающихся как по доходам, так и по расходам.

Средства первого бюджета — текущего — формируются на основе законодательства по расширению самостоятельности местных Советов. Тут расходы традиционные: здравоохранение, культура, образование, содержание подведомственного хозяйства и (там, где для этого созданы условия) финансирование жилищного строительства.

Второй бюджет — назовем его бюджетом развития — формируется за счет отчислений от ренты, получаемой от добычи нефти и газа. Он должен стать основой устойчивого социально-экономического развития территории, когда основные запасы ископаемого сырья начнут истощаться. В рамках бюджета развития можно создать целевые фонды:

* фонд структурной перестройки хозяйства области для обеспечения диверсификации структуры ее хозяйства в период истощения основной части запасов углеводородного сырья;

* резервный фонд для обеспечения экономического и социального развития территории за пределами XX столетия;

* экологический фонд — для решения экологических проблем, которые не под силу отдельным предприятиям и территориям (например, очистка бассейна Оби от загрязнения).

Эти фонды образуются за счет части доходов от добычи нефти и газа, в том числе и в валюте. Сумма годовых отчислений в них определяется в пределах долгосрочного бюджета развития. Фонды не исключают других источников финансирования. Новые производства и виды занятости населения за счет специализированных региональных фондов могут создаваться только для решения социально-экономических, экологических, культурных и других про-

блем, чтобы создать для проживающих на территории мало-мальски нормальные условия.

В первую очередь следует создавать общерайонную инфраструктуру (дороги, причалы, порты, офисы, средства связи и коммуникаций) — это основа для предпринимательской деятельности во всех сферах экономики. Особое значение в долгосрочной перспективе приобретают производства, использующие возобновляемые природные ресурсы — древесину, сапропель, торф, по ресурсам которых Тюменская область занимает одно из первых мест в стране.

В мире в среднем на одного занятого в отраслях по глубокой переработке углеводородного сырья приходится 5—7 рабочих мест в обслуживающих и сопряженных производствах. При минимальной оценке высвобождения занятых в Тюменской области в нефтегазохимии и сопряженных производствах в ближайшие 10 лет может потребоваться 72 тыс. новых рабочих мест. Для фонда структурной перестройки это дает, по нашим расчетам, около 12—14 млрд руб.

Минимальные затраты на развитие (опережающим темпом) социальной инфраструктуры, по нашим расчетам, — 5—8 млрд руб., производственной — 9—12 млрд руб. Таким образом, минимальная потребная величина фонда структурной перестройки в 1991—2000 гг. может составить 26—34 млрд руб., а среднегодовой размер взносов — 2,6 — 3,4 млрд.

Более сложно, но вполне реально определяются величины и других фондов.

Всего лишь пять шагов

Что же необходимо предпринять для реализации этих предложений?

Первый шаг — это разработка и принятие нового законодательства о недрах, предусматривающего платность всех видов природопользования. II сессия Тюменского областного Совета приняла решение рекомендовать выйти с проектом закона о недрах на комиссии Верховного Совета РСФСР.

Второй шаг — изменение принципов ценообразования на продукцию природоэксплуатирующих отраслей и производств, а именно, отражение в ценах на минерально-

сырьевые ресурсы в полной мере дифференциальной ренты. Необходимо также провести экономическую оценку всего ресурсного потенциала Сибири. Изменение принципов ценообразования предполагает и изменение механизма изъятия ренты, начиная непосредственно со стадии добычи (производства) сырья, и перевод части ренты в специализированные региональные фонды.

Третий шаг — формирование экономических структур и учреждений коммерческого характера для аккумулирования части рентных доходов, остающихся на местах, и направление их на перестройку структуры хозяйства и решение экологических и социальных задач.

Четвертый шаг — изменение экономического механизма работы природоэксплуатирующих отраслей — выполнение геологоразведочных работ на заказ, изменение структуры самих горнодобывающих отраслей (формирование цен с учетом ренты делает ненужным всеохватывающее государственное финансирование и управление), исходя из расширения самостоятельности отдельных производственных единиц.

Пятый шаг — формирование социально-экономической программы развития, учитывающей истощение природного потенциала и создание компенсирующих производств и сфер деятельности — переключение во все большей степени на воспроизводимые природные ресурсы — например, лес и торф.

ПЛЮС-МИНУС 500 КМ

А. ГЕРШЕВИЧ,
кор. ЭКО

Когда резвая тройка новейших курганских автобусов достигла Сургута, хлопотливый командир пробега Г. Марасов усомнился: стоит ли брать еще одного журналиста. Вдруг придется ночевать в поле, а лишних спальных мест в автобусах нет.

Лично мне эти сомнения показались неуместными: подумаешь, негде ноги вытянуть! Одну ночь в крайнем случае скоротаю. Да и ехать-то предстоит не через пустыню, маршрут намечен вдоль великой, давно обжитой реки. В конце концов наш небольшой, но настырный журналистский корпус убедил командора. И вот столица тюменского Севера осталась позади.

После ночлега в Нижневартовске Марасов полагал к вечеру домчаться до Колпашево, где заблаговременно заказал гостиницу. Но, как говорят, гладко было на бумаге, точнее, на карте. Мы пересекли Обь у Стрежевого — и кончилась линия, обозначенная в Атласе автодорог. Все труднее становилось ориентироваться в бесконечных одноколейных зимниках, на которых встречным машинам не разъехаться, и лесовозных трассах, пробивающихся сквозь тайгу и бескрайние васюганские болота. Пришлось расстаться с надеждами на ночлег. Ночевали там, где заставала ночь, спали в салонах машин. Где ног не вытянешь.

А что роптать? Автопробег — это испытание не только машин, но и людей, пусть даже таких проверенных, как водитель головного нашего автобуса Сергей Костянец, за спиной которого уже сотни тысяч верст и почти столько же морских миль кругосветных походов на атомной подлодке. Однако и ему, наверное, не снилось, что придется именно здесь, на обжитой Западно-Сибирской низменности участвовать в невеликом, но все же географическом открытии, как бы ненароком пересекая не то что область или регион, а целую природно-экономическую зону под названием Ближний Север.

Мы попали в какой-то затерянный мир, и если бы то и дело не выспрашивали дорогу у случайных попутчиков, вряд ли выбрались бы из него за трое суток.

— Вам на Томск? Правильно, можно и здесь. А получше дорога — через Кыштовку и Новосибирск. Километров на

500 дальше, но получше...

Плюс-минус пятьсот, а то и вся тысяча верст до «житухи». Даже приличной карты этой части маршрута сыскать не удалось. Трое суток мы не могли позвонить в Курган или Новосибирск, где «потеряли» дюжину людей на трех новейших машинах. Техника не подвела. Но на маршруте пробега нам никто не приготовил не только мягких постелей в гостиницах. Очень не хватало на дорогах простейших указателей, снегозащиты, песочку на подъемах и спусках, не говоря о круглосуточных столовых или хотя бы зимовьях, которые держат на любых северах, кроме Ближнего.

Но дело не только в отсутствии сервиса для проезжающих. Не видели мы признаков достойной человека жизни и у постоянных обитателей этих мест. Говорят, последние остяки давно покинули Привасюганье в поисках скудного своего пропитания, ради промысла рыбы и дичи. Здешние же водоемы загублены лесосплавом и загрязнены нефтью, зверь и птица распуганы.

В деревне Осипово вспоминают как легенду обозы с клюквой, битой дичью, которые снаряжал в Томск во времена оные купец Осипов. К нам же местные «купцы» подходили лишь с одним вопросом: мужики, водки не продадите?

Ближний Север. Этакое мертвое в экономическом смысле, не обустроенное до сих пор, плохо обжитое пространство. Оно затерялось между освоенной еще в прошлом веке хлебородной и затем промышленной полосой Транссиба и бурно, но нездорово растущим нефтяным и газовым Севером.

Долго сюда не заглядывало ни одно ведомство, кроме лесного, и лесоповал силами раскулаченных и сосланных был единственной отраслью экономики. Сегодня продираются сквозь леса и болота геологоразведчики, буровики. Ставят кусты скважин, обогревают тайгу факелами попутного газа, монтируют жилье и боксы для техники.

Но опять же они не хозяева — они пользователи, добытчики, в конечном счете временщики. Тайга еще может нарасти, нефтяные запасы имеют дно. Но вывозить только круглый лес и качать лишь сырую нефть одинаково невыгодно и аморально. Это недостойно даже порядочных колонистов и самоубийственно для сибиряков, для родной земли нашей.

...В Сургуте, Нижневартовске, Стрежевом решаются сегодня отнюдь не региональные проблемы. Отсюда тянется единственная валютная пуповина, что соединяет лихорадящий организм нашего хозяйства с мировой экономикой. Сейчас нефтяникам трудно, как и всем в стране. И труднее, чем всем, потому, что на промыслах Севера остановка немыслима: оста-

новленные на одну смену, они замрут навсегда.

А самые неотложные производственные нужды обеспечиваются ресурсами — материалами, оборудованием — уже сегодня лишь наполовину. Отрасль входит в предынфарктное состояние. Это диагноз опытных специалистов, руководителей экономической службы «Сургутнефтегаза». Беседуя со мной о судьбах и текущих делах отрасли, размышляя о возможностях вывода ее из нынешнего состояния, они убеждали, что сделать это по плечу лишь действительному хозяину земли и ее недр.

«Ведь сейчас, как и всегда, каждая добытая тонна нефти принадлежит не нам — она автоматически считается проданной Управлению магистральных трубопроводов, т. е. Государству, — пояснял Владислав Георгиевич Баранов, зам. генерального директора по экономике. — Вроде бы, получив за эту тонну по фиксированным ценам 60 руб. (при себестоимости — 37) после уплаты ренты, 45-процентного налога, взноса на содержание дороги и т. д., мы остаемся с четырьмя рублями на все. Тут и развитие производства, и расходы на инфраструктуру. Так что, если хотите видеть нищих нефтяных королей, то вы к ним и приехали. Продажа сырой нефти способна лишь заткнуть кое-какие дыры в экономике, но в конечном счете она нас разоряет. Альтернатива одна — углубленная переработка сырья, самостоятельная коммерческая деятельность. Будь я настоящим предпринимателем, взялся бы и достроить, и эксплуатировать нефтехимический комплекс, который фактически заморожен Миннефтехимпромом в Сургуте, завел бы бензозаправки не хуже чем у какой-нибудь «Esso», где человек мог бы приобрести все необходимое в пути. А на вырученные деньги — мною заработанные, а не «выделенные из централизованных источников», я бы обустроил не только районы промысла — всю Сибирь. И на экологию отстегнул бы, сколько надо.

А пока что те, кто держит руку на наших скважинах, не дают использовать даже Закон о предприятиях, угрожают Указом о борьбе с экономическим саботажем: шаг в сторону, мол, считается побегом. Договорились было мы с уфимскими химиками о переработке и продаже за валюту готовых продуктов. Но правительство отказывает в лицензиях на экспорт».

Я снова вспомнил этот разговор, когда попутчик из поселка Осипово поведал о задушенном клюквенном промысле и разоренном деле купца Осипова. Неужто и нынешних предприимчивых сибиряков ждет его судьба? Тогда прозябать и Ближнему и Дальнему, и Крайнему Северу — не выбраться «из тьмя лесов, из топи болот».

БЕСКОНЕЧНАЯ ЛЕНТА ДОРОГИ

Михаил ХЕНКИН,
кор. ЭКО

К тушенке Командир широким жестом добавил две луковицы, вилку с кривыми зубьями и горбушку хлеба.

— Рубайте, мужики, — сказал он великодушно, — это вам на двоих.

Надвигалась ночь. Автобусы остановились в степи у заправочной станции. Ветер, разгулявшийся на бескрайних просторах, гнал под колеса белые волны.

В паре со мной ужинает Саша, наш провожатый. Хрупкий общепитовский металл не выдерживает и гнется, столкнувшись с заледеневшим содержимым банки. Добывание пищи происходит при помощи пальцев. Саша, молитвенно прижав к груди руки, пытается пропустить свою очередь, уверяя, что мама обязательно его накормит. Мы и в самом деле едем в город, где живут Сашины родители, но до места еще далеко — сквозь снежное марево видно, как шофера кипятят на паяльной лампе чай.

Дорога завораживает. Можно, забыв обо всем, смотреть на сугробы, мелькающие в неровном свете фар, на рвущуюся под колеса трассу и слушать рассказы, которым тоже нет конца. Неизменное действующее лицо здесь — машина. Мотоцикл, легковая, автобус — неважно. Главное, есть мотор и колеса, на которых сам Бог велел мчаться по безводной равнине навстречу забытым временем кишлакам.

Стихией былых приключений увлечены Сергей Иванович, заместитель главного инженера Курганского автозавода, и Сергей Евгеньевич, доцент кафедры автомобилей Курганского машиностроительного института.

— Как я завидую, — признается Саша, — тем, кто занят конкретным делом. Есть что вспомнить. А у нас только стол и бумаги. Работаешь в будни и праздники, пишешь, пишешь. А оглянешься назад — пусто.

Но автопробег — это не только разговоры, это еще и работа, напряженная, утомительная и не всегда удачная. В Кемеровском облисполкоме высокопоставленный чиновник слушал Сергея Ивановича, насупив кустистые брови, по-старчески переспрашивая. Он долго морщился, забыв, что выпускает завод Минтяжмаша в Новокузнецке, стал звонить секретарше. Секретарша тоже не сразу дала правильный ответ, от чего настроение управленца вконец испортилось. После торопливого прощального рукопожатия зам. главного инженера сам не заметил, как очутился за дверью.

Неласково помянув пенсионеров в высоких креслах, он спустился по

мраморной лестнице и вышел на площадь, туда, где его ждала команда. Так началась особая миссия по размещению заказов и поиску партнеров, готовых вместе с Курганским автозаводом делать автобусы нового поколения.

Весь следующий день шли почти без остановок до Новокузнецка. Ведущий конструктор Федор Васильевич (близкие люди называли его Дядей Федором) пожалел мой продрогший организм и пригласил в свой автобус погреться. Возможно, в какой-то мере им руководило тщеславное желание лишний раз показать, что самый теплый автобус — у них, это он продемонстрировал, сняв ботинки. Я с наслаждением присоединился. Машина весело бежала, повинуясь каждому движению Игоря. Запасной водитель и одновременно механик Миша сидел рядом в позе брамы, надевшего красные носки, а Дядя Федор неспешно рассказывал, как они шли на Севере по зимнику и шофера на «КАМАЗах» и «КРАЗах» не могли поверить, что наши тоже проехали замерзшими болотами... Внезапно Игорь нажал на тормоза. В двери вломились испуганные Командир и Комиссар. — Вот он! — воскликнули они одновременно. Округлившиеся комиссарские глаза, увеличенные стеклами очков, были в тот момент красноречивее всяких слов.

— Так нельзя, дорогой товарищ, — он погрозил в мою сторону пальцем, — не предупредили, переселили. Вас потеряли.

— Не ругайтесь, это я его зазвал, — заступился Федор Васильевич и добавил не без гордости: — Пусть знает, где самый настоящий комфорт.

Комиссаром в группе окрестили конструктора Станислава Васильевича за характерную жестикуляцию, которая чем-то напоминала героя известных французских комедий. Но это первое впечатление. В жизни Станислав Васильевич дисциплинирован, педантичен и даже строг. По возрасту он старше всех участников пробега. Вспоминает, как во время войны — ему тогда было 16 лет — эвакуировали Челябинский тракторный завод. Был на фронте, работал, учился. В общем, прошел и испытал все, что выпало людям его поколения. И как многих сверстников, его отличала особая надежность и исполнительность.

Неважно, кто собирался перед автобусами: случайные прохожие или дети — самозабвенно растолковывает он тем и другим преимущества новых машин. Он увлечен, а из кабины Валерка, не поднимаясь с шоферского кресла, забавно повторяет каждое движение Комиссара. Вместе они — экипаж замыкающего автобуса. Команда ласково нарекла Валеру Малышом.

Волею обстоятельств в Новокузнецке мы остались без гостиницы. Решили искать пассажирское автотранспортное предприятие: «Свои люди, помогут». Действительно, автобусники встретили нас приветливо. Разрешили загнать машины в теплый бокс, но прежде «дали яму». Федор Васильевич и Сергей Евгеньевич (он для всех просто Сережа) быстренько переодеваются, берутся

за щетки и шланги. На автобусы обрушиваются потоки воды. Шофера и инженеры шоркают, скоблят, драят бока и нос, намыливают автобусу зад. Техника должна быть чистой. Тугая струя ударяет в стекло. Изнутри кажется, что за окном плавают огромные пучеглазые рыбы.

— Я вам не мешаю?

— Ты помешаешь, если полезешь за нами вниз под машину.

Острыми лучиками команда прощупывает автобусный живот, что-то подтягивает, подкручивает. Полночь. Мы в дальнем углу гаража. В головном автобусе готовятся ко сну.

— Ты что, собираешься спать в кресле? С ума сошел! Валерка, положишь его в своей машине.

Валера сдвигает сиденья, бросает в голову овчину.

— Это тебе подушка.

Мой сосед спит не разуваясь, укрывшись с головой полушубком. Плюнув на интеллигентские предрассудки, следую его примеру. В шесть нас будит настойчивый стук.

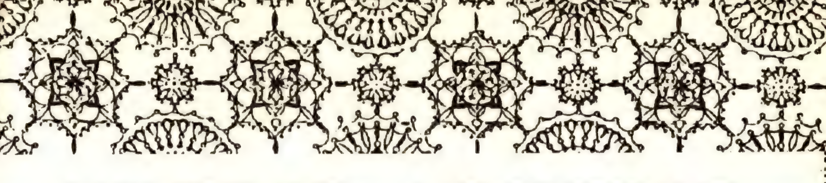
— Земляки, пустите посмотреть.

Пришла утренняя смена. Интерес к новым автобусам огромный. Кто только не побывал у нас за дни пробега — коммерсанты, машиностроители, шахтеры, экономисты, администраторы. И все, будто сговорившись, повторяют: наконец-то и у нас научились делать, как в Японии. Особенно довольны шофера.

Однажды метеором с сумкой через плечо к нам ворвался тренер по классической борьбе из детской спортивной школы. Борец был готов хоть сейчас купить наш автобус, а в случае удачной сделки пообещал избавить всех от лишнего веса и достать дерево, бензин, алюминий и еще какой-то потрясный дефицит. Но чем с большей щедростью раздавал он посулы, тем скучнее становилось лицо Сергея Ивановича.

Настоящие партнеры так себя не вели. Например, подступы к главному инженеру бийского завода охраняли сразу две женщины: в кителе на первом этаже и секретарша в приемной. За массивной дверью участников пробега встретил тот, на кого они возлагали немалые надежды. После крепкого рукопожатия последовал комплимент: курганцы прокладывают своими автобусами путь из периода застоя в светлое будущее. Насколько оно окажется светлым, руководитель завода не знал. В результате конверсии предприятие потеряло 20 млн руб. прибыли, стоят цехи с уникальным оборудованием. Слава Богу, на предприятиях их ведомства еще сохранилась дисциплина. Не бастуют, не митингуют.

Утром столбик термометра упал до минус 33 . Мы покидали город. Впереди на головном автобусе водитель-испытатель Сережа. Молодой, в тельняшечке, а волосы уже с сединой. Узкая ли улица, широкий ли проспект, бетонка, шоссе, проселок — всюду он как будто сто лет уже здесь рулит. За ним едет Игорь, за Игорем — Валерка. Машины выстраиваются в цепочку, дают прощальный гудок. И вновь под колесами бесконечная лента дороги.

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИЯТИЙ

В. И. ГЕРЧИКОВ,
кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

Разрушение административной системы приобретает «законный» характер с принятием законов о собственности, аренде, налогообложении и др. Существенно ослабли рычаги власти министерств, предприятия теперь сопротивляются не только их приказам, но и довольно «мягким» указаниям, нередко выполняя лишь те, которые администрация и трудовые коллективы сочтут разумными.

Началась и ликвидация министерств как основных структур управления хозяйственной деятельностью предприятий. Особенно перспективны в этом смысле решения республик о суверенитете. Если для республик Прибалтики суверенитет означает прежде всего возможность отделения от Союза и превращение в самостоятельные государства, то для РСФСР он важен главным образом своей экономической составляющей. Благодаря активной политике России по увеличению самостоятельности предприятий и более реалистичной налоговой системе предприятия стремятся сменить союзный статус на республиканский. Одновременно ликвидируются республиканские министерства или сокращается их аппарат.

Экономика превращается из одно- (де юре) в многосубъектную, расширяется свобода всех видов предприятий, организаций, а также работников в выборе мест приложения своего труда. Меняются место и роль человека в экономике, механизмы его мотивации и стимулирования к эффективному труду.

ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ

Их условно можно разделить на три группы в зависимости от места, которое они займут на шкале «коллективный собственник — совокупный наемный работник».

В первой окажутся **частные и государственные предприятия** (союзные, республиканские, коммунальные и т.п.), расположившиеся на одном конце этой шкалы. И в тех, и в других собственники и работники разделены, причем последние выступают в качестве наемной рабочей силы.

Для таких предприятий характерно **противостояние между трудовым коллективом и руководителями как представителями собственника.** Так, опрос членов Всесоюзного клуба директоров промышленных предприятий показал: 67% ответивших считают, что «отчуждение между руководителями и подчиненными примерно такое, каким и должно быть», 26% — «больше, чем следует», 7% — «даже меньше, чем следует».

А другой опрос — руководителей, рабочих и специалистов трех новосибирских и двух актюбинских предприятий — выявил менее оптимистичную картину: то, что «отчуждение больше, чем допустимо для нормальной работы», отметили 30% мастеров и начальников отделов, бюро, цехов, участков; «намного больше» — 29% мастеров и 14% начальников перечисленных подразделений. Причем чем больше ступеней в иерархии управления разделяет руководителя и коллектив или разных руководителей, тем сильнее отчуждение между ними.

Значительны расхождения мнений директоров и работников о возможных результатах перевыборов руководителей. По результатам опроса членов Всесоюзного клуба директоров, были бы вновь избраны от 72 до 77% руководителей. Рабочие и специалисты настроены несколько иначе: проголосовали бы за начальника бюро или мастера 62% специалистов и 55% рабочих (против — 12 и 25%), за начальника отдела или цеха — 42 и 32% (против — 23 и 35%), за директора предприятия — 35 и 19% (против — 30 и 50%).

На противоположном конце шкалы оказалась бы вторая группа — **коллективная и кооперативная формы собственности,** при которых многие являются одновременно и работниками, и собственниками. А значит, должны непосредственно участвовать в управлении собственностью, производством, финансами, социальной сферой.

Анализ нескольких десятков производственных кооперативов, проведенный В. В. Бронштейном (Иркутск), показал: более 90% из них беспаевые, то есть функционируют на основе не кооперативной, а частной собственности. Небольшая группа предпринимателей вкладывает свои средства или берет кредит в банке, нанимает временных и постоянных работников, формально записывая их членами кооператива. Руководят такими кооперативами, как правило, люди жесткие, устанавливающие автократичную систему управления. Работников это устраивает, поскольку их зарплата намного выше, чем на государственных предприятиях, причем не пропорционально затратам труда. Возможности самоуправления в них минимальны. Пока нет оснований надеяться на изменение положения в ближайщем будущем.

Для этой группы предприятий характерна **опасность «самоэксплуатации», «самоугнетения».** Довольно типичная ситуация: надо пару суббот или воскресений поработать для выполнения напряженной программы. Если бы речь шла об отдельном работнике, то он сам вправе решать, соглашаться ему или нет. А на коллективном предприятии решения принимаются большинством и обязательны для всех. При выборе сменности и режима труда, распределении работ, отпусков и др. неизбежны разные мнения. Когда в принятом решении отразится мнение большинства, меньшинство будет ущемлено. Через некоторое время многие работники окажутся в чем-то пострадавшими. Выделятся и особо ущемленные меньшинства (молодежь, женщины, нездоровые люди, лица предпенсионного возраста, отдельные профессиональные группы). Эти могут стать источником постоянной напряженности, снижающей эффективность основной деятельности, перерастающей в конфликты и грозящей развалом коллектива.

Промежуточное положение на шкале займет третья группа — **акционерная, арендная собственность и государственные предприятия, переданные в полное хозяйственное ведение трудового коллектива** (который является собственником производимого продукта, но не вносит арендной платы).

Для данной группы характерно **противоречие между членами коллектива, в разной степени причастными к собственности,** а следовательно, и к управлению предприятием. Это противоречие намного острее, чем между собст-

венниками и наемными работниками. На государственном или частном предприятии собственник и наемные работники принципиально разделены должностными позициями: одни управляют, другие исполняют и отстаивают свои права. На акционерном предприятии на соседних рабочих местах будут трудиться люди как владеющие акциями и причастные к управлению, так и не владеющие, считающие себя эксплуатируемыми своими же коллегами.

У акционеров доходы будут складываться из заработка и дивидендов, у остальных — только из заработков. Однако источник доходов у всех один — прибыль за вычетом затрат и налогов. Значит, доля доходов, распределяемых по труду, уменьшится на величину дивидендов, начисляемых по акциям или паю. Но распределение по труду большинство людей считает справедливым, а по паю (по капиталу) — несправедливым.

Еще более серьезные проблемы возникают из-за того, что на практике идет профанация арендной и акционерной форм собственности. Так, на одном из предприятий выяснилось, что даже председатель цехового СТК не в курсе, что цех уже три месяца работает в условиях аренды. Резонно спросить: кто же перешел на аренду — коллектив цеха или только его начальник?

Или такой пример. Кто реальный арендатор швейной фабрики, где занято полторы тысячи работников? Конечно, несколько руководителей, а не трудовой коллектив. Формально считаясь арендаторами, а фактически находясь в положении наемной рабочей силы, работники лишены обычных средств борьбы с собственником, поскольку формально это будет борьба с самим собой. Не принимая участие в управлении, они несут вместе с руководителями всю полноту экономической ответственности за результаты хозяйственной деятельности: доходы и тех и других будут увеличиваться или уменьшаться пропорционально динамике прибыли. Руководители же, пользуясь всеми правами реального арендатора, отвечают за свои действия несоразмерно этим правам. Логично было бы вменить им в обязанность материально отвечать за свои действия соразмерно риску.

На практике многие проблемы будут накладываться друг на друга, ибо наемные работники останутся при любых формах собственности. Ведь даже при коллективной реально управлять (выступать в роли собственников) будут далеко не многие.

ИЗМЕНЕНИЕ СООТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ

Изменение ситуации в системе властных отношений внутри предприятий выдвигает на первый план **разделение функций и налаживание эффективного взаимодействия между всеми органами управления** (администрацией, советами, профсоюзами, парткомами).

Парткомы в условиях многопартийной системы должны утратить свою роль в управлении производством или вообще прекратить свое существование на предприятиях.

С появлением СТК количество руководящих органов и начальников увеличилось, но эти советы так и не стали субъектами новой, самоуправленческой структуры предприятия. С 1991 г. союзный Закон о предприятии отменил советы трудовых коллективов, введя вместо них советы предприятий, которые будут отличаться от СТК по составу, функциям и положению в структуре управления. Но проблема не снимается, поскольку при большинстве форм собственности совет должен управлять собственностью, а администрация — производством. Между ними должны установиться деловые, а не «военные» отношения.

Неясными остаются и взаимоотношения советов и профсоюзных комитетов. Понятно, что они должны строиться по-разному при различных формах собственности. Так, при частной собственности советам нет места, зато наемным работникам явно нужен профсоюзный комитет; на государственном предприятии может существовать и совет (скорее как совещательный орган), и профком (с функциями распределения благ и защиты работников от государства); при коллективной собственности совет предприятия становится главным органом самоуправления коллективного собственника, а существование профкома весьма проблематично.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Неравномерность развития отдельных регионов, отраслей и предприятий настолько существенна, что одновременно в советской промышленности сосуществуют все стадии технического прогресса (ручной труд, мануфактура, первичная и вторичная механизация, первичная и вторичная автоматизация, компьютеризация). Но преобладают стадии вторичной механизации и первичной автоматизации. Для них характерны улучшение условий труда, по-

ляризация его содержания, размывание квалификации (более быстрый рост доли работников низкой квалификации по сравнению с высокой). Соотношение численности рабочих и специалистов сколь-нибудь заметно не меняется. Мы далеки от ситуации, когда в основных отраслях промышленности численность конторских работников сравняется или превысит численность производственных рабочих, как произошло в развитых странах.

Пока от работника требуются не столько творчество, сколько исполнительские качества, он все больше привязывается к жесткому технологическому ритму, т.е. снижается его технологическая свобода.

Значительные технологические изменения на предприятии в совокупности со сменой форм собственности, переходом к рыночным отношениям порождают свои серьезные проблемы.

Одна из них — **избыток квалификации.** Так, высокая квалификация станочника-универсала не нужна на автоматизированном оборудовании с числовым программным управлением, а для работы наладчиком он недостаточно подготовлен в области электроники. Оператором пойти ему не позволит профессиональная гордость, на наладчика или ремонтника многим уже не переучиться (из-за возраста, недостатка базового образования и т.п.). Не менее болезненны эти вопросы для специалистов, особенно работников экономических и кадровых служб, у которых квалификация также основывалась на опыте, а содержание работы в новых экономических условиях меняется принципиально.

Вторая — **сокращение численности работников** вследствие экономических и технических изменений, уменьшения размеров предприятий и технического прогресса.

Как быть в такой ситуации? Опыт индустриально развитых стран показывает, что увольнение — скорее исключение, чем правило. Ведь определенные социальные гарантии не противоречат эффективности производства, зачастую они — необходимое ее условие. Кому-то надо дать доработать до пенсии, другим — найти место на предприятии, соответствующее их возможностям. Да и для увольнения вчерашних лучших работников (а вовсе не нарушителей трудовой дисциплины или халтурщиков) у нас просто нет механизма. К тому же наша мораль этого не поддерживает. Значит, подобные действия со стороны адми-

нистрации будут восприняты как несправедливые и увеличат отчуждение между ней и коллективом.

Особенно остры эти проблемы при арендной, акционерной и коллективной формах собственности, когда многие работающие причастны к управлению. С какими чувствами они, скажем, станут голосовать за решение, которое повлечет за собой сокращение товарищей по работе? Неясно, как они себя при этом поведут. Но не приходится сомневаться в том, что эту ситуацию они быстро распознают.

От людей, чьи интересы ущемляются в результате технологических и экономических изменений, естественно ожидать сопротивления или, как минимум, индифферентного к ним отношения.

ВНИМАНИЕ — ЛЮМПЕН

В моем понимании люмпен — человек, который не имеет капитала и почти никакой собственности, а его рабочая сила очень дешевая из-за низкой квалификации или нежелания работать. Это не позволяет люмпену обеспечить себе достойный уровень жизни.

По моим оценкам (эксперты дают примерно такие же), на люмпенский слой приходится 50—60% работников промышленности.

Начало люмпенизации положила Октябрьская революция, разрушившая социальную и профессиональную структуры. Многие самодеятельные слои населения попали в положение, когда их профессионализм не ценился, не оплачивался, не поддерживался престижем, не являлся критерием статуса работника и человека. Завершилась люмпенизация в начале 30-х годов ликвидацией последнего массового самодеятельного класса — крестьянства.

Впоследствии образовывались новые нелюмпенские слои (творческая и техническая интеллигенция, квалифицированные рабочие, руководители), шла профессионально-квалификационная кристаллизация общества. Но в обществе, где критерии ценности человека и его труда извращены (врач и учитель — чуть ли не самые низкооплачиваемые категории, инженер ценится меньше разнорабочего), профессиональные статусы неустойчивы. Люмпен в этом кровно заинтересован, ведь его главная задача — поставить профессионала, собственника капитала либо

своей рабочей силы в неудобное, ущербное, подчиненное положение.

Столь значительная доля люмпенов порождается и воспроизводится, во-первых, до сих пор не восстановленными в полной мере социальной и профессиональной структурами общества, во-вторых, крайне низким (по сравнению с развитыми странами) уровнем оплаты труда, когда даже для человека средних способностей, средней квалификации и не явного халтурщика велика вероятность оказаться в числе люмпенов, в-третьих, последствиями преобладающих в нашей промышленности стадий технического прогресса, ростом числа малоквалифицированных работников.

Поскольку люмпен не может прокормиться своим трудом, у него остается несколько путей жить ненамного хуже, чем другие. Первый — «грабить» тех, кто хоть что-то имеет (задавить кооперативы; ввести талонную систему, чтобы даже те, кто много зарабатывает, не могли получить товаров больше, чем другие; переделить имущество привилегированных слоев). И идеологические подпорки давно подставлены — вспомним лозунг «грабь награбленное». Сегодня этот путь порождает многие национальные и иные конфликты.

Второй путь — требовать, выбивать, выпрашивать. Что и делают на заседаниях советов разного уровня представители территорий и профессиональных групп. И теперь не только у своих, но и у мира. Плюс надежды на сдачу в концессию или продажу наших ресурсов.

Третий — пробиться к власти, ввести своих представителей в правительство, местный Совет, органы управления предприятия, где они на законной основе будут проводить политику в интересах люмпена (принимать соответствующие законы, перераспределять имеющиеся скудные средства, грабить производителя и т. д.).

Люмпен настроен исключительно на потребление, поэтому ни на какие тяготы, связанные с владением собственностью, он добровольно не пойдет. А имущество, которое так или иначе окажется в его руках в результате разгосударствления, растратит.

В рыночной экономике, где положение человека определяется его личными достижениями и трудовым вкладом, социально пассивные граждане окажутся страдающим слоем. Им будет намного хуже, чем деятельным груп-

пам. Поэтому они станут всячески сопротивляться переходу к рынку, используя различные формы законного торможения через своих представителей в органах управления, скрытый саботаж и открытые выступления.

Общество переходного периода нуждается в защите от люмпена. Причем для одних люмпенских групп достаточно общего повышения зарплаты и иных доходов, других необходимо стимулировать к активности (одна из возможностей — преобразование госпредприятий в арендные или коллективные). Для тех же, кто по тем или иным причинам уже неспособен к активной деятельности, придется пойти на создание специализированных фондов поддержки, скажем, за счет средств местных бюджетов или предприятий.

* *

«СЕКРЕТ» ЯПОНСКИХ МЕНЕДЖЕРОВ

«Секрет» энергичного поведения японских менеджеров, которое они демонстрируют во время многочасовых утомительных совещаний либо переговоров, разгадан канадскими журналистами.

Оказывается, что все дело в специальных дыхательных упражнениях, навыками которых японские бизнесмены владеют безупречно. Эти упражнения нужно делать при первых же признаках усталости. Делается это так искусно, что деловые партнеры ничего не замечают и не отвлекаются от беседы.

Итак, в течение 6 секунд глубоко и равномерно вдыхаете воздух, после этого 6 секунд задерживаете его и затем, опять же в течение 6 секунд, выдыхаете. Выдох медленный и равномерный. Это упражнение следует повторять, пока не исчезнет усталость.

В. РОЩАХОВСКИЙ

КТО ПРОКОРМИТ?

Л. В. БАБАЕВА,
кандидат философских наук,
Москва

Опрос сельского населения, проведенный Институтом социологии АН СССР летом 1990 г., выявлял место и роль различных социальных групп в распространении новых форм хозяйствования на селе, их мотивацию при переходе к ним. Опрошено 1154 человека в РСФСР, на Украине, Белоруссии и Казахстане. Из них 71,6% работают в совхозах и колхозах, 23,2% — вне их, остальные не указали место работы.

ХОТЯТ ЛИ КРЕСТЬЯНЕ ВЗЯТЬ ЗЕМЛЮ?

Некоторые народные депутаты СССР, председатели колхозов дают отрицательный ответ на этот вопрос. Поэтому мы прямо спросили селян, работающих в колхозах и совхозах, не собираются ли они выйти из них, чтобы работать самостоятельно? Такие намерения имеют около 15%, из них 3,3% решили твердо, остальные размышляют. Около 40% опрошенных хотят работать на семейном подряде, аренде или какой-либо другой форме хозяйствования, не выходя из колхоза (совхоза). 39,6% опрошенных ни в коем случае не будут выходить, поскольку их вполне устраивает такая работа.

В РСФСР больше желающих выйти из колхоза и взять семейный подряд или работать на аренде в колхозе. В Белоруссии же большинство (51,9%) не собираются выходить из колхоза. Однако своим детям советуют остаться работать в колхозах (совхозах) только 9,9% опрошенных, а стать фермерами — 14,4%; 22,2% опрошенных рекомендуют своим детям вообще уехать из села и работать в городе. Более всего стремятся выйти из колхозов (совхозов) люди в возрасте от 26 до 40 лет (около 10%) и менее всего — лица старше 50 лет (1,3%).

Те селяне, которые, несмотря на тяжелые условия колхозного труда, еще сохранили трудоспособность, накопили житейский опыт и, видимо, денежные средства, с большей уверенностью говорят о новых формах хозяйствования. Более пожилое население опасается потерять гарантированную зарплату. Нет желания по-новому трудиться и у молодежи от 20 до 25 лет. Только 20% из них

хотят выйти из колхоза. Возможно, оттого, что не создана семья, на которую можно опереться в личном хозяйстве, — ведь родители уже нетрудоспособны.

И действительно, желающих взять в аренду землю или обзавестись фермой больше среди семейных. Но семьи у них небольшие и в основном без пожилых родителей (8,2%). Всего 3,7% тех, кто твердо решил выйти из колхоза (совхоза), работают в богатых благополучных хозяйствах (хотя работники таких хозяйств составили примерно половину выборки). 80% твердо решивших выйти на момент опроса работали в слабых и убыточных хозяйствах. Так что при нормальном развитии фермерства крестьяне будут уходить и из зажиточных хозяйств, тем более что и в самых богатых и в самых бедных колхозах одинакова доля людей, считающих, что основной формой хозяйствования на селе должно быть фермерская.

Пока же мнения селян распределились следующим образом: 26,6% опрошенных считают, что колхозы и совхозы должны оставаться главной формой хозяйствования на селе, а все новые формы необходимо развивать как второстепенные. 17,9% говорят о необходимости сохранять только прибыльные колхозы (совхозы), убыточные же должны быть ликвидированы, а земли переданы самостоятельным хозяевам или кооперативам. 11,8% полагают, что основой должны быть фермерские хозяйства.

Таким образом, доля тех, кто однозначно высказывается в поддержку колхозов и тех, кто категорически против сохранения убыточных хозяйств, примерно одинакова. 36,7% считают, что все формы хозяйствования (колхозы, совхозы, кооперативы, фермы и т. п.) должны иметь возможность развиваться равноправно, и сама жизнь определит их недостатки и преимущества. Для сравнения: среди опрошенных народных депутатов СССР аграрной группы примерно половина придерживается мнения, что новые формы должны развиваться только в рамках колхозов и совхозов и только 12% полагают, что их развитие будет полезно вне общественных хозяйств.

За колхозы и совхозы больше выступают крестьяне Белоруссии, за фермерство — РСФСР и Казахстана. О равноправном развитии всех форм хозяйствования больше всего говорят в России.

СПОСОБСТВУЕТ ЛИ ПРАВО РАЗВИТИЮ НОВЫХ ФОРМ?

В стабильности нового союзного Закона о земле уверены 17%, 47% считают вполне вероятной его отмену. Такое же соотношение наблюдалось и среди тех, кто принимал этот закон, — депутатов-аграрников. Это совпадение заставляет предположить, что на планах крестьян зачастую сказывается неуверенность в нынешней политике, боязнь нового «раскулачивания».

Анализ зависимости между желанием крестьян выйти из колхоза и

оценкой Закона о земле показывает, что из положительно оценивающих Закон (их 51%) только 3,4% решили выйти из общественного хозяйства. Среди положительно ответивших 34,6% ни в коем случае не хотят уходить из колхоза, 18,4% хотят работать на внутрихозяйственном подряде или аренде, а 53% считающих, что закон правильный, твердо решили остаться в общественном хозяйстве.

Таким образом, положительное восприятие Закона о земле мало влияет на решение крестьян о выходе. Значит, необходим механизм поддержки фермерских хозяйств. Между тем в законодательстве СССР не просматривается четкой программы поддержки сельского предпринимательства. Это скорее можно наблюдать в законодательстве России. Но надо понимать, что и хороший закон в руках сельского аппарата с доперестроечным мышлением окажется неработающим.

Мировая практика показывает, что программы поддержки, как правило, рождаются в общественных объединениях, ассоциациях, союзах и комитетах, комиссиях, то есть органах самоуправления, воздействующих на государственное законодательство. Важно, чтобы в эти структуры не попали аппаратчики, иначе получатся те же агропромы, центросоюзы, облпотребсоюзы и т. п.

О ФОРМАХ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Частная собственность на землю имеет среди сельского населения больше сторонников, чем среди депутатов, но ненамного: 23% против 19%. Зато резко различаются мнения о государственной собственности на землю: в явном виде в ее пользу высказались только 7% сельских жителей и 17% депутатов. Неожиданно другое: хотя среди ответивших на анкету депутатов большая часть принадлежит колхозно-совхозному «истеблишменту» и «рабочей аристократии» села, престиж колхозно-совхозной собственности на землю оказался среди них ниже, чем среди сельского населения: в ее пользу высказались 27% селян и лишь 13% депутатов. Этот парадокс еще требует объяснения.

Большинство ответов о том, что земля должна находиться в собственности колхозов и совхозов, получено от населения Белоруссии; сторонников частной собственности больше в России. Этому соответствует и разница земельных законов, принятых в этих республиках. Так что референдум о частной собственности на землю вряд ли пройдет в ее пользу даже в России.

По мнению опрошенных, главное препятствие в развитии у нас фермерства — отсутствие материально-технической базы: трудно взять ссуду, построить что-либо, купить технику и т. д. — на это указали 50,1%; неготовность людей к самостоятельному ведению хозяйства (40,1%) и помехи со стороны руководителей колхозов (25,9%). Но еще сильнее — отторжение бесправности и задавленности, порожденных колхозным строем. Это и низкие за-

работки, и нежелание руководства считаться с интересами людей, полная зависимость от руководителя и вообще плохие условия жизни (на каждый из этих факторов указали почти по 80% селян). И тем не менее около 40% опрошенных колхозников по всем регионам не хотят выходить из колхозов.

Исследование позволило спрогнозировать развитие новых форм хозяйствования на селе. Наиболее быстро эти формы будут развиваться в России, медленней — в Казахстане и на Украине. Самые медленные темпы будут в Белоруссии. Удерживать людей в колхозах, на наш взгляд, будут не столько социально-психологическая приверженность к традиционным формам (хотя и ее нельзя сбрасывать со счетов), сколько трудности самостоятельного хозяйствования и неуверенность в политике государства. Однако с появлением соответствующих условий и гарантий число желающих работать самостоятельно, без сомнения, сильно возрастет.

КАЗУСЫ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ

Н. Ю. МИЩЕНКО,
кандидат экономических наук,
Новосибирск

Опыт показывает, что некоторые важные документы, регламентирующие распределение чистого дохода и регулирующие взносы предприятий в бюджет, как следует не продумывались и принимались без оглядки на последствия. А в результате — новые инструкции, положения и постановления по системе налогообложения... Как и всякий недозрелый плод, они могут вызвать расстройства в хозяйственном механизме. Укажем на ряд из них.

Казус 1. С момента появления Указа « О введении налога с продаж» всех интересует вопрос: как его считать? В начале предлагали включить этот налог в издержки производства и обращения и взимать в бюджет дважды: первый раз — с сырья, второй раз — с готовой продукции. И подобно тому как стоимость сырья входит в цену готовой продукции, так и сумма налога с продажи сырья должна входить в сумму налога с ее продажи. В соответствии с этой теоретической посылкой Минфином СССР была разработана «Инструкция о порядке исчисления и уплаты налога с продаж», разосланная всем налоговым инспекциям как руководство к действию с января этого года. В ней, в частности, приведен пример расчета налога.

Допустим, стоимость приобретенного сырья 300 руб., налог с продаж 15 руб., относится на себестоимость 315 руб. Стоимость реализованной продукции 700 руб., налог с продаж 35 руб., всего к оплате 735 руб. В бюджет вносится налог в размере 50 руб. (15+35). Как видим, не обошлось без повторного счета. Испытанный старый прием пригодился и в новой налоговой системе.

Правда, в результате двойного исчисления налога произошло бы увеличение себестоимости продукции и, естественно, снижение прибыли. Подсчитано, что в целом по стране она могла сократиться примерно на 44 млрд руб., что уменьшило бы налоговые платежи из прибыли почти на 18 млрд руб., но зато выигрыш казны от нового налога мог превысить все потери и составить 98—100 млрд руб. Для государственного бюджета «игра стоила свеч». Но не для предприятий, которые в основном сформировали портфель заказов до опубликования вышеназванного указа. Новые условия «игры» заставили их в январе заново пересчитать себестоимость продукции по всей номенклатуре и прибыль на 1991 г., то есть проделать огромную счетную работу. И на многих предприятиях она уже близилась к концу, когда 31 января было принято Положение Кабинета министров СССР о порядке исчисления и уплаты налога с продаж, в котором с точностью до наоборот определялась сумма налога. По этому Положению сумма налога с продаж на себестоимость не относится, учитывается на отдельном счете и вносится в бюджет в виде разницы между суммами полученными и уплаченными. Например, стоимость сырья 300 руб.; предприятие приобрело его за 315 руб., в том числе 15 руб. — налог с продаж, но на себестоимость относится 300 руб. Стоимость реализованной продукции 735 руб., в том числе 35 руб. — налог с продаж, который учитывается на отдельном счете. Сальдо этого счета (20 руб.) показывает, какую сумму налога предприятие должно внести в бюджет.

Таким образом, промежуточные звенья производственной цепи ничего не теряют и не приобретают, инфляционная спираль их не задевает, но, раскручиваясь с каждой последующей покупкой и продажей, она всей тяжестью ложится на конечного потребителя. Но только по продукции производственно-технического назначения. Хотя в Указе Президента, в положении и в инструкциях говорится, что налог с продаж с 1.01.91г. вводится и на товары народного потребления, Минфин СССР своей телеграммой отменил взимание этого налога на территории РСФСР впредь до согласования с российским правительством, Лишь в конце февраля Совмин РСФСР откликнулся на Указ Президента и утвердил перечень товаров и услуг, реализация которых не облагается 5-процентным налогом. При этом он предоставил право республикам, краям и областям, входящим в РСФСР, устанавливать дополнительные льготы или отменять налог с продаж на отдельные виды товаров народного потребления и

услуг. Мера, предпринятая республиканским правительством, сократит доходы российского бюджета от налога с продаж, так как те 70% поступлений от налога с продаж, которые достаются республиканскому бюджету, пойдут на возмещение убытков от реализации товаров, не облагаемых налогом. Стоит ли в таком случае «овчинка выделки»? ожет быть, лучше вообще с одних не взимать, но зато и другим не возмещать, оставить все как есть, пока не прекратится чехарда инструкций, телеграмм и постановлений? Пока же ясно одно — новый налог по западному образцу рождается в больших муках и противоречиях.

Казус 2. Руководителям и главным бухгалтерам предприятий хорошо известно, какие строгие санкции предусмотрены в Законе о налоге на прибыль за сокрытие (занижение) прибыли. В ряде случаев возможно наказание исправительными работами на срок до двух лет. Правильное отражение прибыли возможно только при хорошо налаженном учете затрат на производство. Как объяснить в таком случае расхождения в двух недавно изданных циркулярах — Положении о составе затрат, включаемых в себестоимость продукции, и Инструкции о составе средств, направляемых на потребление? В первом такая статья расходов, как «премии по результатам социалистического соревнования, по итогам смотров и конкурсов, направленных на повышение эффективности работы предприятия, за создание, освоение и внедрение новой техники...» относится на прибыль, а во втором — на себестоимость продукции. Любопытно отметить, что оба документа утверждены Госкомстатом СССР. С выходом в свет этих документов предприятия, наконец, получат возможность осуществлять «вариантные» расчеты: надо сокрыть прибыль — действуют по Инструкции, не надо — используют Положение о составе затрат.

Не позволяют достоверно отразить размер балансовой прибыли и, соответственно, налога на нее сложные многоступенчатые расчеты с использованием условных величин, полученных на основе процентных соотношений. Например, корректировка балансовой прибыли на сумму превышения (снижения) расходов на оплату труда по сравнению с их нормируемой величиной или на сумму прибыли, полученной сверх предельного уровня рентабельности по продукции, реализуемой по договорным ценам. Попутно возникнет вопрос, где найти такого бухгалтера, который заложит в калькуляцию договорной цены рентабельность выше предельного уровня?

Казус 3. У нас в стране повышение цен на сырье ведет либо к новому повышению цен на готовую продукцию, либо к убыткам, если рост цен искусственно сдерживается. Ряд правительственных распоряжений (постановление Совмина СССР от 25.10.1990г. № 1080, Письмо Минфина СССР от 30.11.1990г. № 54В) в централизованном порядке ограничивают рост цен, устанавливая предельные уровни рентабельности. При этом обращает на себя внимание

тот факт, что по продукции с фиксированными ценами для всех отраслей народного хозяйства предельный уровень рентабельности выше такового по продукции с договорными ценами. Но даже в этих условиях выпускать последнюю более выгодно, так как чем выше цены на материальные ресурсы, тем выше цена договорная и ниже цена фиксированная. Рассмотрим пример.

СЛУЧАЙ 1. До введения новых оптовых и закупочных цен

Изделия по фиксированным ценам	Себестоимость	Стоимость	Прибыль	Рентабельность %
А	100	130	30	30
Б	100	125	25	25
ИТОГО	200	255	55	27,5
Изделия по договорным ценам				
В	100	140	40	40
Г	100	125	25	25
ИТОГО	200	265	65	32,5

СЛУЧАЙ 2. После введения новых цен (индекс цен на сырье 1,68, индекс цен на готовую продукцию по фиксированным ценам — 1,44)

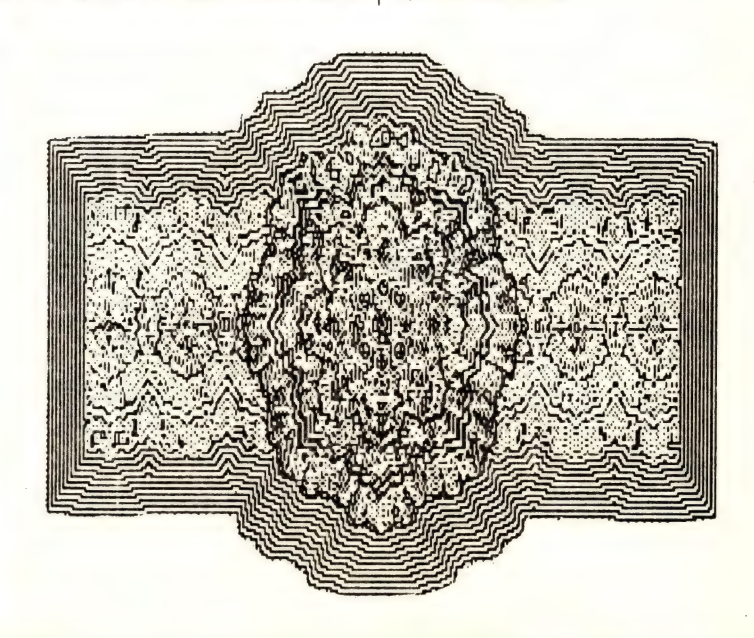
Изделия по фиксированным ценам	Себестоимость	Стоимость	Прибыль	Рентабельность, %
А	168	187	19	11
Б	168	180	12	7
ИТОГО	336	367	31	9
Изделия по договорным ценам				
В	168	210	42	25
Г	168	210	42	25
ИТОГО	336	420	84	25

Из примера видно: если прибыль по продукции с фиксированными ценами снизилась на 24 единицы, то по продукции с договорными ценами она возросла на 19 единиц.

По фиксированным ценам выпускается большая часть продукции государственного сектора экономики: основные виды продукции машиностроения, органической и неорганической химии, уголь, нефть, газ, древесина, основные массовые виды радио- и электротоваров, электроника, товары легкой промышленности и т.д. Таким образом, государственные предприятия будут терять прибыль и нести убытки.

Выход из создавшегося положения большинством предприятий видится не в ресурсосбережении, для которого необходима соответствующая материально-техническая база, а в структурной перестройке продукции в сторону высокорентабельных ее видов. В противном случае потеря прибыли грозит банкротством или полунищим существованием, когда средств едва хватает на простое воспроизводство. Возможно, правда, что, принимая указанные выше решения, правительство и ведомства реализуют стратегическую линию на приватизацию экономики, разоряя и продавая предприятия с молотка.

Нам представляется, что регуляторы распределительных отношений, к которым относится и комплекс нормативных документов по налогообложению, должны стимулировать повышение общественной производительности труда, а не способствовать разорению товаропроизводителей.

VIDE

«Вкус пудинга узнаешь, только попробовав его». Так или примерно так говорят англичане. В ЭКО много писали о социально-экономической политике. Пора бы уже рассказать о ее плодах...

КАЗАХИ НЕ ЕДЯТ САЛАТ «КАЗАХСКИЙ»

Заметки о том, как выжить в командировке

Валерий СЕРГЕЕВ, спецкор ЭКО

Заместитель главного редактора, просмотрев эти заметки, сказал: «Кому это будет интересно в мае-июне, когда то, что ты описал, будет казаться пиром?!»

***

Глубоким вечером я приехал в новосибирский аэропорт Толмачёво. Первый этаж был многолюден. Причина выяснилась сразу — женский голос из динамика хрипло сказал: «Вниманию встречающих! Рейс номер... из Москвы из-за нехватки топлива в нашем аэропорту совершил посадку в Омске».

«ЧИСТОЕ» МЯСО

Мужики вокруг меня разглядывали разложенные на столе антикоммунистические и эротические издания. Чуть подальше толпа штурмовала автоматы с газированной водой, словно был душный летний вечер. В торговых рядах кооператоров никто не толкался; скучали в киосках девушки. Вокруг них висело множество контрабандных товаров с трёхзначными и четырёхзначными ценами. Возникла удручающая мысль, что никогда мне не удастся здесь что-либо купить. С ней я поднялся на второй этаж.

И здесь не дремали люди, делающие свои первые миллионы. Всего за три рубля мне предлагали напрокат эротико-деловой журнал «Плейбой» на французском, испанском и японском языках. За ту же цену — красочные каталоги зарубежных фирм. Тоже на иностранных языках. А если я ими не владею, то могу послушать последние шля-

геры с помощью индивидуального плейера. И если я совсем неграмотный, то, please, карманная электронная игра «Кошка и мышки».

Я стойко, как опытная мышка, выдержал все эти соблазны, прошмыгнул мимо очереди за импортным мороженым из отечественного сырья (всего полтинник). Чуть задержался около «одноруких бандитов» — красивые ящики с ручкой, игральные автоматы; на одного игрока приходилось до десятка болельщиков. Ещё выше, на третьем этаже, что-то призывающе пикало, взвывало и стонало. Там стоял целый ряд компьютеров. Я поглазел, как лихо полицейский убивает всех встречных на городской улице. То же самое предлагал и видеосалон.

С третьего этажа толпа совершенно бесплатно смотрела на экраны двух отечественных телевизоров, подвешенных на втором этаже. Изображение и звук я не улавливал, но люди глядели, слушали и что-то видели, слышали.

Свободного кресла я не нашёл: одни дремали, другие лежа на полу откровенно храпели, а некоторые разложили бутерброды и открыли термосы... И я решил закончить духовный загул вполне материальным ужином, ибо если не хватает топлива для самолётных двигателей, то почему должно хватить продуктов для стандартного ужина в воздухе? Продуктов мы производим намного меньше, чем добываем нефти.

Госресторан, как и «Союзпечать», работает строго по часам. И был закрыт. Частного круглосуточного ресторана ещё не открыли. И если откроют?.. Иду в буфет, где обычно давали сметану, кефир, вареные яйца, бутерброды с сыром, колбасой и маслом, кофе с молоком или чай. С момента моей недавней командировки здесь тоже всё изменилось: сверкали зеркальные стены над высокими круглыми столиками. Что жевали люди вокруг этих столиков, я не понял. Что-то такое, о чём полгода назад и не помышляли. Они пили из горлышек бутылок то ли лимонад, то ли пиво. И я встал в конце длинного людского хвоста. Огляделся, увидел поднятую над головами пустую тарелку и услышал:

— Эй ты, последний мужчина!

Стоящий передо мной солдат оглянулся и сказал:

— Это она тебе машет.

Поднявшись на цыпочки, я увидел белую глыбу с двумя маленькими глазками, сверлившими конец очереди:

— Глухой что ли?! Тебе говорю, чтоб никто за тобой не занимал. Смена моя кончается!

Вскоре вместо одного солдата впереди меня стояло уже трое, и они заказали три холодца. Глядя на тарелки, я вспомнил хрен, с которым вполне можно осилить и такие мертвецки-серые куски.

— Чистое мясо, вкусное! — сказала буфетчица, заметив задумчивость солдат, глядевших на эти куски. А вот это — дорогое. Деревяшек у вас хватит?

Солдаты вытащили мятые «казначейские билеты Госбанка СССР» и получили три куска мяса.

— Тот лимонад не мой, мои ящики пусты, — сказала буфетчица. — С вас 19. 50.

Я быстро разделил названную сумму на три и почувствовал себя сивым мерином, попавшим в чужую конюшню. Были ещё лепешки, довольно большие, но неизвестной цены. Одной хватит и... Кефира нет, чаю тоже, лимонад в тех ящиках неизвестно чей.

— Рубль шестьдесят, — назвала она цену лепешки.

— Может быть, стаканчик чаю или кефира найдется?

— Чаем дома напоят, а кефиром — на молкомбинате, — она бросила сорок копеек сдачи и повернулась ко мне спиной. А за моей спиной был такой же хвост, каким он был и раньше.

Буфетчица исчезла за зеркальной стенкой, её преемница не показывалась, хвост тихо гудел. Я жевал лепешку, внутри оказалось какое-то «чистое» мясо, но лепешка была мягкой.

«Если этим ребятам из товарно-культурно-сексуального сектора отдать и буфеты, то такая лепешка будет стоить, пожалуй, рублей пять, но будет чай, пусть за полтинник, — решил я. — Очередь будет такая же. Нет, меньше, вон без всякой смены, как автомат, продает девушка мороженое». И вдруг я заметил над проходом магическое слово «кофе» и с пол-лепешкой пошёл туда. Там было почти парижское кафе с белыми фигурными стульчиками. Был кофейный автомат с ручками, была сновавшая вдоль бара без смены женщина, но не было кофе.

— Кофемолка сломалась, — сказала женщина. — Есть клюквенный напиток. Вам горячий или холодный?

Я взял два стакана — тёплый и прохладный. И уплатил всего шестьдесят копеек. Теперь я понял, почему осаждают автоматы с газировкой на первом этаже. Люди, видимо, едят здесь, а запивают там.

А напротив в буфете появилась сменщица и двум мужчинам, пытавшимся получить по двадцать копеек за свои пустые бутылки, сказала так громко, что было слышно и здесь:

— Я не торговала ещё лимонадом. Это не мои бутылки!

Очередь загудела возмущенно, но уже против мужчин, отвлекающих буфетчицу. И они тихо отошли, поставив бутылки на столик. А я пил клюквенный напиток из стаканов. Настоящие, тонкостенные. Просто чудо! В новосибирских столовых давно дают чай по 35 копеек (с мёдом), налитый в баночку то ли из-под меда, то ли из-под майонеза... Трудно понять, откуда они берутся в таком количестве.

Как ни странно, но вскоре объявили мой рейс. Транзитные самолёты они всё же отправляют или те прилетают со своим топливом? В самолёте не кормили, а только поили лимонадом. Так что вывод на будущее: вместо чая и кофе можно за три копейки попить газировку на первом этаже или бесплатный лимонад в самолёте.

«ЗАКРЫТО ДО 2000 ГОДА»

В ночном магнитогорском аэропорту было безлюдно. На втором этаже работал буфет, на витрине которого лежала колбаса двух наименований, не очень привлекательная внешне. Были кондитерские изделия четырех видов. И местный лимонад. Взяв холодный пирожок, называемый на Кавказе чебуреком, я спросил:

— Как насчёт чая или кофе?

— Нет.

— А что, самовара нет, или чайника, или воды?

— Есть все, кроме заварки.

Чай был во всех магазинах Магнитогорска. Даже высшего сорта. И по талонам, и без них, по коммерческой цене. Мне его дали в столовой Магнитогорского полиграфического объединения плюс винегрет плюс жареная колбаса плюс сметана плюс суп. После аэрофлотовских буфетов здесь было изобилие. Генеральный директор объединения отрицал какие-то особые каналы снабжения и сказал коротко: «Рабочих кормить не будешь — они и работать не будут». Так выяснилась разница между трудящимися и пассажирами.

Следующее утро было субботним. Я спросил дежурную в гостинице, где можно позавтракать. «У нас есть чай —

8 копеек стакан». Я, чудак, отказался, и она предложила кафе «Океан», но... «сегодня везде свадьбы или похороны». Я поплёлся по городу, решив обследовать для начала ближайший жилмассив. Гробов не несли и невест тоже. И вдруг... увидел вывеску «Мини-пекарня». Внутри была всего одна покупательница. Она взяла шесть длинных батонов «магнитогорских», взял и я теплый ещё батон и на ближайшей скамейке съел половину его. И снова проблема — чаю бы или кофе. Идти запить батон чаем в гостинице?

Итак, вперёд: кафе «Океан» — мимо, я для них не клиент, кафе «Уральские пельмени» — дощечка «свадьба», кафе «Привокзальное» — бумажка от руки «мероприятие»... Придётся купить сухой паёк в продуктовом магазине и пережить субботний день с его свадьбами и похоронами. Магазины демонстрировали пирамиды банок: «салат из морской капусты», «закуску из морской капусты», «икру из морской капусты». Ту же капусту, но мороженую, можно было взять и на вес в кулек или мешочек.

В магазине «Рыбка» спокойно взвешивали что-то похожее на рыбку, рядом толпа сражалась за навагу и треску. Магазины Магнитогорска заставляли забыть, что до любого океана отсюда далековато. Среди капустно-рыбного моря мне неожиданно повезло: я выплыл на вывеску с голубенькой полоской и мелкими буквами «Столовая №8». Надо же, в городе — как минимум восемь столовых, и, проехав полгорода, я случайно наткнулся лишь на одну из них!

Тут был кальмар с огурцом, и творог, и борщ, и котлета с рисом, и стаканы с чем-то белым. Это был «кофе с молоком». И я увидел гору блинов. Надо же, блины! И попросил две порции.

— А что будут есть на поминках? — ответила мне раздатчица.

— Одну порцию, — несколько завял я.

— Не можем.

— Хоть один блинчик дайте, — в голосе моем появилась слеза.

Но меня уже не видели: сдвигали стулья и раздвигали столы. Через полчаса сюда придут 70 человек и сметут эти блины в один присест. Впрочем, я ел свой комплекс и был почти счастлив, ибо через 15 минут меня сюда не пустили бы. Под крики «Закрыто! Закрыто!» прорвался мужичок сквозь поставленный у дверей кордон. И вот он стоит на раздаче и тщетно просит налить тарелочку

5*

борща, который выльют сегодня вечером, а утром будут варить новый...

Однако я сыт и спокойно иду мимо кафе без названия, тоже N8, на его двери мелом написано: «Закрыто на ремонт до 2000 года». А напротив в гастрономе выбросили колбасу по талонам, набежало уже несколько десятков человек, стоят, ждут: колбасу неправильно взвесили, теперь перевешивают. А в другом углу этого гастронома не меньшая очередь за яйцами....

В магазинах, расположенных на проспекте Ленина, очереди росли и росли, и в гастрономе «Маяк» я уже не смог понять, что же дают, но вдруг прибился к прилавку, где скучала женщина в белом халате, за ее спиной на полках было чайное изобилие. Она предложила чай грузинский за 1 руб. 60 коп. Мне же хотелось взять какой-то импортный в красивой жестяной коробочке, но хозяйка была непреклонна: «Этот только по талонам».

В уютном закутке на этом же проспекте я обнаружил магазин для ветеранов партии, труда и многодетных матерей. Сыр голландский и пошехонский завораживал, я был согласен и на плавленый, но и здесь я был странником из другого мира. Постоял, глядя на горку банок с растворимым бразильским кофе. Лет двадцать я покупал отечественный, тоже неплохой кофе, и за такую же цену — 6 руб. банка. От этой недоступной роскоши отвлекли крики двух багровеющих ветеранов.

— Что ты сделал для партии? Штаны протирал в кабинетах?!

— Да, не меньше тебя, бегуна, теперь вот сюда бегаешь за пайком!

Они схватили друг друга за отвороты пальто. Молчаливый ветеранский хвостик с явным удовольствием созерцал поединок бывших партийных вожаков.

И ОТДАЛИ БУТЕРБРОДЫ СОБАКАМ

На следующее утро чая без сахара не хотелось: он лишь усиливает аппетит в отличие от сладкого. Наказал же Бог человека: надо регулярно что-то есть!

И я решил пройти по проспектам Маркса и Ленина, но в противоположную сторону. Нашёл «Столовую №3» — крупные буквы притягивали, но на двери кроме доски «9—20 часов, без выходных» была и табличка «Закрыто на

мероприятие»... У кинотеатра «Магнит» две лошади щипали сухую траву, торчащую из-под снега... Свернув чуть в глубину, я нашёл еще одно чудо — детское кафе «Теремок», одна табличка извещала, что «воскресенье — День сладкоежки», а другая — «мест нет». Внутри были стулья в старорусском стиле с высокими спинками и свободные столики. Между столами ходила официантка.

— Взрослых без детей обслуживаете?

— Мы обслуживаем детей со взрослыми.

Кафе «Уралочка», «9—20 часов, без выходных», но дверь заперта и бумажка «Буфет со двора». Буфет обозначен столом с весами, поставленным около открытой двери. Женщина в белом халате поверх пальто взвешивала печенье для очереди из пяти человек и сказала мне: «В кафе сегодня мероприятие». «Вчерашнее?» — спросил я. Она кивнула.

У дверей кафе уже стояла полупьяная компания и пела. А я оказался лишним. Мне посоветовали пойти в блинную...

Вскоре я и вправду наткнулся на вывеску «Блинная», и дверь была открыта, и стол был накрыт, и курили мужчины в фойе, и играла веселая музыка.

— Блины и чай есть?— спросил я у ближайшей женщины.

— Вчера все блины съели, а чаю не полагается, я термос принесла со своим. А ты чей родственник?..

Со столичным шиком отделан кафетерий в магазине №5. Китайские абажуры. Зеркальные стены. Бар и красивая барменша. И ни одного клиента. Я снял шапку. На витрине лежали пакеты с кофе, стояли коробочки чая. Сверкал кофейный автомат. Настораживало, что никого нет, но, может быть, крупно повезло?

— Кофе?!

— Кофемолка пришла некомплектная, не работает,— без раздражения и располагающе к дальнейшим вопросам отозвалась барменша.

— Чай?!

— Вы — первый, кто просит чай, его пьют на своих кухнях. А этот, на витрине, только по талонам.

— И бутербродов не делаете?

— Однажды сделали, но никто не брал. Пришлось отдать собакам.

— Молочный коктейль?

— Не работает и этот аппарат. Есть молоко стаканами. Я выпил два стакана, сбегав в соседний зал за полбухан-

кой хлеба. Разглядывая окружающее великолепие, я посоветовал барменше выйти замуж, выкупить этот благоустроенный уголок, отгородиться от магазина и сделать такое кафе, чтоб сюда сбегались и съезжались люди, чтоб тут были пирожные, пирожки, мороженое и любые напитки, вплоть до коньяка...

— Скоро магазин перейдёт на аренду, и тогда что-нибудь сделаем, — поддержала мои предложения барменша.

— А где в этом городе можно пообедать? — спросил я у неё.

— В кафе «Океан» или «Уральские пельмени» на проспекте Маркса.

Я молча допил молоко и вышел. Оставшийся отрезок проспекта Ленина я изучил вчера, но кое-что оставалось неясным еще на проспекте Маркса.

Через полчаса я дернул тяжелую, как на всех общепитовских предприятиях (или мне это кажется от недоедания?) дверь еще одного кафе без названия. К удивлению, внутри было очень уютно: чем-то малинового цвета оббиты стены, малиновые шторы, малиновые стулья. Сидели люди и что-то ели. Это было мороженое. И что-то пили. Кофе! Я так обрадовался исполнению своего двухдневного желания, что сказал официантке комплимент:

— На двух центральных проспектах города ваше кафе — единственное, которое работает.

И она, спокойная и улыбчивая, вдруг сказала резко:

— Мне надоело одной раскладывать мороженое, делать коктейли, мыть посуду!

— Возьмите в аренду, наймите работниц.

— Вон рядом еще кафе, оно на аренде и не может себя прокормить! Я уйду! Всё! У меня муж неплохо зарабатывает! Уйду!

Свободных мест в малиновом кафе уже не было. Стояли желающие у двери. Я затратил 20 минут на то, чтобы получить здесь всё, что можно получить. Единственная претензия — меню написано от руки, но дают всё, что там написано.

Чем меньше претензий у желающего поесть хоть что-нибудь, тем больше их у тех, кто кормит. И вернулся я в гостиницу в блаженном состоянии, и спросила меня дежурная, удалось ли мне позавтракать, и ответил я, что удалось даже поужинать.

На другое утро я оказался в столовой гостиницы «Азия». Женщина быстро ставила тарелки с кашей, они скользили по наклонным металлическим полкам. Кто успевал — подхватывал, кто не успевал, тому тарелка с кашей падала на поднос. Иногда кверху дном. Разглядывая покосившиеся стойки и прилавки для подносов, как-то не заметил, что и взял. Вопрос — почему могучий комбинат, дымящий трубами в пяти шагах от этой столовой, не может приварить стойки, прилавки, полки — не исчезал, пока я ел стандартную котлету с пюре.

Но обед в этот день, первый обед за четыре дня командировки, был светлым событием на фоне субботне-воскресной общепитовской эпопеи. В общепите — как в министерстве общего машиностроения: что-то делают, но что именно — неизвестно рядовому посетителю.

Кафе «Театральное», большое и пустое, длинное, как казарма, накормило днем обедом-комплексом за 1 руб. 20 коп. (полстакана сметаны, суп-борщ, а может быть, и щи, курица с картошкой фри и компот). А поужинать опять не удалось: в кафе отмечали чей-то юбилей. Все остальные родственные предприятия были закрыты наглухо и без всяких объяснений для желающих поужинать. Видимо, напряженный труд их работников в субботу и воскресенье требовал компенсации в виде отгулов.

Позавтракать, пообедать не удалось и на другой день в Актюбинске. Попался в командировочной суете на глаза ресторан гостиницы «Космос», он был открыт, у меня взяли даже пальто, но когда я вошёл, там было так же пусто, как в космосе, только за одним столиком сидели официантки и обедали. Я подошёл и сказал дежурную фразу: «Я второй день не завтракал и не обедал». Никто из четырех женщин на меня не взглянул, одна буркнула: «Закрыто! Разве не понятно?!»

— Но дверь открыта, и по расписанию...

— У нас своё расписание! Воды нет!

Вечером хотелось есть уже очень-очень. Пирожки, перехваченные на ходу, не помогли. И я отправился в ресторан гостиницы «Актюбинск».

— Я не могу вас раздеть без указания официантки, — сказала гардеробщица.

— Приказано в верхней одежде в залу не пускать, — преградил мне путь швейцар.

Хорошо, что я пришёл с товарищем по несчастью, тоже командированным. Я отдал ему верхнюю одежду и пошёл искать официанток. Все они были на раздаче, в другом зале: загружали подносы, считали деньги, ставили на стол грязную посуду и вели переговоры с какими-то клиентами в верхней одежде. Но одна из них меня услышала и сказала: «Что они там мудрят, свободные столики есть».

Гардеробщица поверила моему устному заверению и приняла наши пальто. И вот мы сидим. Оркестр гремит, кричим подошедшей официантке:

— Что-нибудь фирменное есть?

— Ничего фирменного нет! — кричит она.

— Салат «Казахский»?!

— Казахи его не едят!

— Огурцы, помидоры?

— И летом не было!

— Капуста в любом виде?

— Нет!

Со вторым блюдом мы не мучились:

— Только шницель!

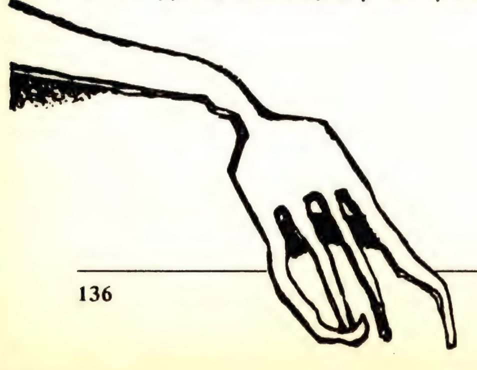
— Кофе или чай?

— Только портвейн!

Бегая из конца в конец просторного зала, девушка о нас не забыла и принесла вместо салата великолепное мясное ассорти и графин портвейна... Марочного! Я был на седьмом небе, когда увидел и шницель. Он был большим. И можно было жить еще...не меньше двух дней. После такого ужина!

***

Надо же, всего полгода назад в этих городах было изобилие... По возвращении я отказался от очередной командировки, потому что сегодня командированному не выжить, даже посещая рестораны.

* *

ПОМОЧЬ ПРИРОДЕ НЕ ТОЛЬКО ОЧИСТНЫМИ СООРУЖЕНИЯМИ

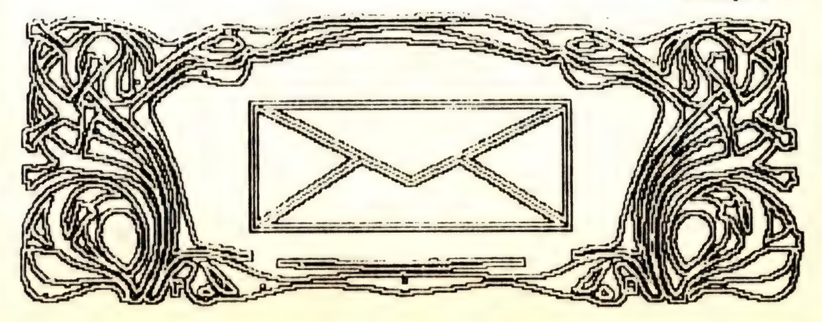
Производство продолжает экстенсивно наращивать свои масштабы, во многом работая на собственные нужды. Страдает природа, стонут люди под гнетом вредных выбросов в воздух, воду, почву. Сколько обличительных слов сказано и написано о нехватке и несовершенстве очистных сооружений, сколько средств в них вложено и еще потребуется!

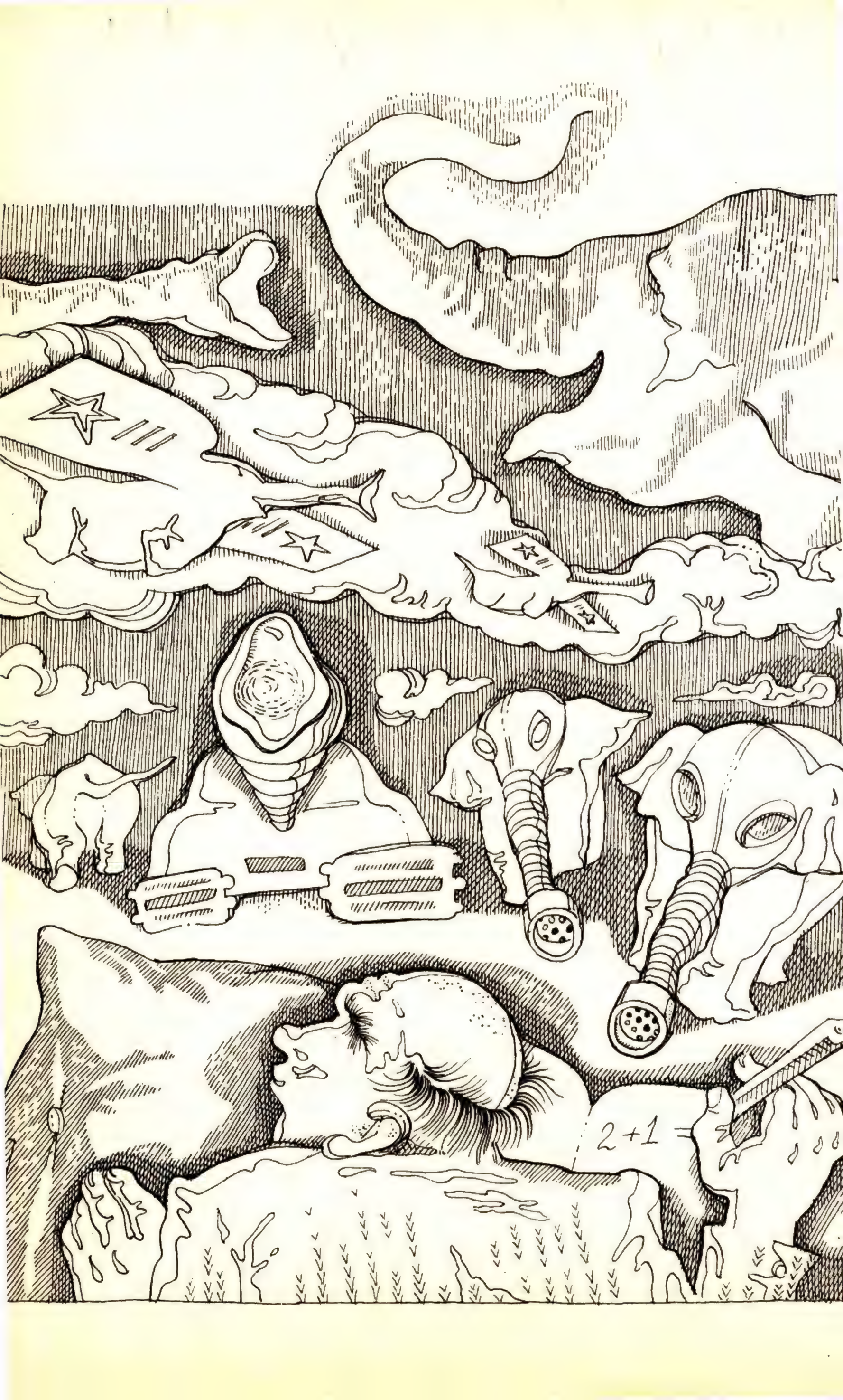
Но я предлагаю по-иному посмотреть на проблему — переориентировать саму стратегию природоохранной деятельности. Считаю, что следует не столько создавать очистные сооружения (которые сами искусственны по отношению к природе), а постоянно поддерживать равновесие между масштабами производства и возможностями переработки его выбросов самой природой. Достичь такого равновесия не удастся без рационализации структуры производства вплоть до сокращения его объемов, повышения комплексности и полноты использования ресурсов, совершенствования технологий и т. п.

А расширение строительства очистных сооружений — лишь иная форма наращивания объемов производства, привлечения дополнительных ресурсов и новых выбросов. То есть экологическое ограничение масштабов производственной деятельности должно распространяться и на очистные сооружения.

Для каждой местности нужно определить объем вредных выбросов, которые природа может «переработать» самостоятельно. К примеру, для Запорожского региона на это 104,5 тыс. т в год (без градации по отдельным веществам). Эту величину целесообразно принять в качестве экологического ограничителя масштабов производственной деятельности в регионе. Если производство укладывается в данные рамки, его можно считать «чистым», уравновешенным. Наращивание объемов в нем возможно лишь в пределах экономии первичных природных материалов, ежегодно вовлекаемых в хозяйственный оборот, и постоянных для данного уровня технологий. Забота о повышении этого уровня — уже отдельная проблема.

Е. А. БЕРЕЗИН,
Запорожье

2+1 =

ЕСЛИ ГОСКОМСТАТ НЕ ЗНАЕТ, ТО КТО ЖЕ?..

Л. М. ГОЛЬДЕНБЕРГ,
начальник отдела
межотраслевого баланса Госкомстата СССР,
Москва

Теперь принято ругать статистическое ведомство. И все же расчеты «вольного» американского экономиста Д. Стайнберга (ЭКО 12.90, 1.91) смогли появиться столь оперативно потому, что выполнены они на основе межотраслевого баланса, составленного Госкомстатом СССР. Там над ним трудилась «вся королевская рать» в составе... нескольких человек. Расчеты советолога системны и логичны, но не являются откровением для наших экономистов и статистиков.

Межотраслевой баланс составлен по системе баланса народного хозяйства, отсюда вытекает его более «скромная» схема. Однако это не означает, что дополнительные показатели отсутствуют в рабочих таблицах. Необходимость системы национальных счетов ныне всеми признана. Но немногим известно, что Госкомстат уже три года ведет работу в этом направлении.

Что касается «реконструированного» баланса Д. Стайнберга, то это еще не межотраслевой баланс в системе национальных счетов, а скорее смешение этой системы и баланса народного хозяйства. Баланс Стайнберга безусловно интересен, хотя не лишен количественных неточностей и методологических погрешностей. Однако суть не в них, поэтому, не останавливаясь на недочетах, поговорим о более важном.

В межотраслевом балансе действительно отсутствует сектор национальной безопасности. А без него невозможно получить достоверный межотраслевой баланс. Но если бы Госкомстат стал вести самостоятельные расчеты по данному сектору, достоверности не прибавилось бы. Пришлось бы пойти на значительные допущения, потому что и наше ведомство не располагает всей необходимой информацией. Судя по заверениям руководителей Госкомстата, теперь публикуется все, что ему известно о военных расходах. Вот только известно далеко не все.

Какой-либо подробной отчетности по данной тематике нет. Даже при проведении единовременного обследования затрат на производство промышленной продукции для составления межотраслевого баланса за 1987 г. частичная отчетность по выпуску продукции военных отраслей была «прикрыта» показателями по гражданским отраслям.

Если по балансам народного хозяйства и межотраслевому попытаться подсчитать военные расходы, они окажутся меньше официально объявленных на 1989 г. 77,3 млрд руб. и на 1990 г.— 71 млрд. Дело в том, что такие расходы в этих балансах отдельно не выделяются, а «рассыпаны» по разным разделам либо вообще отсутствуют (например, зарплата военнослужащих и вольнонаемных).

Значительная часть военных расходов показана в балансе народного хозяйства в накоплениях материальных оборотных средств, а в межотраслевом балансе — в столбце «прочие расходы» II квадранта (вещественная структура которых определена сальдовым методом), военные НИОКР — в составе общественного потребления в общих затратах на науку, военное строительство лишь частично присутствует в накоплениях основных фондов (жилой фонд и социально-культурные объекты), расходы на содержание личного состава войск как элементы перераспределения национального дохода (IV квадрант) «свалены в кучу». Военным пенсиям и денежному довольствию вообще не нашлось места в межотраслевом балансе.

Оплата продовольствия и вещевого имущества отражена в личном потреблении населения; воинские перевозки, аренда каналов связи и частично отопление, коммунальное обслуживание — в общественном потреблении соответственно в составе пассажирского транспорта, непроизводственной связи, жилищно-коммунального хозяйства. Можно привести и другие примеры.

Важно понимать, что выпуск продукции оборонного комплекса попадает в баланс народного хозяйства через обезличенные расчеты затрат и объема выпуска промышленной продукции, которые во многом условны и ничем не контролируются, разве что мифической балансировкой ресурсов и продукции.

Расчеты национального дохода в балансах народного хозяйства и межотраслевом и валового национального продукта грешат методологическими упущениями, занижающими их реальные объемы. К примеру, при использовании распределительного метода фонд зарплаты в целом контролируется через статистику труда (хотя и здесь есть «дыры», связанные с деятельностью Минатомэнергопрома, Министерства обороны, КГБ, МВД, аппаратов КПСС и ВЛКСМ). В балансе народного хозяйства этот фонд по материальному производству методологически занижается, разница формально списывается на непроизводственную сферу (ибо по отраслям ее не распределишь). А у иностранных экспертов возникает мнение, будто списанные суммы связаны с военными расходами. По-моему, это не всегда соответствует действительности.

По методологии расчета первичного распределения национального дохода часть фонда заработной платы в промышленности, приходящуюся на так называемые «списания на непроизводственные счета» в составе затрат на производство (в 1988 г. — 9,2 млрд руб.), списывают

с этой отрасли, никуда не добавляя. Эта «забываемая» величина по «скрытым» видам деятельности в расчетах национального дохода и зарплаты в непроизводственной сфере тянет на 15 млрд руб.

В реконструированном Стайнбергом межотраслевом балансе за 1988 г. в столбцах 21 «армия, МВД, КГБ» и 32 «ошибки, неувязки» (который он относит к расходам на вооружение) стоят: по строке 21 «зарплата» — 10,7 и 11,2 млрд руб. и «прибыль» — прочерк и 6,4, по строке 35 «чистые субсидии» — прочерк и 25,9 млрд. Всего на сумму 54,2 млрд руб. Вряд ли такую добавку к военным расходам можно считать реальной.

Что касается итогов прибыли в балансах народного хозяйства и межотраслевом, то по сравнению с данными финансистов, не учтенными по причинам методологического характера и отсутствия информации остаются 7—8 млрд руб. Практически не поддаются контролю и слабо обеспечены информацией и «прочие элементы» чистого продукта. Представляется, что их величина занижена и плохо стыкуется с «перебросками» нематериальных услуг при расчете валового национального продукта.

Вопрос о реальной величине военных расходов стоит столь остро потому, что для страны жизненно важно, какая часть ее средств и усилий поглощается обороной, не имея выхода на нужды человека, насколько это адекватно «внешней угрозе» и возможностям народного хозяйства.

СВОДНЫЕ РАСЧЕТЫ, МОНОПОЛИЯ И ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ

А. Ф. САМОХВАЛОВ,
кандидат экономических наук,
Москва

Несмотря на господство в планировании балансового метода, соизмеряющего ресурсы и потребности, и многочисленные решения, запрещающие «Госплану вносить на рассмотрение правительства проекты несбалансированных народнохозяйственных планов», диспропорции в экономике стали привычными. Почему? В определенной мере они возникают из-за чрезвычайных обстоятельств. Однако весомая часть вопиющих перекосов в хозяйственной жизни имеет рукотворный характер. И далеко не последнюю роль в этом играет сложившаяся практика балансовых расчетов.

Она давно априори ориентируется на достижение обязательного бухгалтерского равенства между ресурсной и расходной частями, а не на то, чтобы лишь наблюдать за состоянием равновесия производства и распределения, изучать условия его сохранения или нарушения. Именно в этом заключается коренное отличие в использовании балансового метода в сводных расчетах при его становлении в 20-е годы и сегодня.

Идеологическая основа такого подхода, возникшая в 30-е годы, — официальная установка на всемогущество социалистического учета и планирования, основанных на общественной собственности. На деле же обнаруживаемые при расчетах диспропорции между потребностями и возможностями просто «не замечались» при подготовке плана или «топились», в частности, в «мерах по мобилизации резервов» и планировании дополнительных заданий в неистребимой надежде на их выполнение.

Типичный пример: в «сбалансированный» план на 1988 г. закладывался рост национального дохода 6,6%, а факт составил лишь 4,4%. Эта «ошибка» вызвала цепную реакцию перераспределения ресурсов, так и не материализовавшихся в ходе «выполнения» плана.

Наша статистика проблему «равенства» решает через его достижение внутри каждого отдельного баланса (общественного продукта, национального дохода, финансового баланса и т.д.). Достаточно сопоставить разные балансы, чтобы мнимое благополучие улетучилось.

Немало перемен с 20-х годов произошло и в публикации результатов сводных расчетов, когда приводились довольно подробные сведения об источниках информации и основной работе с ней. Это позволяло судить о качестве полученных балансов, взвешенно подходить к их использованию для анализа и планирования. Постепенно обобщающие экономические данные вообще исчезли из печати. В последние годы положение вроде бы стало меняться к лучшему. Правда, понимания того, что же все-таки происходит в экономике, у нас почти не прибавилось. Сводные расчеты настолько сложны, что без знания их методологии и методов трудно судить о достоверности.

К примеру, в начале 80-х годов рост национального дохода опережал рост продукции основных отраслей материального производства при фактически неизменных материальных затратах. Специалисты этот факт объясняли благоприятной конъюнктурой на внешнем рынке, результаты которой в соответствии с действующей методологией непосредственно сказываются на национальном доходе. В 1988 г. история как бы повторилась: национальный доход вырос на 4,4%, продукция промышленности — на 3,7%, сельского хозяйства — лишь на 0,7%. Но положение во внешней торговле существенно ухудшилось. За счет каких же ресурсов было достигнуто опережение в росте национального дохода? Ответить на этот вопрос, не прояснив содержания соответству-

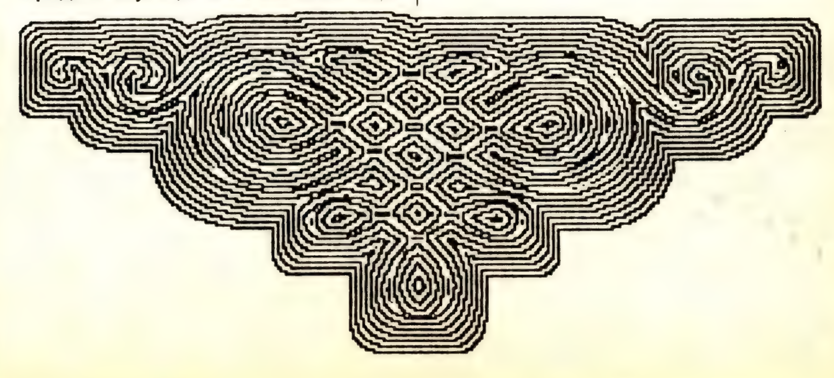
ющих расчетов, невозможно. К сожалению, прояснения так и не последовало. Во всех публикациях, посвященных итогам 1988 г., лишь констатировались сообщения Госкомстата об изменении обобщающих показателей...

Основная причина сложившегося положения в сводных расчетах, помоему, связана с исторически приобретенной ими политической окраской. Обобщающие показатели из научных превратились в директивные, стали «свидетельством успешного продвижения вперед социалистической экономики». Чем выше были темпы, тем большими считались наши достижения. Если динамика сводных показателей благополучна, никому в голову не приходит выяснять причины их улучшения. Неприятные вопросы разработчикам задаются, когда они ухудшаются. Тогда «принимают меры» — вплоть до изменения методики счета.

Так, в связи с угрозой снижения темпов роста экономики в результате уменьшения производства алкогольных напитков продукцию соответствующих отраслей попросту исключили из расчета обобщающих показателей. Исчисленные при этом темпы публиковались наряду с предшествующими «полновесными» данными. В результате, несмотря на значительное сокращение промышленного производства, показатели не зафиксировали каких-либо изменений в экономике страны и республик, в том числе винопроизводящих.

Добиться подобных результатов удалось в условиях монополии государственных служб на подготовку методологии и методик сводных расчетов и интерпретацию получаемых результатов. Десятилетиями такую работу ведет узкий круг специалистов. Отсутствие гласности отрицательно сказывается не только на качестве исчисления показателей. Подпитка цифровым материалом экономической теории могла бы послужить, кроме прочего, барьером для схоластических традиций. Но этого не происходило.

Да оно и нереально без деидеологизации итогов балансовой работы на сводном уровне. Обобщающие показатели должны быть лишь основой для изучения состояния, в котором находится страна, но никак не для бесчисленных рапортов об улучшении их динамики из-за абстрактности таких показателей, условности результатов их исчисления и невозможности однозначной интерпретации изменений.

СТРОГО СЕКРЕТНО.
ШИФРОВКА.
СТРОГО СЕКРЕТНО.
ШИФРОВКА.
СТРОГО СЕКРЕТНО.
Снятие копий воспрещается.
ЦК РКП

СТАЛИНИЗМ: ТАЙНА ВЛАСТИ

И. В. ПАВЛОВА,
кандидат исторических наук,
Институт истории СО АН СССР,
Новосибирск

В последние годы характерный для сталинизма механизм властвования значительно «обветшал», но суть его осталась неизменной. Реальная политика в стране по-прежнему делается помимо съездов и Верховных Советов, помимо нарождающегося общественного мнения и по-прежнему невидима. Это еще раз доказали последние события в Прибалтике. Кто и как заставил их разворачиваться именно таким образом и кто несет за это ответственность — вопросы, которые так и остались безответными. Попробуем дать на них ответ, обратившись к истории становления этого тоталитарного режима.

Про Сталина, ГУЛАГ, репрессии сегодня написано столько, что возникла иллюзия: о сталинизме уже все известно.

Это глубокое заблуждение. До сих пор в литературе нет ответа на вопрос о механизме властвования этой политической системы. Понять сталинизм — значит попытаться проникнуть в его основную тайну, которая тщательно маскировалась ширмой сначала диктатуры пролетариата, а затем народовластия.

Режим, установленный большевиками после Октябрьского переворота, уже был тоталитарным. В нем воплотились традиционные для России отношения власти и общества, существовавшие с момента утверждения самодержавия. С XVI века государство, как хозяин, подчиняло общество целям своей политики путем принуждения и насилия. Царский режим уже имел определенные тоталитарные черты: всевластие, специальные органы (опричнина, гвардия, тайная канцелярия и т. д.), скрытое от собственного государства делопроизводство по осуществлению личной власти.

В большевистском режиме эти традиции усугубились многократно. Уже в первые годы его существования в функции советской власти вошли громадные области жизни, которые, как говорил Рыков на XII съезде РКП(б), ранее никакого отношения к государственной власти не имели. Уже тогда вся реальная власть в стране находилась в ру-

ках одной партии, уничтожавшей какие-либо ростки демократии. Уже тогда насилие было главным средством решения всех социальных проблем. Партия держала в своих руках все экономические связи страны с внешним миром, окончательно исключив для хозяйственных предприятий путем монополии внешней торговли всякую возможность самостоятельного выхода на внешний рынок.

Но большевистский режим первых лет советской власти еще не был, говоря словами политолога А. Миграняна, «идеальным, доведенным до своего предела тоталитарным режимом». Это был тоталитаризм государственной власти, а не общества. Последнее оставалось сравнительно автономным. Он стал таковым после реализации целой серии мероприятий политики «диктатуры партии» и вошел в историю под названием «сталинизм» — по имени его главного создателя.

ДИКТАТУРА АППАРАТА

Становление системы «диктатуры партии» в 1922—1923 гг. имело целью утверждение всевластия партийного аппарата в самой партии и срастание его функций с функциями органов государственной власти.

Определенные условия для реализации такой политики были созданы в стране уже до 1922 г. Еще в октябре 1920 г. Всеросийское совещание представителей губкомов подтвердило необходимость единообразного строения как самих комитетов, так и их секретариатов на основе инструкции ЦК «О конструкции комитетов РКП». До этого времени не только уездные, но и губернские комитеты отличались чрезвычайным разнообразием структуры. К концу 1919 г. во всей республике из 40 губернских и 300 уездных комитетов не было и двух, построенных одинаково[1].

В декабре 1921 г. прошло специальное совещание секретарей губкомов, принявшее решение об укреплении аппарата учета на местах. В компетенции учетно-распределительного отдела ЦК (Учраспред) находился учет работников всероссийского, областного и губернского масштаба. Общее число их к этому времени составляло около 7 тыс. человек. Для ответственных работников выделялись пайки и обмундирование, а в санаториях Крыма —

1 Известия ЦК РКП(б) 24. 20. С. 5; №25. 20. С.5

специальные парткойки. Предусматривался также отдых за границей.

Пока существовала внутрипартийная демократия, обособление партийной элиты вызывало протест рядовых партийцев. В 1920 г. в партии прошла дискуссия о «низах» и «верхах» — в архивах сохранилась масса писем о злоупотреблениях на местах. Постепенно складывалось восприятие партийных комитетов как органов власти, шло отчуждение от них рядовых членов партии. Характерно письмо секретаря Сиббюро ЦК И. И. Ходоровского, разосланное в губкомы и райкомы партии летом 1922 г., в котором он недоумевал, почему районные партийные комитеты «не являются в настоящее время теми центрами, куда члены партии, а также беспартийные приходили бы, как это было в первые два года революции, со всеми нуждами и запросами или хотя бы только с целью отдохнуть, узнать последние новости и т. д.»[2].

Постепенно была установлена и единая система связи местных партийных органов с Секретариатом ЦК, который по решению VIII съезда партии стал действовать как специальный высший технический орган ЦК. Эта связь укрепилась после введения в практику с февраля 1922 г. периодической информационной, а с марта — статистической отчетности. Помимо этого местные секретари должны были не позднее пятого числа каждого месяца направлять непосредственно на имя секретаря ЦК личные письма с информацией за прошедший месяц. Письма были строго секретными.

Резолюция «О единстве в партии», принятая на X съезде РКП(б) в марте 1921 г., чрезвычайно облегчила послеленинскому руководству проведение политики диктатуры партии. Не опубликованный тогда пункт седьмой этой резолюции, дававший право совместному заседанию ЦК и ЦКК двумя третями голосов переводить из членов партии в кандидаты или исключать из партии любого члена ЦК в случае нарушения партийной дисциплины или допущения фракционности, был опубликован по решению XIII Всесоюзной партийной конференции (январь 1924 г.) и стал законом жизни партии.

Целенаправленный переход к политике «диктатуры партии» был начат XII Всероссийской партийной конференцией (4—7 августа 1922 г.). А первым практическим шагом явилось принятие новых положений в Уставе, который го-

2 Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО). Ф. 1, оп. 2 д. 247, л. 332.

товила комиссия под председательством Молотова. Незначительное на первый взгляд дополнение о том, что для секретарей губкомов обязательны партийный стаж до 1917 г. и утверждение вышестоящей партийной инстанцией (лишь с ее санкции допускался иной стаж), имело принципиальнейшее значение для формирования партийной кадровой политики. Это означало фактическое назначение секретарей, смещение неугодных и продвижение угодных. В конце декабря Секретариат ЦК провел совещание секретарей и заведующих орготделами губкомов и областных комитетов ЦК партии, приехавших в Москву на X Всероссийский съезд Советов. Совещание утвердило положение о том, что ЦК учитывает и распределяет работников всероссийского, областного и губернского масштаба и что все более или менее крупные назначения проводятся Оргбюро и Секретариатом ЦК. Предполагалось также начать учет всех хозяйственных работников вплоть до членов заводоуправлений и ответственных работников крупных фабрик и заводов. Подчеркивалось, что в «современных хозяйственных условиях очень часто правильное и удачное назначение подходящего руководителя завода имеет не меньшее значение, чем председателя ГСНХ»[3].

Одновременно резко ограничивалась самостоятельность местных органов партии. Согласно циркуляру ЦК, подписанному Молотовым и Кагановичем и разосланному в ноябре 1922 г., областным бюро и национальным ЦК предоставлялось право издавать разъясняющие дополнения к циркулярам ЦК, но при этом не допускать изменений их существа — это стало возможным только после согласования с ЦК. Если циркуляр ЦК изменял или отменял циркуляр областного бюро или национального ЦК, исполнению подлежал циркуляр ЦК РКП(б)[4].

Последующая политика Секретариата ЦК была направлена на закрепление диктатуры партии в руководстве государственным и хозяйственным аппаратом страны. В этот период (конец 1922 — середина 1924 г.) особое внимание уделялось подбору командного состава, начиная от секретаря губкома и кончая секретарем ячейки.

---

3 Учет и распределение работников. К совещанию секретарей и зав. орготделами губкомов (По материалам учетно-распределительного отдела ЦК). М., 1923. С. 11, 20, 35.

4 ПАНО. Ф. 1, оп. 2, д. 238, л. 32.

В конце 1922 — начале 1923 г. Оргбюро и Секретариат ЦК приняли еще ряд решений, направленных на обособление партийных аппаратов от партии. О них не писалось в трудах по истории партии, но, без сомнения, они завершили переход к диктатуре партийного аппарата. 30 ноября 1922 г. Оргбюро ЦК утвердило порядок хранения секретных постановлений ЦК РКП(б), согласно которому круг лиц, которым должны рассылаться персонально выписки из протоколов ЦК РКП(б), партийных комитетов и отдельные распоряжения секретарей ЦК и парткомов, определялся одним из секретарей ЦК и секретарями парткомов. Виновные в нарушении этого порядка несли строжайшую партийную и государственную ответственность. Далее специальным циркуляром ЦК от 8 февраля 1923 г. был введен единый «код» для шифровки телеграмм. Во всех партийных аппаратах на местах были созданы секретно-директивные части и шифровальные отделения. 22 марта 1923 г. за подписью секретаря ЦК Куйбышева всем секретарям губкомов, областных бюро и национальных ЦК был разослан циркуляр, который случаи распространения сведений из шифрованных документов квалифицировал как преступные действия. Виновные немедленно отстранялись от работы и привлекались к строжайшей ответственности, вплоть до заключения в тюрьму. Постановлением Оргбюро ЦК от 16 марта 1923 г. предусматривался также особый порядок привлечения к судебной ответственности секретарей губкомов и обкомов, а именно: губернский прокурор обязан был прежде, чем дать делу законный ход, направить материалы и свое заключение прокурору республики для согласования с ЦК [5].

С этого времени только секретари губкомов, обкомов и национальных ЦК обладали на местах квалифицированной информацией о положении дел в партии и стране и только с их разрешения она шла в печать. Такую практику закрепило постановление Оргбюро ЦК от 2 февраля 1923 г. «О взаимоотношениях между парткомитетами и редакциями газет». Теперь весь критический материал, касающийся деятельности парткома и исполкома в целом, губотдела ГПУ и губпрокурора, мог идти в печать лишь с ведома и согласия парткомитета. Кроме того, ему предоставлялось право вводить подобное ограничение и на другие публикации, одновременно извещая об этом Агитпропот-

5 ПАНО. Ф. 1, оп. 2, д. 241, л. 51. 117.

дел ЦК. Данные обо всех отделах губисполкома и прочих учреждений печатались в общем порядке, согласно постановлению VIII съезда РКП(б). За публикуемый в газете материал редакция несла ответственность перед судом, а по партийной линии — перед парткомитетом.

Таким образом Секретариат ЦК и назначенные им местные секретари оказывались связанными единой круговой порукой. В 1923 г. назначенство приобрело особенно широкий размах и стало системой. Троцкий в письме членам ЦК и ЦКК от 8 октября писал: «В самый жестокий момент военного коммунизма назначенство внутри партии не имело на 1/10 того распространения, что ныне. Назначение секретарей губкомов стало теперь правилом. Это создает для секретаря независимое, по существу, положение от местной организации... Тот режим, который в основном сложился уже до XII съезда, а после него получил окончательное закрепление и оформление, гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестоких периодов военного коммунизма»[6].

Сталин же особо подчеркнул на XII съезде: «... Губкомы — это основная опора нашей партии, и без них, без губкомов, без их работы по руководству как советской, так и партийной работой партия осталась бы без ног». Действительно, все реальные политические дела Секретариат ЦК (от имени Политбюро и Оргбюро ЦК) вершил, обращаясь к губкомам, областным комитетам и национальным ЦК через свои циркуляры, закрытые письма и шифрованные телеграммы. И всегда был уверен в том, что партийные комитеты на местах выполнят эти указания, потому что они имели строго директивный характер.

По тому же типу строились и аппараты государственных ведомств в центре и на местах — в каждом из них существовали свой учетно-распределительный отдел и секретно-директивная часть.

В результате политики диктатуры партия как общественно-политическая организация единомышленников перестала существовать. Резко увеличившись численно, она подчинилась строгой иерархии партийных комитетов. В ее основании находились партийные ячейки, разобщенные даже в масштабах района, не принимавшие решений, а лишь проводившие в жизнь директивы вышестоящего партийного комитета. Ни о какой внутрипартийной де-

6 Известия ЦК КПСС 5. 90. С. 169—170.

мократии не могло быть и речи. А если учесть, что партийные ячейки пронизывали все структуры, то подчинение власти вышестоящих партийно-государственных органов исключало возможность превращения общества в гражданское.

Идеологи «диктатуры партии» в самом начале ее реализации были более откровенны, чем их последователи. Они прямо писали о том, что партия превратилась в «становой хребет советской государственности» и что «машину пролетарской диктатуры нельзя изучить надлежащим образом без должного понимания устройства этого играющего в ней центральную роль аппарата». Они заявляли, что «для государствоведа-социолога, стремящегося познать причинные связи, статику и динамику развития пролетарской диктатуры структура и функции партийного аппарата — тема, мимо которой они не могут пройти, не сделав ее одним из основных объектов своего изучения».

МАРИОНЕТКИ ПАРТИЙНОЙ ВЕРХУШКИ

Тогда же для руководителей государственных ведомств, которые все были членами партии, установили незыблемый порядок выполнения партийных директив. Последние должны были оформляться уже в соответствующем порядке — т. е. каждое государственное ведомство обязывалось принимать решение в духе партийной директивы. Причем идеологам сталинизма было принципиально важно поддерживать иллюзию существования партии именно как общественно-политической организации. Согласно опять-таки директиве Секретариата ЦК, ни в одном официальном протоколе и приказе советских учреждений как общего характера, так и секретных, не должно было быть ссылки на распоряжение партийных органов. Вся переписка с ними по вопросам директивного характера, материалы и выписки из постановлений ЦК и ЦКК, переписка, содержащая указания на постановления РКП(б), шла под грифом «секретно». Эти материалы нельзя было проводить по журналам входящих и исходящих бумаг, и никто, кроме руководителя учреждения, не мог их вскрывать. Хранить их следовало в особом секретном деле партийной фракции учреждения — в общей канцелярии не должно было оставаться никаких следов директивной деятельности партии. Лишь в тех случаях, когда партийные органы

как общественная организация обращались к советским учреждениям за содействием или просили прислать необходимые для них сведения, документация проходила в официальном порядке.

Порядок строгой секретности и анонимности неукоснительно соблюдался. Виновные в его нарушении привлекались к партийной ответственности. Большие неприятности в 1923 г. были у замнаркомвнешторга М. Фрумкина, передавшего копию постановления Пленума ЦК о монополии внешней торговли уполнаркомвнешторгу Украины, сославшись на это постановление в телеграмме торгпредам. Бюро Секретариата ЦК строго предупредило М. Фрумкина и указало на то, что «постановления ЦК оформляются в советском порядке в виде законодательных актов или распоряжений. Поэтому сами вопросы часто по существу не являются секретными, но, наоборот, доводятся до сведения широких слоев населения в советском порядке. Секретным является порядок прохождения вопросов через партийную организацию, постановления которой являются директивой партии тому или другому члену. Поэтому каждый член партии, получив директиву партийного органа, проводит таковую в жизнь от своего имени по занимаемой должности».

Обслуживала партийно-государственный аппарат тайная полиция — ОГПУ. Все назначения на должность предварительно согласовывались с ее органами на предмет политической благонадежности. Директивой Секретариата ЦК на ОГПУ было возложено обслуживание секретной связи партийных и государственных органов. Эта корреспонденция делилась на категории. Первая, особо важная серия «К», включала в себя распоряжения, переписку и доклады совершенно секретного характера, в первую очередь директивные указания Секретариата ЦК. Ее следовало передавать только в руки адресата. Литерная корреспонденция серии А (срочно-секретно) и серии В (секретно, но не срочно) составляла секретную и срочную секретную переписку государственных органов, пользующихся фельдсвязью ОГПУ. Инструктирование по вопросам шифроработы Секретариат ЦК также возложил на Спецотдел ОГПУ. Связь посредством шифра осуществлялась как между партийными, так и между государственными аппаратами сверху донизу и наоборот. Не были исключением и промышленные предприятия — в каждом правлении трестов было свое секретное делопроизводство.

Сотрудниками секретных отделов могли быть члены РКП или преданные советской власти беспартийные, за которых поручились не менее двух ответственных членов партии. Анкеты лиц, ведущих секретное делопроизводство, и поручительства за них направлялись в спецотдел ГПУ через секретно-директивную часть в секретном порядке.

ПЕРЕВЕРНУТАЯ ПИРАМИДА

Для пояснения особой роли Секретариата ЦК в системе складывавшейся партийно-государственной диктатуры необходимо отступление. В 20-е годы существовали три высших партийных органа — Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК. В момент организации последнего по решению VIII съезда РКП(б) ему отводилась роль чисто технического органа, обслуживающего первые два. 3 апреля 1922 г. его возглавил Сталин, и роль Секретариата ЦК в системе высших партийных органов стала быстро меняться. Все вопросы, выносившиеся на обсуждение Политбюро и Оргбюро ЦК, фактически контролировались Секретариатом. Он же держал в своих руках все связи с секретарями местных партийных органов.

По Уставу партии и до 1923 г. высшими органами партии последовательно считались съезд партии (конференция) — Пленум ЦК — Политбюро ЦК — Оргбюро ЦК — Секретариат ЦК как технический орган. Но с 1923 г. эта партийная пирамида начала переворачиваться. Секретариат ЦК стал подминать под себя Политбюро и Оргбюро ЦК. В. Ногин, выступая от Ревизионной комиссии на XII съезде, подчеркнул, что самым важным в аппарате ЦК является Бюро Секретариата. Назвав работу его образцовой, он вместе с тем высказал опасение, которое оказалось пророческим: «В настоящей своей постановке партийный центр будет развиваться в сторону партийного бюрократизма, когда важнейшие вопросы фактически решаются лицами, не избранными съездом и перед ним не ответственными». Однако тогда опасность этой тенденции осознавалась далеко не всеми, хотя она и вызывала уже определенное беспокойство. Именно возросшая роль Секретариата ЦК беспокоила участников известного «пещерного» совещания под Кисловодском летом 1923 г.

В 1925 г. ситуация стала очевидной. Резко изменившимся положением Секретариата ЦК и его генерального

секретаря и было вызвано страстное выступление Каменева на XIV съезде: «Мы против того, чтобы создавать теорию "вождя", мы против того, чтобы делать "вождя". Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику, и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полновластное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем, чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат. Мы не можем считать нормальным и думаем, что это вредно для партии, если будет продолжаться такое положение, когда Секретариат объединяет и политику, и организацию и фактически предрешает политику...»

С этого времени за партию решал уже даже не Секретариат ЦК, а Кабинет т. Сталина, называвшийся в партийных документах «Секретариатом т. Сталина». Кабинет имел в своем составе Особый сектор и Сектор кадров. По такой же схеме строились и партийные аппараты на местах. Начиная с обкома, в каждом из них также был особый сектор или спецсектор, и через них проходили документы, через которые и осуществлялась реальная политика в стране. Выступая на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г., Сталин с удовлетворением констатировал: «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тыс. высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тыс. средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тыс. низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство»[7].

Таким образом, судьба страны находилась в руках правящей клики из Секретариата ЦК партии. Эти «высшие руководители» анонимно, секретно и безответственно (ведь исключена была возможность какого-либо контроля) определяли все направления жизни страны, распоряжались всеми сферами экономики и общественной жизни. Мало кто, кроме них, знал и о действительном положении дел в стране. Круг окончательно замкнулся уже в 1925 г., когда Спецотдел ГПУ разослал всем наркоматам и центральным учреждениям, а затем и на места циркуляр, по которому с этого времени «посылка их секретных изданий в

7 Пролетарская революция 8. 37. С. 19.

Центральную Книжную Палату отменялась и при отделе Политконтроля ОГПУ организовывалось центральное хранилище для всех секретных изданий. Впредь предлагалось высылать в этот отдел по экземпляру всех изданий — совершенно секретных, секретных и не подлежащих оглашению» .

Но сталинизм — это не просто диктатура партийно-государственного аппарата. Это к тому же идеократическая и террористическая диктатура, скрывавшая реальный механизм власти под оболочкой социализма. На самом же деле все в этой стране делалось ради власти и во имя власти. Система власти была трехслойной. Первый слой — внешняя власть. В СССР, как и в нормальном правовом государстве с гражданским обществом, существовали политическая партия и парламент — Верховный Совет, проходили выборы, созывались съезды Советов и собирались (хотя и не часто при Сталине) партийные съезды, проходили многочисленные собрания партийных, комсомольских, профсоюзных и т. п. организаций, даже проходили производственные совещания рабочих на предприятиях. Но все это было лишь бутафорией, создававшей у населения иллюзию их участия в политической жизни страны. Второй слой — это власть бюрократии, проводившей в жизнь партийные директивы от своего имени. И третий слой — реальная, но невидимая власть, которая определяла всю политику в стране. Таким образом, при сталинизме существующие в демократических странах отношения между государством и обществом оказываются полностью перевернутыми. Естественно, что при такой системе власти любое инакомыслие или хотя бы намек на него и даже сама возможность его возникновения жестоко подавлялись путем открытого террора при Сталине или скрытого насилия после его смерти.

Переход к нормальным для демократических стран отношениям власти и общества возможен через становление гражданского общества. Путь этот, как показывает история страны, не имеет у нас устойчивых традиций и будет долгим и трудным. Но иного выхода из сталинизма нет.

ыков требует об"яснения арест 5-х крупных
телей. Об"яснительную записку высылаю, пр
вать Рыкова о мероприятиях Сибревкома для
к. № 5/Ш. Расшифрована 24/1 1925 г. в ч. 13 м. 35

ЭРГОНОМИКА В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

С. И. НЕНАШЕВ,
кандидат юридических наук,
Барнаул

Об эргономике в научном творчестве говорят редко, поскольку бытует мнение, что вдохновение ученого не нуждается в материальном обосновании. Между тем, оптимизация умственного труда просто необходима.

Если процесс труда рассмотреть с точки зрения эргономики, то в деятельности организма человека можно выделить пять фаз изменения работоспособности: вырабатываемость; гиперкомпенсация; компенсация; утомление; срыв или перенапряжение. Вырабатываемость характеризуется мобилизацией всех внутренних сил организма на решение поставленной задачи. Гиперкомпенсация — последующая стадия, выражающаяся в выборе оптимального режима деятельности. Компенсация — это фаза наиболее продуктивной работы, протекающей в рамках заданного режима. Фаза утомления характеризуется постепенным снижением работоспособности, появлением первых признаков усталости (ошибок в работе и т. п.). Срыв выражается в расстройстве функций организма, раздражительности, невозможности сосредоточиться и потере способности к трудовой деятельности. Изучение факторов, влияющих на смену фаз, имеет важное значение для оптимизации труда.

Исследования показывают, что период вырабатываемости короче у тренированных людей, хорошо отдохнувших перед работой. Но он удлиняется при возрастании сложности задач, длительных перерывах в работе, нечеткости задания и сокращается при равномерном ритме деятельности.

Утомление в любой работе неизбежно, но момент его появления зависит от микроклимата, используемой техники, режима труда и отдыха. Раньше оно возникает в душном помещении с высокой температурой и повышенной влажностью. Применение техники в целом снижает усталость, но побочные факторы (производственный шум, за-

грязнение воздуха и пр.) способны оказать обратное действие. Усталость быстрее проявляется у человека с неправильным режимом труда и отдыха, плохо планирующего работу.

Существенную роль в утомлении играют эмоции: отрицательные приводят к длительной вырабатываемости и быстрой утомляемости, положительные — мобилизуют резервы организма и снижают утомляемость.

Но ведущую роль в утомлении играют характер, интенсивность и ритмичность нагрузки. Постоянная нагрузка вызывает большее утомление, чем динамическая, поэтому в работе необходимы колебания и перерывы. При возрастании интенсивности труда утомление появляется раньше, но при постепенном ее снижении утомление наступает в то же время. Поэтому короткая, но интенсивная работа всегда более продуктивна, чем длительная с постепенным снижением интенсивности.

УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ТРУДА

В процессе научного труда основная нагрузка, как правило, ложится на центральную нервную систему, и фазы вырабатываемости и утомления проявляются прежде всего в деятельности головного мозга. Поэтому эргономика должна создать такие условия для научного творчества, которые прежде всего стимулировали бы деятельность центральной нервной системы, сокращали период вырабатываемости и снижали утомление.

Достичь этого можно четким ритмом работы, ясностью предстоящей задачи, хорошим отдыхом. Готовиться к такой работе надо заранее: продумать на досуге, что сегодня необходимо изучить, написать, в каком обьеме; составить небольшой, но конкретный план; подготовить необходимые материалы. Установленный объем работы должен исполняться неукоснительно; такое предписание самому себе мобилизует организм. Чем сложнее предстоящая работа, тем тщательнее она должна быть подготовлена.

Рабочее место должно находиться подальше от отопительной батареи или прямых солнечных лучей, чтобы не утомлять зрение. Утомляемость возрастает и при неправильном положении текста при чтении, плохом освещении, неудобной позе, наличии посторонних раздражите-

лей. Рабочий стол должен располагаться вблизи окна, но так, чтобы свет падал слева, а не в лицо. При искусственном освещении необходима умеренно яркая настольная лампа с абажуром. При чтении лучше применять подставку, располагая ее так, чтобы плоскость страницы была перпендикулярна направлению взгляда.

Лишние книги на столе создают «отвлекающий момент». Однако это не означает, что стол должен быть пустым. Его приготовление к предстоящей работе имеет свои тонкости. Поскольку взгляд непроизвольно скользит по поверхности стола в минуты размышления, сосредоточения, этим можно воспользоваться для активизации функций центральной нервной системы. Положительные эмоции в работе вызывают максимальный комфорт и продуманное расположение предметов.

На столе под рукой всегда должны быть необходимые атрибуты: литература, конспекты, хорошие пишущие приборы (ручки и карандаши нескольких цветов — непременно синий, красный и черный) в удобной подставке. Для рукописи лучше использовать не белую, а голубую или мягких тонов зеленую бумагу — это меньше раздражает зрительные анализаторы, а также иметь скрепки, ластик, полоски бумаги для закладок, настольный термометр, небольшие часы с беззвучным ходом, удобную настольную лампу. Все должно иметь определенное место, чтобы в любой момент можно было найти необходимое.

Ненавязчивое стимулирование мыслительной деятельности создается «пустяками»: пусть это будут одна-две книги, которые вызывают особое расположение и желание трудиться. Этому помогает и созерцание результатов своего труда: написанные конспекты, рукопись или публикация.

Избегайте на столе ярких предметов. Крышка стола, прилегающая часть стены, обложки книг и тетрадей должны иметь мягкую, успокаивающую окраску. Можно закрыть их бумагой; для стены предпочтительнее обои с приятным неярким рисунком, но не белые. Частично снять напряжение поможет полюбившийся пейзаж, расположенный на стене перед столом. Портреты, особенно близких людей, стоящие иногда на столе, чаще создают дополнительное напряжение.

Утомление минимально, когда ничто не отвлекает и не раздражает — нет постороннего шума, плохого настрое-

ния, стресса, болезни, голода, физической усталости и др.

Если нет возможности избавиться от постороннего шума, лучше отложить занятия до лучших времен. Однако работоспособность снижается и преждевременное утомление наступает (особенно при монотонной работе) и в совершенно пустом и тихом помещении. Поэтому при работе в абсолютной тишине необходимо через каждый час напряженного труда вставать, подключая искусственные раздражители: посмотреть в окно, включить радио, выйти на улицу и т. п. Но не увлекайтесь — отвлекающие факторы не должны быть интенсивными.

Плохое настроение, особенно пережитый стресс, значительно снижает остроту мышления, резко повышает утомляемость. Если время не ждет, то в таком состоянии лучше решать второстепенные задачи технического характера, не требующие большого умственного напряжения. Болезнь не всегда препятствует научной работе. Если нет повышенной температуры или головной боли и есть желание, то можно поработать. Но не надо забывать, что в таком состоянии невозможно ожидать максимальной остроты мысли. Решение сложных задач лучше отложить до выздоровления. Естественно, при более тяжелых заболеваниях умственной работы лучше избегать вообще.

Голод иногда считают положительным фактором в научном труде. В действительности же чувство голода (так же, как и болезнь) создает доминанту, притупляющую остроту мышления.

Питание при напряженной научной работе должно быть разумно организовано, но не надо садиться за письменный стол сразу после обеда: сытый человек благодушен, но заторможен, а это мешает сосредоточиться и увеличивает период вырабатываемости. Отдохните полчаса, и работа пойдет эффективнее.

И все же главной преградой в научном творчестве остается естественная утомляемость. Это нормальное свойство организма, поэтому ее не нужно бояться или рассматривать как свидетельство каких-то отклонений. Однако чрезмерная умственная нагрузка может вызвать переутомление, то есть пограничное состояние между здоровьем и болезнью. Тяжелое переутомление требует для восстановления сил не просто отдыха, но длительного прекращения работы и специального лечения.

Студенты, аспиранты, молодые ученые часто пренебре-

гают признаками переутомления и предпринимают попытки превозмочь усталость, заставить себя волевым усилием продолжать работу всю ночь. В этом, безусловно, проявляются ценные качества человека, ибо значение воли в науке огромно: она способствует мобилизации дополнительных резервов организма, на определенное время доминируя над утомлением, притупляя его. Но на этом фоне неизбежно истощаются энергетические запасы организма, что может привести к тяжелому перенапряжению и срыву. Поэтому гораздо разумнее и полезнее воспитывать в себе умение максимально использовать для работы периоды творческой активности, а для отдыха воспользоваться фазой ее естественного спада.

РЕЖИМ И БИОРИТМЫ

Культура научного творчества немыслима без хорошо продуманного и рационально составленного режима. В основе его должны лежать не просто баланс времени и отдыха, а устойчивые биоритмы организма, определяющие время наивысшего творческого подъема, работоспособности и спада, функциональной активности. Такой режим строится не на день, а на неделю, месяц или год. Особенности функционирования биоорганизма у каждого свои, и чтобы выработать рациональный режим, придется понаблюдать за поведением своего организма, изучить его биоритмы, выявить моменты повышенной работоспособности и спада на протяжении длительного времени (недели, месяца).

Ученые пришли к выводу, что работоспособность человека в течение суток изменяется волнообразно, с периодами подъема и спада. Максимальные подъемы отмечаются в 10—13 и 17—20, а менее выраженные – в 5—6 и 24—1 час. В отдельные дни недели активность организма может то повышаться, то понижаться. Пик работоспособности приходится обычно на вторник, среду и четверг. Наши наблюдения показали, что у мужчин периоды устойчивой работоспособности совпадают с полнолунием, а у женщин, наоборот, в это время отмечаются спады.

Определенные, хотя и менее изученные ритмы организма связаны с временами года. Каждому человеку знакомо необычное состояние организма весной: тяга к природе, снижение интереса к работе и т. д. В годовых биоритмах

6 ЭиОПП №5, 1991 г.

человека это состояние именуется весенним утомлением. Биоритмы человека могут изменяться под воздействием внешних и внутренних факторов. Это хорошо заметно, например, при смене часовых поясов и изменении условий работы. Но самое главное — биоритмы формируются и под воздействием воли человека, в результате самовоспитания и управления процессами возбуждения и торможения. Именно на этой способности многие ученые и студенты искусственно создают для себя периоды наибольшей работоспособности. Так, наше обследование показало, что большинство вузовских ученых наиболее сложную исследовательскую работу, особенно рукописную, требующую ясного ума и логического мышления, откладывают на ночное время — с 22 до 2 часов. Многие работают ночью с 3—4 и до 8 часов, отведя на сон время с 19—20 до 3—4 часов.

Приводимые в разных изданиях периоды подъема и спада работоспособности могут служить лишь основой для выработки рационального режима научной деятельности — нужна корректировка с учетом индивидуальных особенностей организма. В этих целях и необходимо самонаблюдение. Его целесообразно проводить в три этапа. Первоначально должны быть изучены индивидуальные периоды изменения работоспособности в течение суток. При этом исследователь наблюдает себя как бы со стороны, выполняя в течение суток все то, что он обычно делает. В ходе такого наблюдения в специальной таблице или настольном календаре фиксируются время пробуждения и самочувствие (бодрость, сонливость и т. п.), время выполнения различной работы, приема пищи, отдыха, сна. Одновременно по условной пятибалльной системе оценивается рабочая активность (для научного труда здесь особенно важна острота мышления, которая определяется временем вырабатываемости, логичностью суждений, легкостью или сложностью их формирования и т. д.) и утомляемость. Такое наблюдение целесообразно продолжать в течение месяца.

После того как исследователь научился ощущать у себя периоды изменения работоспособности, очень важно проследить характер, продолжительность и признаки проявления фаз вырабатываемости, компенсации и утомления. Главная задача здесь — выяснить: когда (время), в каких условиях (окружающая обстановка), в каком состоянии (психофизиологические процессы) быстрее и легче прохо-

дит «втягивание» в умственную работу, при каких условиях удается добиться ее наибольшей продуктивности, когда медленнее наступает утомление, какие факторы способны регулировать эти процессы.

На основании данных самонаблюдения разрабатывается режим, в котором научной работе должны уделяться периоды подъема работоспособности, а все формы отдыха — сочетаться с периодами ее спада. Здесь же стоит предусмотреть меры по стимулированию работоспособности, коррекции своего поведения. Такой план всегда предельно индивидуален. Четкие рекомендации здесь вряд ли возможны. Однако составленный режим должен предусматривать время на восстановление нормальной жизнедеятельности организма: физические упражнения и труд, пребывание на свежем воздухе, достаточный сон. На третьем этапе надо оценить поведение организма, его реакцию на выработанный режим. Здесь могут обнаружиться и отрицательные моменты, в причинах которых необходимо разобраться, чтобы устранить их.

Каждый человек в интересах своего здоровья должен уметь управлять самочувствием, правильно и своевременно сочетая методы максимально интенсивной работы и максимально продуктивного отдыха. В этом случае организм превращается в прекрасно настроенный орган, из которого можно извлекать удивительно гармоничные звуки.

«Чистого» научного творчества как основного вида деятельности в жизни, как правило, не бывает. Всегда приходится совмещать творчество с самыми различными видами профессиональной деятельности. Поэтому для научного труда не всегда остается времени столько, сколько бы вам хотелось. В этой ситуации важно воспитать в себе умение продуктивно использовать каждую минуту для подготовки к творческому процессу. Следует завести записную книжку и постоянно держать ее при себе. Кроме намеченных действий, необходимо заносить в нее возникшие идеи, наблюдения или гипотезы, наброски или планы будущих рукописей. Этот незначительный на первый взгляд инструмент творчества сохранит от безвозвратной потери прекрасные идеи, которые могут позабыться в суете будничных дел.

Как видим, эргономика в науке раскрывает удивительные резервы для творчества, поэтому каждый человек, приоткрывший дверь в таинственный мир науки, должен с нею обязательно подружиться.

ПОБОЛЬШЕ ЮМОРА

(тем, кто дорожит своей карьерой)

Рассуждения и советы, которые мы предлагаем вашему вниманию, принадлежат американцу Роджеру Эйлзу, который руководил предвыборной кампанией Джорджа Буша в средствах массовой информации.

Большая часть клиентов Эйлза получают совет, который вкратце можно выразить одним словом: «Бодрее!». Может быть, это звучит странно, говорит он, но карьера действительно часто зависит от того, насколько вы способны не воспринимать все слишком серьезно. По статистике, семеро из десяти уволенных работников расстались со своим местом не из-за того, что не справлялись с обязанностями, а из-за личных конфликтов. Профессиональная компетентность и добросовестное исполнение служебных обязанностей вовсе не являются определяющими для карьеры, особенно после перемещения на очередную ступеньку иерархической лестницы. Важнее умение общаться с окружающими, и в этом процессе весьма существенную роль играет чувство юмора. Если здесь вы чувствуете себя неуверенно, попробуйте быстро ответить на такие вопросы:

— кто ваш любимый комедийный актер?

— припоминаете ли понравившийся вам эпизод из новой кинокомедии и чему вы смеялись?

— когда последний раз громко хохотали?

— когда вам случалось смеяться от всего сердца, взахлеб?

— считаете ли забавными своих приятелей?

— случалось ли рассмеяться внезапно, без видимой причины, из-за случайной веселой мысли?

Если ожидаете очки за ответы на эти вопросы, вас ждет разочарование, ибо вопросы, предложенные Роджером Эйлзом, не что иное, как «разминка», которая должна помочь вам на миг отделаться от чувства собственной значимости. Дальше следует более трудная задача — краткий самоанализ вашего поведения как руководителя (масштаб не имеет значения).

Конечно, хорошо, если вы относитесь серьезно к работе. Но если вы все и всех воспринимаете чересчур серьезно, это уже опасно: окружающие могут невольно заподозрить вас к склонности к «диктатуре». Не согласны? Тогда вспомните свои глупые поступки (у кого их не было!). А вот вам и «лакмусовая бумажка»: бывало ли, что вы без стеснения рассказывали о своих глупостях другим и смеялись над собой вместе со всеми?

И еще один подводный камень: по мнению американских специалистов, пренебрежительное отношение к другим, чрезмерная критичность и надменность — это именно те факторы, которые часто ведут к фиаско даже талантливых людей.

Проверьте-ка себя с помощью следующих вопросов:

— как вы реагируете, когда к вам обращаются с просьбой (выслушаете внимательно или постараетесь уйти от беседы)?

— часто ли вы жалуетесь на свои проблемы другим?

— доставляет ли вам внутреннее удовлетворение «читать нотации» или «завинчивать гайки»?

— когда с вами делятся новой идеей, пытаетесь ли вы из зависти или уязвленного самолюбия убедить в ее несостоятельности?

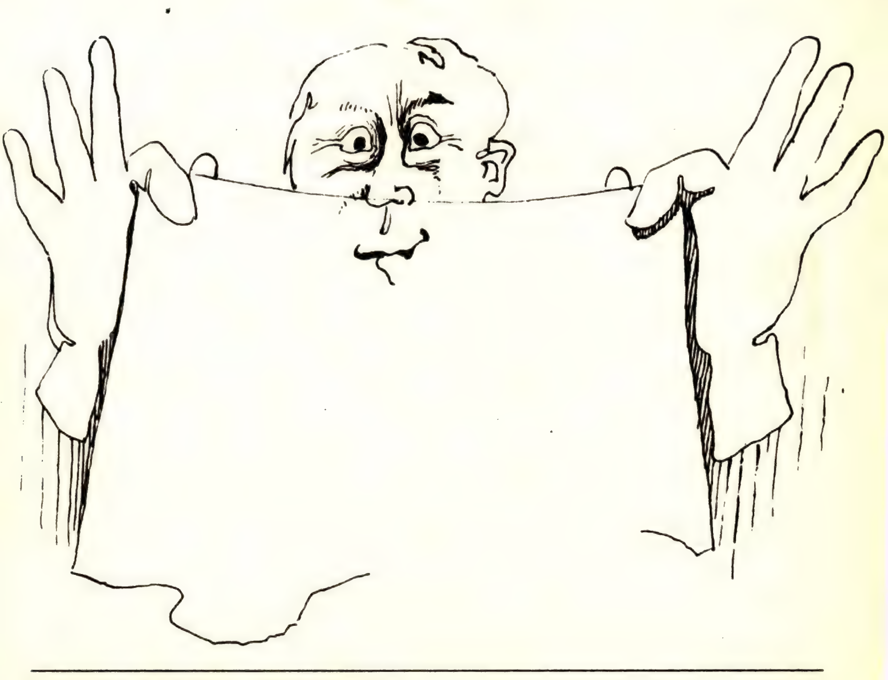
— чувствуете ли вы, что другие продвинулись по служебной лестнице не в силу дарований, а благодаря везению и стечению обстоятельств?

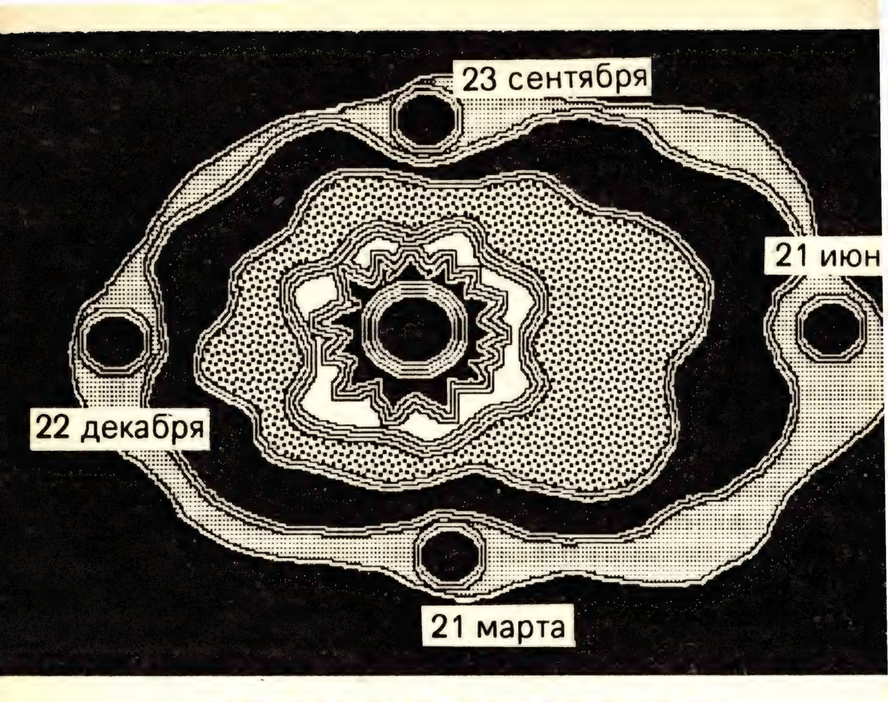
— вините ли в своих проблемах близких?

— как часто пользуетесь местоимением «я»?

Смысл этих вопросов в том, чтобы проверить, насколько спокойно и реалистично вы реагируете на окружающую вас обстановку. Если даже один ваш ответ неблагоприятен (а себе вы должны отвечать с полной откровенностью, не лукавя), нужно задуматься: ваши деспотические замашки выдают вас как самолюбца и восстанавливают против вас близких, друзей, коллег, подчиненных. А главное — вам недостает чувства юмора!

Подготовил В. РОЩАХОВСКИЙ

ГЕЛИОБИОЛОГИЯ– ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

А. М. ШИМАНСКИЙ,
Москва

Если образ жизни и характер работы не соответствуют вашему биологическому типу, то неизбежен конфликт с внешней средой, который может привести к сбоям в организме.

Для начала совершим небольшой экскурс в историю. Когда Петр I пришел к управлению Россией, ее календарь на 12 дней отставал от летоисчисления Западной Европы. Указом Петра наше летоисчисление передвинулось на 12 дней вперед, и 1 января стало началом следующего года. Однако действительное начало года связано с положением Земли на орбите: когда она занимает крайнюю точку и наступает самая длинная ночь с 21 на 22 декабря (см. рис.).

При движении вокруг Солнца наша планета проходит определенные гелиопериоды, их также двенадцать, но

они несколько отличаются от привычных для нас месяцев. Человеческий организм, появившийся на Земле в один из таких гелиопериодов и перемещающийся вместе с Землей в околосолнечном пространстве, дает определенные биологические реакции на циклически меняющееся воздействие солнечной радиации.

Биологический тип организма определяется тем гелиопериодом, в котором он появился на Земле, а еще точнее — днем рождения человека. Крайние точки орбиты Земли в ее движении вокруг Солнца астрономически определяются однозначно. При этом и естественный спутник Земли, Луна, меняет свою орбиту. Этот процесс позволяет определить границы гелиопериодов тандема Земля—Луна.

Советские дендрологи определили изменение солнечной активности в 12-летнем цикле, что позволило установить биологические типы. Их всего 144, и они не зависят ни от цвета кожи, ни от национальности. Скажем, люди, появившиеся на Земле в годы максимальной солнечной активности, обладают замедленной реакцией на изменение внешней среды. Этим людям нужна размеренная работа без резких изменений обстановки.

Определив свой биологический тип, можно выбрать оптимальный вид деятельности. Приведу пример влияния солнечной радиации на организм женщин. От диска Луны в периоды полнолуния отражается и доходит до земной поверхности определенное количество солнечной радиации, но в периоды новолуния она на Землю не поступает. Для женщин, родившихся в интервале с 19 февраля по 20 марта, это имеет огромное значение. В период полнолуния, когда от Луны отражается максимальное количество солнечной радиации, биологические процессы в их организмах получают дополнительный импульс, работоспособность женщин в это время максимальна, а во время новолуния — наоборот.

Женщин могут заинтересовать заштрихованные в гелиотаблице периоды. Выбрав свой, они получат достоверную информацию о наиболее благоприятном времени рождения здоровых детей. В целом же гелиобиологическая таблица совместимости показывает предпочтительность разных работ в зависимости от гелиотипа организма. Для мужчин, родившихся в соответствующие периоды, показаны работы, связанные:

	гелиопериод / день рождения	22 дек. по 20 янв.	21 янв. по 18 февр.	19 февр. по 20 марта	21 марта по 20 апр.	21 апр. по 21 мая	22 мая по 21 июня	22 июня по 22 июля	23 июля по 23 авг.	24 авг. по 23 сент.	24 сент. по 23 окт.	24 окт. по 21 нояб.	22 нояб. по 21 дек.
I	22 дек. по 20 янв.			■		■				■		■	
II	21 янв. по 18 февр.				■		■				■		■
III	19 февр. по 20 марта	■				■		■				■	
IV	21 марта по 20 апр.		■				■		■				■
V	21 апр. по 21 мая	■		■				■		■			
VI	22 мая по 21 июня		■		■				■		■		
VII	22 июня по 22 июля			■		■				■		■	
VIII	23 июля по 23 авг.				■		■				■		■
IX	24 авг. по 23 сент.	■				■		■				■	
X	24 сент. по 23 окт.		■				■		■				■
XI	24 окт. по 21 нояб.	■		■				■		■			
XII	22 нояб. по 21 дек.		■		■				■		■		

I — с большими и длительными нагрузками без необходимости принятия немедленных решений;

II — с решением неожиданно возникающих ситуаций, большими, но непродолжительными нагрузками;

III — с резкими изменениями больших, но непродолжительных нагрузок (например, помощь сотрудникам);

IV — с поиском и принятием решений, с резкими изменениями ситуаций, но без больших нагрузок;

V — с длительными и равномерно меняющимися нагрузками;

VI — с необходимостью частых перемещений, выбором оптимального решения;

VII — с самостоятельно принимаемыми и выполняемы-

ми решениями;

VIII — с длительной усидчивостью, с равномерно меняющейся нагрузкой (в коллективе);

IX — с выявлением и устранением недостатков в ранее принятых решениях, мероприятиях;

X — с необходимостью перемещений, с резкими изменениями, но небольшими нагрузками;

XI — с необходимостью искать решение в резко меняющихся ситуациях и реализовывать его в производстве;

XII — с организацией выполнения полученного задания.

Для женщин — работы, связанные:

I — с длительными, равномерно меняющимися большими нагрузками;

II — с необходимостью обеспечить выполнение задания, но без больших нагрузок;

III — с равномерным увеличением нагрузки от новолуния до полнолуния и ее равномерным снижением к периоду;

IV — с организацией труда, анализом процессов и принятием решений, с резко меняющимися, но не большими нагрузками;

V — с нестационарными и резкими изменениями больших, но не длительных нагрузок;

VI — с постоянными перемещениями при выполнении заданий, необходимостью быть связующим звеном;

VII — с размеренными, плавными изменениями больших, но не длительных нагрузок;

VIII — со стабильной и длительной нагрузкой в коллективе;

IX — с оценкой обстоятельств и принятием решения;

X — с малыми нагрузками без длительных и резких изменений;

XI — с длительными нагрузками, резкими изменениями, требующими неординарных действий;

XII — с резкими изменениями больших, но не длительных нагрузок (в коллективе).

При выборе рабочих мест, режимов технологических процессов необходимо определить, насколько сочетается вид трудовой деятельности с биологическим типом работающего. Только при таком подходе к организации труда можно свести утомление до минимума, повысить производительность и снизить профессиональную заболеваемость.

ОПАСНЫЕ «ПОМОЩНИКИ»

З. В. КОРОБКИНА,
доктор технических наук,
Киевский торгово-экономический институт

В одном из популярных журналов приведено мнение зарубежных туристов о перспективах туризма в нашей стране. Они считают, что число желающих посетить Советский Союз возрастет в несколько раз, если контроль качества пищевых продуктов будет обеспечивать их безвредность.

Применение химических средств защиты сельскохозяйственных растений от болезней, насекомых, сорняков и вредителей, объединяемых под общим названием «пестициды», растет во всем мире.

В США их использование за последние 40 лет увеличилось в 10 раз. При этом производительность труда выросла на 20 — 25%, но и общие потери урожая увеличились с 31,4 до 37%. В СССР в 1986 г. использовалось в 7 раз больше химических средств защиты растений, чем в 1960 г., а урожайность сельскохозяйственных культур возросла незначительно, например, у зерновых — с 11 до 16 ц с гектара. Объясняется это тем, что у насекомых, грызунов и клещей, микроорганизмов и сорных растений быстро вырабатывается устойчивость к инсектицидам. Более 90% препаратов не доходит до «мишени», зато губит полезных представителей флоры и фауны, отравляет почвы, водоемы. Все без исключения пестициды являются ядами широкого действия, поражающими не только вредителей, но и все другие живые существа.

Для человека же все пестициды мутагенны, т. е. изменяют наследственность, вызывают врожденные уродства. Многие из них канцерогенны, вызывают аллергическую реакцию. Каждый год в мире (без СССР) пестицидами отравляются 2 млн и умирают до 50 тыс. человек.

Много путешествуя по советской и индийской «глубинке», могу утверждать, что в Индии много легче, чем в Советском Союзе, найти сравнительно чистое место, где можно поесть. В СССР пищевое отравление практически неизбежно вне больших городов. Правда, рестораны не представляют культуру этих стран.

Андерс АСЛУНД, Институт Кеннана

Но несмотря на это их применение продолжает расти. В 1986 г. в СССР на гектар пашни, обработанной пестицидами, расходовали в среднем по 2 кг пестицидов (1,4 на душу населения). К 1990 г. это количество должно было увеличиться вдвое. Если в 1985 г. мы закупили их за рубежом на 170 млн инвалютных рублей, то в 1987 г. — уже на 500 млн. При этом лишь 30 из 400 разрешенных у нас к применению препаратов контролируется.

НОРМЫ, О КОТОРЫХ НИКТО НЕ ЗНАЛ

Нитраты (соли азотной кислоты), вызывающие столько беспокойства у потребителей, — это не синоним ядохимикатов и других сильнодействующих средств, объединяемых под общим названием «пестициды». Нитраты — элемент минерального питания растений. Поэтому если для чуждых растению пестицидов максимально допустимые уровни не превышают миллиграммов на килограмм продукта, то для нитратов — десятки и сотни миллиграммов. К примеру, в капусте допускается остаточное количество дихлофоса 0,05 мг/кг, а нитратов — 300 мг/кг по нитрат/иону. Поэтому опасны для человека лишь продукты с существенным избытком нитратов.

Сами по себе нитраты малотоксичны. Но под действием микрофлоры кишечника они восстанавливаются в соли азотистой кислоты, и образуются нитриты, во много раз более токсичные. Нитриты взаимодействуют с гемоглобином крови, в результате чего он теряет способность быть переносчиком кислорода; так угнетается тканевое дыхание. Но еще более опасно превращение избытка нитритов в канцерогенные нитрозоамины.

Минздрав СССР лишь в 1984 г. утвердил нормативы допустимого содержания нитратов для 10 видов овощей с учетом их способности к накоплению этих соединений (от 45 мг/кг в арбузах и дынях до 400 мг/кг — в луке-пере). Однако предельно допустимые концентрации нитратов в стандартах не указаны. Конкретные цифры заменены фразой: «Содержание нитратов не должно превышать норм, утвержденных Минздравом СССР». Но, во-первых, предельно допустимые нормы были разработаны не для всех овощей (не говоря уже о плодах). Во-вторых, до работников сельского хозяйства и плодоовощной торговли разработанные Минз-

По данным Ленинградского института, в Нечерноземной зоне пропадает около 60% органических удобрений, вносимых на поля.

И в то же время только за последние двадцать пять лет производство химических удобрений и ядохимикатов в СССР увеличилось почти в пятнадцать раз. В стране сегодня применяется их более 300 видов, что мало сказывается на урожайности, зато вызывает разрушение земель, отравление вод, гибель растений и животных.

«Спасение», 1.91

дравом цифры до 1988 г. не доводились. А в 1988 г. им были переданы новые нормативы, разработанные Минздравом СССР в сентябре 1987 г. и превышающие ранее им же обоснованные нормы в 2—3 раза.

По подсчетам, проведенным в 1985 г. в Литве, жители этой республики получали с продуктами в среднем по 100 мг нитратов в сутки. Максимально допустимое суммарное поступление в организм человека нитратов составляет в СССР 300 мг, в США — 700, а согласно рекомендациям ФАО — не выше 500 мг в сутки.

Но потребители не без оснований сомневаются в том, что уровень содержания нитратов в суточных рационах жителей других районов СССР так же низок, как у населения Литвы. Зачастую фактическое содержание нитратов в овощах превышает предельно допустимый уровень в несколько раз. Например, одно из хозяйств поставляло картофель с содержанием нитратов, в 125 раз превышающим ПДК. Такой картофель непригоден даже в корм скоту. Хранить его невозможно, так как через 1—2 недели после уборки начинается его массовое гниение.

Возникает вопрос: если повышенные нормы внесения пестицидов только усиливают устойчивость к ним тех, против кого они направлены, а повышенные дозы минеральных удобрений чреваты снижением пищевой ценности и устойчивости в хранении овощей и плодов, то не проще ли отказаться полностью от химизации в сельском хозяйстве? Что проку в высоких урожаях, если до потребителя доходит лишь половина, а то и меньше!

Опыт показывает, что в ряде стран минеральные удобрения применяются эффективно. Например, в Венгрии, Болгарии и Чехо-Словакии на каждый гектар пашни вносится соответственно 288, 259 и 338 кг минеральных удобрений, а в ФРГ, Бельгии, Нидерландах — 400—700 кг и более. У нас же в Молдавии, применяющей больше удобрений, чем другие республики, их количество составляет лишь 182 кг на гектар пашни.

В ФРГ и Японии на каждый гектар обрабатываемой земли вносится в среднем 24—30 кг ядохимикатов по действующему веществу (против 2 кг в СССР и 11—12 кг в Молдавии). Это не помешало японцам достичь самой высокой в мире продолжительности жизни. Почему же у нас удобрения и пестициды мало повышают урожайность, принося при этом столько вреда людям?

Одна из причин — полное отсутствие культуры их применения. Например, в Японии был закуплен пестицид с дозировкой 67 г на гектар, а в наших инструкциях завысили эту цифру до 200 из-за отсутствия средств для такой точной дозировки. Разбрасыватель минеральных удобрений КСА-5 высыпает их на землю по принципу то густо, то пусто. Там, где пусто, урожая нет, а там, где густо, накапливаются в избытке нитраты.

Сельское хозяйство не располагает данными о способности районированных сортов картофеля и овощей накапливать нитраты. Научные

исследования в этом направлении только начаты.

В СССР химически обрабатывают более 87%, в США — только 61% сельскохозяйственных земель, причем половина пестицидов идет там только на технические, а не на продовольственные культуры. В Индонезии отказ от химических способов защиты растений стал государственной политикой.

ВОЗМОЖНЫ ЛИ ПОЛЯ БЕЗ «ХИМИИ»?

Американские ученые подсчитали, что при переходе только на органику валовые урожаи сельскохозяйственных культур снизятся на 40—48%. О том же говорит опыт «органических» хозяйств стран Западной Европы. Органическое (или биологическое) сельское хозяйство пока нежизнеспособно, и его методы рекомендуется использовать в слаборазвитых странах.

Производство продовольствия необходимо наращивать, но продукция должна быть безопасной, а само производство — не отравлять среду обитания. Кроме того, если с ростом вала потери сырья вырастают в геометрической прогрессии, необходимо изучить причины и устранить их.

Вызывает недоумение отсутствие в нашей стране интереса к биологическим методам защиты растений. Планируется ли их испытание в перспективе? Учитывается ли опыт американцев по борьбе с вредными насекомыми механическими методами, например с помощью агрегатов, работающих на принципе пылесоса?

Научные исследования по экологически чистому производству в нашей стране проводились и проводятся. Например, проф. Ю. Куражсковский еще в 1952 г. добивался внедрения своих разработок по бесхимикатному методу борьбы с вредителями на юге Украины. Метод был основан на подавлении вредителей агротехническими приемами. В его апробации принимали участие десятки практиков из совхозов и колхозов. Но в связи с тем, что во главе дела защиты растений на Украине, как и во всем Союзе, стояла сложившаяся еще в 30-е годы школа сторонников ядохимикатов, на него обрушились репрессии вплоть до увольнения и передачи дела в суд. Несколько лет назад по этой проблеме была подготовлена докторская диссертация В. В. Груздевым (МГУ), но из-за отрицательного отношения к биологическим методам сторонников химических методов защита не состоялась. По этой же причине специальные журналы не печатают статьи по биологическим методам защиты растений. Таков результат монополии химического направления в земледелии.

На состоявшемся в конце сентября 1988 г. Президиуме АН СССР, посвященном отрицательным последствиям применения пестицидов и разработке альтернативных путей развития сельского хозяйства, член-корреспондент АН СССР А. В. Яблоков заметил: теоретически давно ясно, что защита растений должна осуществляться не только химическими, но и биологическими методами. Но вот в январе 1988 г. создана

комиссия по новейшим средствам защиты растений, и во главе ее поставили химика, а в состав комиссии включили 36 химиков, одного биолога и одного медика...

Химическое направление подавляет сторонников биологических, агротехнических и селекционных методов. Этому способствует то, что финансируются преимущественно научные разработки по химической защите растений.

Кое-какие сдвиги все же намечаются. Например, участники названного выше заседания пожелали изучить имеющийся в стране (и немалый!) опыт биологически чистого производства. Он имеется в одном из колхозов Чувашии, где председателем А. П. Айдак. Внедрение почвозащитной системы земледелия и другие природоохранные мероприятия позволили без применения пестицидов уже в течение девяти лет получать стабильные урожаи зерна (34—35 ц/га) и создать хорошую кормовую базу. В ряде колхозов Краснодарского края и в Крымской области выращивают рис по беспестицидной технологии. В Кубанском СХИ создана безгербицидная технология для кукурузы. Урожаи не ниже, чем на тех землях, где применяются пестициды.

Что же касается сочетания химических и биологических методов защиты растений, то они несовместимы на одних и тех же площадях. Биометод основан на использовании естественных врагов сельскохозяйственных вредителей. Пожирателей вредных насекомых специально разводят в лабораториях и фабриках или создают благоприятные условия для бурного роста естественной популяции. Если несколько лет подряд выпускать выращенных насекомых-хищников, они так подавляют вредных насекомых, что вся экологическая система оздоровляется, растет и численность природных защитников урожая. В этих условиях применение пестицидов сведет на нет труды биологов.

КАК ЗАЩИТИТЬ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ?

Для этого необходимо включать в стандарты физико-химические показатели, характеризующие пищевую безвредность плодов и овощей. В стандартах следует предусмотреть разные требования к продукции, полученной с применением химических и биологических методов защиты растений. В продукции, получаемой по экологически чистой технологии, пестицидов вообще не должно быть, а для продукции, выращенной с их применением, должны быть указаны цифры предельно допустимого содержания. Продукция, выращенная биометодом, должна поступать прежде всего в детские и лечебные учреждения, а в розничной торговле она может реализовываться по более высоким ценам, поскольку и закупочные цены на нее должны быть более высокими. Во многих странах плодоовощная продукция, предназначенная для больниц, санаториев и детских учреждений, выращивается без применения минеральных удобрений и пестицидов. Хозяйства, производя-

щие такую продукцию, не убыточны: она пользуется большим спросом, да и стоит дороже.

Но само по себе совершенствование стандартов ничего не даст, если они не будут соблюдаться. Например, анализ овощей на содержание нитратов должен проводиться в лабораториях плодоовощных баз. Но лаборанты зачастую вписывают в документы цифры «с потолка». Даже если обнаружены повышенные концентрации, то все равно указывается: «в пределах нормы».

И работников торговли можно понять. Если ориентироваться на максимально допустимые уровни, то торговле нечем будет выполнять план товарооборота. Лаборатории баз не в состоянии провести биохимическую оценку продукции, поступающей от хозяйств. Необходимо передать эту функцию производству, которое должно отвечать не только за внешний вид (как было до сих пор), но и за пищевую ценность, а главное — за безвредность продукции.

Лучший контроль может обеспечить лишь независимая экспертиза. Пока же проблема контроля, к сожалению, погрязла в болоте ведомственной переписки. А кто должен отвечать за безвредность рыночной продукции? Санэпидемстанции или Центросоюз, в ведении которого находятся рынки? Проблема усугубляется отсутствием нужных приборов и экспресс-методов определения ядовитых веществ.

Ясно одно: начинать контроль надо с исследования минерального состава полей, чтобы состав, количество и сроки внесения минеральных удобрений были научно обоснованы. Только тогда продукция будет безвредной.

Заслуживает внимания опыт Латвии, где с 1987 г. введена именно такая система использования минеральных удобрений. За пять дней до массовой уборки картофеля и овощей агрономы хозяйств вместе с представителями заготовительных организаций отбирают образцы продукции с полей и доставляют их для анализа на станции химизации сельского хозяйства. Здесь составляют акты-справки о наличии нитратов в каждой партии продукции. Представители торгово-заготовительных организаций, предприятий консервной промышленности и санэпидемстанций выборочно проводят контрольные анализы.

Что же касается контроля за содержанием пестицидов, то его, в идеале, должна проводить межведомственная метрологическая служба, подчиненная постоянно действующей комиссии по безопасности продукции при Совете Министров СССР. В ее работе, согласно проекту Закона о качестве и защите прав потребителя, могут принимать участие представители обществ (союзов) потребителей.

АГАЗИН

АПОЛОГИЯ ПОРОКА

Заметки об одной книге на актуальную тему*

Г. В. ВЯТКИН,
Краснодар

Проблема привилегий вызывает много споров, но исследований по ней пока не было. И, естественно, книга Г. В. Горланова* вызовет большой интерес не только у экономистов, законодателей, но и у широкого круга читателей.

К сожалению, знакомство с первыми же ее страницами разочаровывает: в ней нет самого элементарного — ясного определения понятий. Автор сваливает в одну кучу разные явления: привилегии и льготы, доходы мафиозных групп, денежную зарплату (трактуемую как привилегии) и т. д. Подробное же знакомство с книгой убеждает: автор взялся за неблаговидное дело — апологетику порока, который вызвал столь много бед.

Г. В. Горланов начинает свое повествование с исторического экскурса, из которого следует, что привилегии зародились еще в первобытно-общинном обществе. Привилегированным слоем того общества, по мнению автора, были дети и старики: они не ходили на охоту, но потребляли добычу наравне со всеми. Такие привилегии объясняются автором половозрастным разделением труда.

Современные формы пенсионного обеспечения, пособия многодетным семьям и т. д., как считает автор,— современная форма благополучно перекочевавших через толщу веков половозрастных экономических и социальных привилегий. Но Г. В. Горланов должен бы знать, что есть законы, с помощью которых можно объяснить заботы общества о воспроизводстве материальных благ и рабочей силы. А пособия и пенсии перекочевали из древности совсем не «благополучно», а в результате многовековой ожесточенной классовой борьбы.

Все последующие рассуждения автора тоже сомнительны. К примеру, о частнособственнических привилегиях присвоения прибавочной стоимости. Он считает, что лишить их можно «лишь в случае перехода средств производства в общественную собственность»... Но ведь мы испытали на себе эксплуатацию трудящихся со стороны государства, выступающего реальным владельцем так называемой общественной собственности. А управленческие привилегии выступают одной из форм эксплуатации широких трудящихся масс. Автор же, оправдывая

---

* **Горланов Г. В.** Экономические привилегии. Источники и формы проявления. М.: Экономика, 1990. С. 112.

управленческие привилегии, выводит их опять же из разделения, на этот раз умственного и физического труда. Далее автор перечисляет размеры окладов президентов корпораций, с привилегиями не имеющие ничего общего. Никогда и нигде оклады менеджеров не назывались привилегиями. И как во многих других случаях, автор снова упоминает о мафиозных, «теневых» привилегиях, заодно указывая на события вокруг концерна АНТ. Зачем? Пусть читатель думает, что управленческие привилегии — это не самое большое зло, только «теневые» привилегии заслуживают внимания общества.

Конечно, заслуживают, но как уголовные преступления, не имеющие никакого отношения к проблеме настоящих привилегий. А может быть, управленческие привилегии отнести к разряду преступлений, противозаконных деяний? Тогда все упростилось бы и никаких дорогостоящих специальных комиссий при Советах народных депутатов создавать бы не потребовалось. К сожалению, до такого вывода автор рецензируемой книги не доходит. Напротив, он тщится «научно» обосновать их. Для этого выделена специальная глава «Сущность, характер, виды привилегий и их носители». Как в настоящем научном труде. Читатель снова готовится встретиться с малоисследованной темой. Однако его ожидает разочарование. И тут речь идет о привычном половозрастном разделении труда. И снова «открытие». Оказывается, свыше 40 млн наших людей, которые должны бы пользоваться привилегиями, находятся на грани нищеты. Как же так? Начиная разговор с малолетних детей, чьи привилегии должны бы «благополучно перекочевать» из первобытного общества в цивилизованное, взяться бы автору за анализ ускользнувшего феномена. Но в задачу исследования это не входило. Автор идет дальше, показывая суть денежных привилегий. Пишет о высоких окладах кооператоров, доходах фарцовщиков. Сюда же попадают летчики, популярные актеры и т. п. Сюда же мимоходом вкраплены примеры злоупотреблений отдельных работников обкомов, министерств и других учреждений. Он пишет о спецполиклиниках, санаториях. И заключает свое сумбурное изложение так: не столько сами по себе управленческие привилегии, сколько завеса умолчания вокруг них породили ажиотаж, кривотолки и откровенные политические спекуляции. Вот бы и открыть автору эту завесу. Впрочем, от перечисления всех привилегий, начиная со «спецогурчиков» и кончая дворцами и охотничьими фазендами, ажиотаж вряд ли бы спал. Но автор благоразумно этого не делает, продолжая обосновывать привилегии, классифицировать их.

В заключении второй главы автор делает выводы, над которыми читатель наверняка надолго задумается. Как-никак, речь идет об исследовании. Оказывается, «феномен привилегий не так прост и однозначен...». Выходит, он доступен для понимания лишь читателям с определенным уровнем интеллекта. Так можно домыслить сказанное автором. Но и приводимая им классифи-

кация привилегий тоже требует немалых умственных усилий. Судите сами. «Итак, по своему характеру экономические привилегии могут быть классифицированы как трудовые и нетрудовые, объективные и субъективные, общественно признанные и антиобщественные, законные и противоправные, номинальные и реальные, денежные и натуральные, официальные и неофициальные». Уф, насколько же сложна, оказывается, проблема привилегий. Потребуется специальная монография только для расшифровки данной классификации. И стоит ли браться? Лучше и легче оставить всю проблему как она есть...

Для полноты освещения авторских представлений остановлюсь еще на некоторых моментах.

Возвращаясь к вопросу о происхождении, автор глубокомысленно заявляет, что «натуральные привилегии (собственно, истинные привилегии — Г. В.) являются логическим следствием все того же дефицита и монополии на управление его движением». Кстати, это утверждение автора муссируется и некоторыми депутатами самого высокого ранга. Конечно, зависимость между привилегиями и дефицитом просматривается. Но она противоположна той, которую выдвигает автор рецензируемой книги.

Наша страна — самая богатая в мире по природным ресурсам. У нас самые обширные земельные угодия для выращивания разнообразной продукции. Имеем мы и значительную индустриальную базу, самую крупную в мире армию ученых. Есть и умелые руки. Короче говоря, все необходимое для полного удовлетворения потребностей общества. И тем не менее мы оказались в ситуации острейшего дефицита, которого не испытывала ни одна страна. Все просто: нет связки личного интереса с результатом труда, которая служит двигателем всякого развития. Она у нас разорвана не только в производстве, но и в управлении. Как бы ни сработало отдельное предприятие, район, область, отрасль, народное хозяйство в целом, их руководители всегда получают все необходимое лучшего качества и без всякой очереди: от спецморковки до особняка. Эта категория людей (номенклатура) живет в совершенно иной сфере бытия, чем их рядовые соотечественники, ей неведомы тяготы простого народа. Может быть, сейчас номенклатура как-то забеспокоилась, но с единственной целью: сохранить свое благополучие. Ведь все неразумные миллиардные траты (военные, зарубежные и просто по бесхозяйственности) вызваны не только плохим управлением, но в решающей мере привилегиями, отрезавшими их собственное бытие от общественного. Вот чего нам стоят управленческие привилегии.

И последний упрек в адрес рецензируемой книги. Когда автор говорит о так называемых профессиональных привилегиях, то сваливает в кучу вещи совершенно разные. Среди привилегированных профессионалов он называет военнослужащих — нет-нет, не генералов с помещичьими льготами, а солдат, имеющих по бедности право бесплатного проезда в трамвае;

спортсменов; торговцев, обсчитывающих покупателей. И уж совсем кощунственно относить к привилегированным слоям шахтеров или металлургов.

Словом, издательство «Экономика» выпустило в свет явно неудачную книжку. Неясно лишь одно: по своей инициативе или по спецзаказу? Автор книги в своем предисловии обращается к читателю с напоминанием, что он поставил задачу научно обосновать рассматриваемую им тему. Но насколько он с ней справился — судить читателю. Так вот, я как читатель ставлю автору неудовлетворительную оценку.

* *

ПРЕДПРИЯТИЕ ИЗ УПРАВЛЕНЦЕВ

В условиях, когда не предусматриваются обязательные отчисления на содержание работников объединения, интересен опыт арендного производственного обьединения «Карелстройматериалы», перестроившего работу аппарата управления.

Из обособленного звена численностью около 90 человек мы создали хозрасчетное предприятие. С бывшими подведомственными организациями, входящими в состав объединения, предприятие стало строить отношения только на договорной основе, по выполнению конкретных работ. От фиксированных перечислений мы отказались в течение года почти полностью. Образованные на базе бывших отделов девять хозрасчетных центров имеют прейскуранты по видам и стоимости услуг. Вспомогательные службы — кадровая экономическая и т.п. — финансируются за счет отчислений с хозрасчетных центров. Бухгалтерия ведет учет выручки и дохода отдельно по каждому центру.

Переход на хозрасчет давался нелегко, не было уверенности, что мы будем нужны предприятиям. Но в течение года наши отношения стали гораздо теснее. Конструкторский центр, отделы (центры) автоматизированных систем управления, главного механика и др. набрали на 1991 г. значительный портфель заказов и чувствуют свою необходимость. В 1990 г. на хозяйственных договорах мы заработали около 600 тыс руб. На 1991 год планируем 1200 тыс. руб.

Другим направлением работы предприятия, созданного на базе аппарата управления, стало заключение долгосрочных договоров на внедрение передовой технологии, новой техники, расширение и реконструкцию производства. К этой работе привлекаются работники всех центров. Есть примеры удачных решений технических вопросов на предприятиях. Оплата по договорам идет в виде отчислений от процента прироста прибыли или от суммы вложенных средств. Надо сказать, что работа на хозрасчете разбудила в бывших управленцах предпринимательский дух и стремление доказать свою полезность. Вопрос «Нужно ли объединение?» у нас снят с повестки дня. Если даже государство отберет у нас

право управления государственным имуществом, то связи, сложившиеся на основе хозяйственных договоров между предприятиями и бывшими управленцами, останутся.

В разработке общих подходов и документации по хозяйственному расчету в аппарате управления объединения значительную помощь нам оказали научные сотрудники из Москвы к. э. н. П. С. Осипенко и д.ф.н. Н. И. Алексеев.

А. М. АНИСИМОВ,
ПО «Карелстройматериалы»,
Петрозаводск

Закон Паркинсона, принцип Питера, идем дальше?

Иерархиология, исследующая закономерности функционирования административных структур, недавно возникла на Западе как наука и уже добилась определенных результатов. Наиболее известные — закон Паркинсона и принцип Питера. По мнению авторов, их выводы не ограничены национальными, религиозными или политическими рамками. Закон Паркинсона формулируется так: объем работы возрастает в той мере, в какой это необходимо, чтобы занять людей и время, выделенное на ее выполнение. Принцип Питера: в иерархии индивидуум имеет тенденцию подниматься до своего уровня некомпетентности. Поскольку любой компетентный человек — кандидат на выдвижение, то рано или поздно он поднимется по служебной лестнице до критического уровня. Отсюда следствие: вся полезная работа совершается людьми, не достигшими своего «потолка».

Мы обладаем бесценным кладом — ни в одной стране нет такого экспериментального материала для исследований в области иерархиологии, как у нас. И в самом деле, отечественный опыт работы с бюрократией отличен от зарубежного. Мы находимся внутри самой исследуемой системы, да и сама система имеет другие формы. Наблюдается явный перекос в пользу практики, а потому отечественные теоретические исследования по иерархиологии явно отстают. Сформулируем в связи с этим принцип, основанный на анализе собственного опыта. Не надо только воспринимать его как критику административной системы. Это скорее попытка ее понять.

ПРИНЦИП. Любая организация создается для какого-нибудь дела, но целью ее функционирования в итоге становится устойчивость собственного существования.

Следствие 1. Организация преследует не тех, кто некомпетентен, а тех, кто представляет угрозу ее существованию.

Следствие 2. Организация идет на перестройку собственной структуры, когда видит в этом способ сохранить самое себя.

Следствие 3. Для сохранения устойчивости организация должна разрастаться. Учреждения пополняются служащими, и объем работы растет пропорционально их числу (закон Паркинсона).

Следствие 4. Лучший руководитель тот, чьи действия гарантируют не максимальную эффективность организации, а ее устойчивость.

Следствие 5. Идеальный рядовой работник тот, кто всецело поглощен служебными обязанностями и понятия не имеет о конечной цели. Он лишь соблюдает правила, оберегая этим устои.

Следствие 6. При распределении льгот за работу по заказу структуры максимально возможная премия остается внутри нее самой.

Следствие 7. У публики и вышестоящей структуры организация должна создавать миф о своей уникальности и необходимости.

Следствие 8. Устойчивость организации повышается с увеличением объемов финансовых операций. Поэтому руководитель, затрачивающий миллионы, более приемлем, чем экономящий.

Читатели наверняка могут привести примеры из собственного опыта, подтверждающие отдельные следствия принципа. Возможно, кто-то сумеет использовать предложенный принцип в своей карьере, а кто-то — продолжит исследования.

Т. Р. КИЛЬМАТОВ,
Владивосток

ОРУЖИЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Виталий ГЕРАСИМОВ,
Йошкар-Ола

Пришел Работяга к Начальнику. Тот сидел за большим, как теннисный корт, столом. На нем потерялись три телефонных аппарата, два стаканчика для карандашей, чайная пара с васильками. Приятно пахло цейлонским чаем.

— Слушай, — сказал Работяга, вспоминая времена, когда и он покупал этот чай, — почему ты не перестраиваешься? Вся страна напрягается, а ты спокойно чаи гоняешь?

— Во-первых, садись, посоветоваться надо, — сказал Начальник. — Во-вторых, — он поднял указательный палец, — перестройку начинай с себя. И в-третьих: а что ты сам сделал для перестройки?

— Я работаю.

— А до апреля восемьдесят пятого что делал?

— Работал.

— Вот видишь, — вздохнул печально Начальник. — Какая же это перестройка?

Стыдно стало Работяге.

— А что делать? — тихо спросил он.

— Работать интенсивнее, с ускорением!

Работяга так и сделал. Вкалывал до седьмого пота. А получал столько же. Но и эти деньги не мог уже истратить.

Снова пошел он к Начальнику. Тот сидел теперь окруженный с двух сторон компьютерами: на одном экране были русские слова, а на другом — английские.

— Прилавки пустеют, — сказал Работяга. — Перестройки не вижу.

— О ней не по прилавкам судят, дорогой мой. Демократизация — кардинальный вопрос. И мы его решили. А ты что сделал?

— Перевыполняю норму. Каждый день.

— А в застойные годы не перевыполнял?

— Было дело.

— То-то. Какая же это перестройка? Надо внедрять подряд и аренду, приватизироваться и прочее.

Работяга пораскинул мозгами, сколотил подряд, взял аренду и рванул приватную выработку аж до небес! Но в материальном отношении от земли так и не оторвался. Снова пошел к Начальнику. Тот вышел из-за стола и сел рядом с Работягой, дружески положив ему руку на плечо.

— Вот видишь, — ласково заговорил он, — я перестроился. Чаи не гоняю, перешел на...

В это время длинноногая секретарша вкатила на колесиках столик с дымящимися чашечками ароматного кофе.

— Напиток деловых людей, — кивнул Начальник, пододвигая гостю и бутерброд с голландским маслом. — А ты что пьешь? Говорят, на талоны не все дают.

— Пью крутой кипяток, без сахара. Потею и дома, и на работе. Но так и не знаю, куда девается и моя продукция, и прибыль.

— А Карла Маркса читал?

— Нет.

— Почитай, — Начальник достал из книжного шкафа «Капитал», сдунул с него пыль и подал Работяге. — Осилишь до пенсии?

— А если раньше?

Хозяин кабинета насторожился.

— Ну ты даешь! — он отпил глоток делового напитка. — Вундеркинды у нас перевелись еще до застойных времен. Так что читай, дорогой товарищ, и не торопись.

Проштудировав классика, Работяга поспешил к Начальнику. Тот начал говорить первым:

— Мы тут посоветовались и, учитывая мировой опыт, решили освободить вас от работы в связи с уходом на пенсию досрочно.

— Чепуха, я здоров! — сказал Работяга.

— Ну... потеете... нервы того...

— Так это ж от работы!

— Персональная пенсия плюс пособие по безработице плюс индекс...

— К едрене-фене твой индекс! — выругался Работяга и хлопнул по голове оппонента увесистым томом. — Это тебе персонально от Карла Маркса, с моим пособием и без индекса.

... Скорая помощь не понадобилась.

После этого Работяга стал пить чай грузинский под названием «чефир». Жена прислала полтавскую колбасу. А в тутошней лавке была икра. Правда, пока баклажанная...

КАЖДОЙ СЕМЬЕ СВОЕГО ИНВАЛИДА

У меня теща родная инвалид первой группы. Дай Бог ей здо... долголетия, хочу сказать! Во-первых, ей еженедельный продуктовый паек положен, во-вторых, она к промтоварному магазину «Ветеран» прикреплена. Без тещиного пайка семья бы ноги протянула, а без ее «Ветерана» я давно бы босиком по городу шастал.

Башмаки зимние у меня развалились. А новые где достать? Только у тещи. Взял ее документ — и в «Ветеран». Смотрю, полусапожки мужские выбросили, румынские, как раз моего размера. 50 рэ пара — считай, задаром. Я, понятно, к прилавку и документ предъявляю. А продавщица молоденькая спрашивает меня ехидненько:

— Гражданин, вы мужчина или женщина?

— А что, не видишь? — огрызаюсь.

— Вроде бы мужчина, — отвечает. — Да в документе значится Полякова Клавдия Алексеевна.

— Моя теща, — отвечаю, — лежачая больная.

— А зачем тогда ей мужская зимняя обувь, да еще сорок четвертого размера?

— Я же сказал, лежачая! От лежания ноги мерзнут, в комнате-то холодина собачья — батареи чуть теплые. Поняла?

— Поняла, — говорит мне продавщица. — Да только мужская-то обувь ей зачем?

Тут я не выдержал и ка-а-ак гаркну на весь «Ветеран»:

— А женская зимняя сорок четвертого размера есть у тебя?!

— Могу поискать.

Ушла куда-то и, представьте, возвращается минут через пять с женскими сапогами сорок четвертого размера и стоимостью 200 рэ. Вот дрянь такая. Пришлось купить этот дамский ужас: не ходить же босиком. К счастью, сапожищи эти не на высоком каблуке. Только цвет красный. Да что тут поделаешь. По нашим временам я своей обувкой и не удивлю никого, только бы не сняли: уж больно приметные.

Надо сказать, из-за этих сапог я с женой поругался. Да так, что чуть на развод не подали. Моя благоверная захотела их себе забрать. Правда, размер у нее тридцать пятый всего, но ведь и ей ходить не в чем. Словом, не поделили и такого друг другу наговорили, что явственно обозначилось полное несходство характеров. И это после двадцати четырех лет совместной жизни.

К судье наметили идти — пусть решит, кому сапоги носить, если не хочет, чтобы советская семья распалась. И вдруг узнаю: юбиляры, ну те, у которых серебряные, золотые и бриллиантовые свадьбы, шикарным

продуктовым заказом награждаются и приглашение в фирменный магазин «Гименей» получают. А та-ам... И обувь мужская бывает, и костюмы разные, и косметика, и изделия ювелирные. Так не лишаться же из-за каких-то сапог цвета Красного Октября продуктового заказа с красной икрой и шмоток из «Гименея». К судье мы с женою, конечно, не пошли, а принялись интенсивно укреплять семью. Насчет сапог договорились. День их жена носить будет, день я, а день — теща в них будет лежать. Тещу беречь надо — когда еще в семье второй полноценный инвалид появится.

Э. В. ВЕЙЦМАН,
Москва

РАЙСКАЯ ДОРОГА В АД

Игорь ЧЕРВЯКОВ,
Москва

Ничто человеческое и богам не чуждо. Поэтому когда старина Саваоф сотворил себе автомобиль, никто не удивился. Всевышний сел за руль, и тотчас перед ним встала проблема — где ездить? Дороги между раем и адом не существовало: овраги, скалы, застывшая лава, вулканический пепел, горы консервных банок и битой посуды. Население небес порхало над этим хаосом, и ему не было никакого дела до автострады.

Сначала Саваоф попробовал сотворить дорогу волевым усилием, но, поднатужившись до испарины, отступился. Его некомпетентность в дорожном деле была очевидна. Завздыхал. Загрустил. Затих. Вывела его из состояния мрачного оцепенения бодрая песня о молодом моряке, что едет на законную побывку. Саваоф огляделся. На небеса возносился сплющенный грузовичок с командой бедовых ребят в телогрейках, кирзовых сапогах и дерматиновых кепках-шестиклинках.

— Кто такие? — поинтересовался Всевышний.

— Дорожно-строительная бригада Зыряновского леспромхоза, — по-военному четко отрапортовал старшой. — Ехали... С авансу... С устатку... С прицепом... А тута бульдозер насупротив... Мы и не виноватые...

— Милые мои, хорошие, — просиял Саваоф. — Вы-то мне и нужны. Позарез!

Строительство дороги решили повести от чистилища — в сторону рая и в сторону ада одновременно. С этой целью зыряновские дорожники разделились на две равные команды. Ответственными за своевременную сдачу объекта назначались Черт (дорога в ад) и Ангел (дорога в рай).

И Черт и Ангел были ребята сообразительные. Черт в километре от

чистилища поставил ящик вермута «розового, крепкого» и сказал:

— Мужики! К вечеру исполните километр дороги — ящик ваш.

Ангел в километре от чистилища соорудил походный амвон и пообещал:

— Заблудшие овцы, старайтесь! Ибо, соорудив километр дороги, вы сделаете богоугодное дело, за что будете одарены высококвалифицированным рассказом о жизни в раю, которая вас ожидает за ударную работу.

Молодцы-зыряновцы дружно взялись за дело и к обеду — ноздря в ноздрю — построили по километру шоссе с односторонним, естественно, движением. После этого одна команда принялась за вермут, а вторая стала внимать проповеди.

Все были довольны, и мир царил в потустороннем мире. На следующий день Черт сызнова отмерил километр и у финишной черты водрузил ящик уже упоминавшегося напитка. Ангел не замедлил перенести амвон также на один километр ближе к раю. Ребята из чертовой команды уже к полудню, оставив за собой ровную и гладкую дорогу, почали ящик. Заблудшие овцы из ангеловой команды притащились к амвону лишь под вечер. Дорога, построенная ими во второй день, зияла колдобинами, ямами, ухабами. Это неудивительно: трудно работать и горько слушать проповедника, когда голова все время повернута в сторону бывших приятелей, поглощающих вермут (напомним: приятно розовый и зело крепкий!).

На третий день процедура с отмериванием километра, вермутом и амвоном повторилась. К вечеру, когда чертовы мужики уже вовсю гремели песню о молодом моряке на побывке, заблудшие овцы пошабашили на полдороге от финиша. Усилия не пропали втуне: их детище — шоссе — напоминало ребристую поверхность стиральной доски. Ангел гнал их на проповедь о совершенствовании дорожно-строительных работ. Они грубо отказывались. Ночью спали неспокойно. Синие от татуировок кулаки были сжаты. Некоторые стонали.

Утром четвертого дня Ангел с ужасом увидел своих подопечных в команде, возглавляемой Чертом. Они вдохновенно трудились, и пот струился по их разгоряченным лицам. За спинами прилежных тружеников оставалась гладь бархатного шоссе. Впереди маячил Черт с удвоенным количеством премиального вермута..

— Перебежчики! — завопил Ангел. — Ведь вы помогаете строить дорогу в ад?! В ад, соображаете, дурьи башки?!

Смачная ругань стала ответом экспансивному Ангелу. Ангел заплакал и улетел вешаться на райском дереве.

...Скажем по секрету: дорога в ад получилась отменной. Дорога в рай все еще строится, и конца этому строительству не видно. Впрочем, впереди у строителей вечность.

ОПЕЧАТКИ

Александр ГАВРИЛОВ,
Рига

Гроб цена.
Перст приказующий.
Диван-да-Марья.
Мальчик на поберушках.

Стон заказов.
Подохный налог.
Речь — голова с плеч.
Программа 500 пней.

ФРАЗЫ

* От культа личности к культу наличности.
* Деньгами не сорить — с бумагой напряженка!

А. БАРАНОВ, Кемерово

* У попугая все слова крылатые.
* Пора уравнять льготы ветеранов борьбы за социализм и ветеранов жизни при социализме.
* Гдемократия.
* К длинному языку хороши длинные ноги.
* Правоохранительные органы есть. Нужны левоохранительные.
* Не долетев до дна, из ямы не выбраться.
* Дегенератор идей.
* Демокрад.
* Окружить взиманием.
* Студия срамзаписи.

С. ВАЛЕНТЕЕНКО, Минск

* От съезда к съезду. Так и коротали время.
* Семь бед. Ни одного ответа.
* Идите в баню. Там все равны.
* Водка по талонам. Переход к рюмочной экономике.
* Пессимист все отрицает. Оптимист уже признался.
* Курица несет яйца. Птичница берет обязательства.
* Встречать по одежке. Провожать понаслышке.

Ю. САВЕЛЬЕВ,
Находка Приморского края

Цена 1 руб.
Индекс 71117

5/1991
ЭКО